

Шонда Раймс
Год, когда я всему говорила ДА

«Эту книгу так же весело читать, как и смотреть сериалы Шонды». – LOS ANGELES TIMES

*New York
Times
Bestseller*

ГОД,
когда я всему говорила

ДА

*Идти по жизни, танцуя,
держаться солнечной стороны
и оставаться собой*

ШОНДА РАЙМС

*создатель сериалов «Анатомия страсти»
и «Как избежать наказания за убийство»*

Аннотация

Одним рождественским утром она поняла, что несчастна.

Ее жизнь превратилась в бесконечный забег по кругу «работа – дом – работа», где не было места новому опыту и сильным эмоциям. И тогда Шонда Раймс бросила себе вызов – целый год говорить «да!» всему, от чего раньше отказывалась. Да – интервью в прямом эфире. Да – выступлению перед выпускниками Йельского университета. Да – игре в куклы с дочкой. Да – настоящей жизни!

Эта книга – одновременно веселые мемуары незаурядной женщины и захватывающий тренинг преобразования жизни. Она содержит удивительно простой и невероятно действенный рецепт обретения себя.

Шонда Раймс Год, когда я всему говорила ДА

Shonda Rhimes

YEAR OF YES

Copyright © 2015 by Ships At A Distance, Inc.

© Мельник Э., перевод на русский язык, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Посвящается Харпер, Эмерсон и Беккетт

Да будет каждый год годом «Да». Да унаследуете вы будущее, в котором от вас больше не потребуется быть П.Е.И. А если этого пока не случилось – вперед, начинайте революцию. Я верю – вы можете.

...и Делорс

За то, что дала мне разрешение начать мою собственную революцию. И за то, что всякий раз говорила «да» и была рядом, стоило мне произнести твое имя. Ты П.Е.И. в нашей семье – для нас пятерых, которые шли за тобой. Спасибо за то, что даешь нам второй шанс.

Потребность в переменах, как бульдозер,
шоссе пробила посреди сознания.

МАЙЯ АНГЕЛУ

Если хочешь, чтобы с тобой перестала случаться всякая дрянь, перестань довольствоваться дрянью и требуй чего-то большего.

КРИСТИНА ЯНГ «Анатомия страсти»

**Привет!
Я стара и люблю врать**

(это своего рода отказ от ответственности)

Я – врунья.

Пусть все об этом знают, плевать.

Я постоянно что-то выдумываю.

Мой мозг так и тянется к вымыслу. Прямо как цветок за источником света. Или как правая рука – за шариковой ручкой. Склонность привирать подобна скверной привычке: легко подцепить, трудно избавиться. Плести небылицы, травить байки – вот мой маленький грязный порок. И мне он нравится. Но прежде чем вы начнете строить догадки о моем психическом здоровье, позвольте объясниться: это не *просто* плохая привычка – это *моя работа*.

Чес-слово!

Взаправду.

Много лет назад она вынуждала меня вставать на колени в церкви во время школьных переменок, читая молитву Розария¹ то одной, то другой монахине в католической школе Св. Марии в Парк-Форесте, штат Иллинойс. Так меня наказывали. Наказывали за то, что в скором будущем стало моей прямой, честное-слово-клянусь-Иисусом-Марией-и-Иосифом, обязанностью.

«Только не говори никому! Знаешь, кто моя мама? Беженка из России. Она была помолвлена с одним парнем, Владимиром, ей пришлось покинуть любовь всей своей жизни и все такое. Как это печально! А теперь она вынуждена притворяться совершенно обычной американкой, иначе всех нас могут убить. Конечно же, я говорю по-русски. Еще бы! Что? Да она *чернокожая* русская, тупица! Такая же, как белые русские. Только чернокожая. В общем, не суть, какая она там русская, главное, мы никак, ни в коем случае не можем туда поехать, она теперь там приговорена. За то, что пыталась убить Леонида Брежнева. В смысле – *зачем?! Ты что, вообще ничего не знаешь? Чтобы предотвратить ядерную зиму. Чтобы спасти Америку. А ты как думала!*»

По идее, меня следовало бы похвалить – ведь я знала, кто такой Леонид Брежнев. По идее, мне полагались бонусные очки за интерес к советской политике. По идее, кому-то не мешало бы поблагодарить меня за то, что я просвещала таких же десятилеток, как я сама, насчет холодной войны.

Колени. Церковь. Монахини. Розарий.

Я способна проговорить Розарий даже во сне. Я и *проговаривала* его во сне.

И виной тому – моя любовь к плетению небылиц. Плетение небылиц в ответе за все, что я делала и делаю, за все, что я есть, за все, что есть у меня. Без побасенок, вымысла, придуманных мною историй весьма вероятно, что сегодня, прямо сейчас, я была бы очень тихой библиотечаршей в Огайо.

Плоды моего воображения изменили ту дорожку вниз по наклонной, которую прочили мне монахини в нашей школе. Придуманные мною истории привели меня из маленькой спальни, которую я делила со своей сестрой Сэнди в доме предместья Чикаго, в студенческую общагу одного из университетов Лиги плюща в холмах Нью-Гемпшира. А потом доставили и до самого Голливуда.

Моя судьба целиком и полностью едет верхом на моем воображении.

Греховные рассказы, которые влекли за собою наказание в виде молитвы во время школьных переменок, это те же истории, которые теперь позволяют мне покупать в продуктовом магазине бутылку вина и стейк, не задумываясь об их цене. Эта возможность очень важна для меня. Когда-то она стояла в списке жизненных целей. Даже Целей! Ведь в ту пору, когда я была нищей студенткой киношколы, у меня часто не водилось денег. Мне приходилось *выбирать* между вином и вещами вроде туалетной бумаги. Стейк в этом

¹ Одна из основных католических молитв. Слово «Розарий» означает «венок из роз». Святой Розарий является как бы небесным венком, сплетенным из молитв и размышлений – *Прим. ред.*

уравнении даже не рассматривался.

Или вино, или туалетная бумага.

Вино.

Или.

Туалетная бумага.

Туалетная бумага побеждала не всегда.

Я сейчас заметила, как вы одарили меня *этаким* взглядом. Вы правда меня *осудили*?

Нет. Вы *не* стали бы открывать эту книгу лишь затем, чтобы осуждать меня. Не *так* мы с вами начнем наше путешествие и не так закончим. Мы пройдем его, как настоящие друзья. Так что пусть та, что без вина, первой бросит в меня камень.

И да, порой туалетная бумага проигрывает.

Потому что иногда вино безденежной женщине нужнее.

Так что вам придется сделать мне поблажку, если я не расположена извиняться за свою любовь к волшебству двусмысленности и вымысла. Потому что вымыслом я зарабатываю на жизнь.

Теперь работа воображения – моя работа. Я пишу телевизионные сценарии. Я придумываю персонажей. Я мысленно творю целые миры. Я добавляю новые слова в лексикон повседневных разговоров – может быть, благодаря моим фильмам вы говорите о «веджейджей»² и рассказываете друзьям, что у вас на работе кого-то «уко́нтраПоупили»³. Я рожаю детишек, я обрываю жизни. Я танцую. Я играю положительных героев. Я оперирую. Я гладиаторствую. Я отпускаю грехи. Я плету небылицы, травлю байки и заливаюсь соловьем, сидя у костра. Вымысел – моя работа. Вымысел – мое призвание. Вымысел – мой *кайф*.

Да, я лгунья.

Но теперь я лгунья *профессиональная*.

«Анатомия страсти» была моей первой настоящей работой на телевидении. То, что ею оказалась созданная мною же телепрограмма, означает, что я ничего не знала о работе на телевидении, когда начинала создавать собственную телепрограмму. Я расспрашивала всех телесценаристов, с которыми сталкивалась, о том, что это за работа такая, каково это – быть ответственным за целый сезон сериала кабельного телевидения? Я получила целую кучу полезных советов, большинство которых давали ясно понять, что каждая программа уникальна и отличается от всех остальных. С одним исключением: все до единого встреченные мною сценаристы сравнивали работу на телевидении с одним и тем же образом – прокладкой рельсов для надвигающегося скорого поезда.

Сюжет – это рельсы, и ты должна укладывать их, потому что надвигается этот самый поезд. Поезд – это производство. Ты продолжаешь писать, продолжаешь укладывать рельсы, потому что поезд производства надвигается на тебя – несмотря ни на что. Каждые восемь дней съемочной группе нужно начинать готовиться к новому эпизоду: искать съемочные площадки, строить декорации, создавать костюмы, находить реквизит, планировать съемки. И каждые восемь дней после этого группе нужно *снимать* новый эпизод.

Восемь дней на подготовку.

Восемь дней на съемки.

Восемь дней, восемь дней, восемь дней, восемь дней.

Это означает, что каждые восемь дней этой съемочной группе нужен новехонький сценарий. И моя работа, черт возьми, обеспечить его. Каждые. Восемь. Дней. Потому что худшее, что ты можешь сделать, – это застопорить производство, сбросить поезд с рельсов и вогнать студию в сотни тысяч долларов убытков, пока все тебя ждут. Именно так

2 Отсылка к телесериалу «Анатомия страсти».

3 Отсылка к телесериалу «Скандал».

превращаются из просто телесценаристов в телесценаристов-неудачников.

Поэтому я научилась укладывать рельсы оперативно. Искусно. Творчески. И при этом быстро, как долбаная молния.

Присыпать слоем вымысла.

Вставить в брешь какую-то историю.

Приколотить по краям воображением.

Я всегда ощущаю пятой точкой жар мчащегося поезда. Он так и норовит меня раскатать. Но я не отступаю в сторону, позволяя холодному ветру ударить в лицо, когда поезд пронесется мимо. Я никогда не отступаю. Не потому, что не могу. Просто не хочу. Что это тогда за веселье? А ведь как по мне, на всем свете нет лучшего веселья. Этот адреналин, эта спешка, это... я называю это *гулом*. Этот гул, который гудит внутри моей головы, когда я нахожу нужный творческий ритм, нужную скорость. Когда укладка рельсов переходит от ощущения, будто карабкаешься на четвереньках в гору, к ощущению полета по воздуху без малейших усилий. Словно преодолеваешь звуковой барьер. Все внутри просто переключается. Я преодолеваю творческие границы. И ощущение от укладки рельсов меняется, трансформируется, превращается из напряжения в экзальтацию.

Я теперь дока в этом деле – в плетении небылиц.

Я могла бы выступать в этом виде спорта на Олимпиаде.

Но есть еще одна проблема.

Я стара.

Не в том смысле, что потрясаю кулаками и ору, если кто-то удумает пробежаться по моей лужайке. И не в морщинисто-почтенно-старейшинском смысле. Снаружи я вообще не похожа на старуху. В смысле снаружи я выгляжу очень даже хорошо.

Я выгляжу *молодо*.

И, возможно, мне никогда не светит выглядеть каргой преклонных лет. Серьезно. Я никогда не состарюсь. Не потому, что вампирша или что-то в этом роде. Я никогда не состарюсь, потому что я – дочь своей матери.

Моя мать? Она выглядит невероятно. В худшем случае, в свой самый плохой день, она похожа на слегка обеспокоенную двадцатипятилетнюю женщину, которая накануне слишком рьяно веселилась на вечеринке. Этой женщине скоро исполнится... ей не понравится, если я вам скажу. Так чтобы вы знали: у моей матери шестеро детей, семнадцать внуков и восемь правнуков. Каждый раз, когда ее вижу, говорю, что она потрясно выглядит. И это правда.

Все женщины в моем роду выиграли в генетическую лотерею.

Думаете, я шучу?

Ничуть!

Старая, я встану в один ряд с остальными женщинами по маминой линии и буду наслаждаться всеми привилегиями от обналичивания этого выигрышного билета. Потому что мы не просто выиграли в лотерею – мы получили джекпот, детка. Все шесть чисел⁴.

Мои тетки, кузины, сестры – все мы, потомки моей бабули Роузи Ли, – начинаем чертовски хорошо выглядеть с возрастом. Мы с моей сестрой Сэнди любим напоминать друг другу, что «будем самыми горячими штучками в доме престарелых». Именно это одновременно и горько, и сладко, и печально. Из-за моего мозга.

Мой мозг. О, мой мозг!

Мой мозг – он такой старый!

Ужасно старый.

Старый до беззубости.

Так что да, я буду одной из двух самых горячих штучек в доме престарелых «Закат» для

⁴ В американской лотерее Powerball в каждом розыгрыше происходит выбор пяти чисел из первого блока (от 1 до 69, белые шары) и одного числа из второго (от 1 до 26, красные шары). При выигрыше джекпота он обычно выплачивается тридцатью ежегодными платежами).

тех, кто не желает такой жизни, как в «Серых садах»⁵. Но хотя мне наверняка суждено быть королевой этого бала старых переряженцев, я не вспомню о том, что когда-то мне казалось, будто быть сексуальной штучкой в доме престарелых – это весело. Может быть, внешне я и выиграла в генетическую лотерею, но вот внутри...

Мы тут делаем выбор между вином и туалетной бумагой, договорились?

Моя память – полный отстой.

Это незаметно. Наверное, не будь у меня необходимости с утра до вечера самовыражаться, вытаскивать из собственной головы слова, я бы этого и не заметила. Но мне приходится. Так что я об этом знаю. Может быть, если бы моей первой телевизионной работой не был медицинский сериал, который заставлял меня с воплями кидаться к врачу с ипохондрической уверенностью в опухолях и болезнях всякий раз, стоило мне чихнуть, я списала бы все это на недостаток сна. Но он заставлял. Так что списать не выйдет.

Имена забываются. Подробности одного события смешиваются с другим. Феерическую историю, которую, как я была уверена, рассказал один человек, на самом деле рассказывал другой. Содержимое моей черепной коробки – выцветающая фотография. Истории и образы уплывают в неведомые дали, оставляя проплешины там, где следовало быть имени, событию или месту.

Любой, кто смотрел «Анатомию страсти», знает, что я одержима лечением болезни Альцгеймера. Любой, кто знаком со мной хотя бы шапочно, в курсе, что больше всего на свете я боюсь заболеть болезнью Альцгеймера.

Так что я абсолютно уверена: эта болезнь у меня есть. Я уверена, что у меня есть Альцгеймер. Настолько уверена, что хватаю остатки своей памяти и мчусь с ними к врачу.

Альцгеймера у меня нет.

Пока.

(Спасибо тебе, вселенная! Ты красавица и умница!)

У меня нет Альцгеймера.

Просто я стара.

Наполним бокалы за мою юность.

Просто время мне не друг. Мою память медленно, но верно вытесняют пустые пространства. Детали моей жизни исчезают. Со стен моего мозга воруют картины.

Это изнурительно. Это приводит в растерянность. А порой бывает смешно. И часто печально.

Но.

Я зарабатываю на жизнь плетением небылиц. Всю жизнь этим занимаюсь. Так что...

Даже не подчиняясь никакому плану, даже не предпринимая сознательных попыток, даже не осознавая, как это получается, рассказчица внутри меня делает шаг вперед и решает проблему. Моя внутренняя лгунья берется за дело, отодвигая в сторону мозг, и принимается сучить пряжу. Начинает просто... заполнять пустые пространства. Латать дыры и соединять точки.

Укладывать рельсы для поезда, который надвигается, несмотря ни на что.

Потому что это весело, детка.

Залакировать отсутствующую действительность вымыслом – вот цель.

Эта книга – не вымысел. Она не о персонажах, которых я придумала. Ее действие происходит не в «Сиэтл Грейс» и не в «Поуп и партнеры». Она обо мне. Она имеет место в реальности. И в ней, по идее, должны быть *только* факты.

Что означает, что я не могу ничего приукрасить. Не могу понемножку прибавить то тут, то там. Не могу приспособить здесь ленточку, а вон там горстку блесков. Не могу придумать концовку получше или ввести более волнующий поворот. Не могу просто сказать «да ну на фиг» и выдумать славную небылицу.

⁵ Телевизионный биографический фильм-драма о двух стареющих чудаковатых родственницах Жаклин Кеннеди.

Я не могу травить байки. Мне необходимо рассказать вам правду. Все, с чем мне приходится работать, это правда. Но это *моя* правда. И в этом заключается проблема.

Вы понимаете, верно?

Итак, вот он, мой отказ от ответственности.

Правда ли все то, что написано в этой книге, до последнего-распоследнего словечка?

Надеюсь, что так.

Думаю, так.

Верю, что так.

Но как я, черт возьми, смогу вспомнить, если это было *не* так?

Я стара.

Мне нравится выдумывать.

Ладно. Это возможно. Где-то здесь вполне могут оказаться рельсы. Я вообще могла уложить рельсы для поезда по всем этим страницам. Я не нарочно. Я не старалась это сделать. И не думаю, что сделала. Но это возможно.

Это правда, которую я помню. Правда, какой я ее знаю. Настолько, насколько может знать старая лгунья. Я очень-очень стараюсь. И поэтому, даже если я не изложила в точности каждую деталь... что ж...

...еще раз для галерки, все вместе...

Я стара.

И я люблю врать.

Пролог **Во весь рост**

Когда мне впервые предложили написать об этом годе, моим первым побуждением было сказать «нет». Писать о себе – от этого почти такое же ощущение, как если бы я решила влезть на стол в очень чопорном ресторане, задрать платье и продемонстрировать всем, что я без трусов.

В смысле ощущение *шокирующее*.

Это выставляет на обозрение те кусочки и крошки, которые я обычно держу при себе.

Сомнительные кусочки.

Тайные крошки.

Видите ли, я – интроверт. Законченный. До мозга костей. Мой костный мозг – это костный мозг интроверта. Мои сопли – это сопли интроверта. Каждая клеточка в моем теле при каждом набираемом мною слове непрерывно орет мне, что писать эту книгу – поступок противоестественный.

Истинная леди никогда не раскрывает свою душу за пределами будуара.

Показывая вам себя голяком во весь рост, я нервничаю и дергаюсь, словно у меня сыпь на неприличном месте. Я начинаю тяжело дышать, точно перепуганная псина. Начинаю неуместно смеяться на публике всякий раз, как подумаю, что люди это читают.

Написание книги вызывает у меня дискомфорт.

И в этом, дорогой мой читатель, весь смысл. Вся цель. Вот почему я все равно ее пишу. Несмотря на тик, смешки и тяжелое дыхание.

Излишек комфорта в моей жизни – вот с чего все это началось.

Точнее, с излишка комфорта и с того, что я услышала шесть ошеломительных слов.

И еще с индейки.

1 **НЕТ**

«Ты никогда ничему не говоришь «да».

Шесть ошеломительных слов.

Вот исток и начало всего. Моя сестра Делорс произнесла шесть этих слов и тем изменила все. Она произнесла шесть слов – и теперь, когда я пишу это, я уже стала другим человеком.

– Ты никогда ничему не говоришь «да».

Она даже не *произнесла* эти шесть ошеломительных слов. На самом деле она их пробормотала. Ее губы едва шевелились, глаза безотрывно следили за большим ножом, который она держала в руке, нарезаая кубиками овощи – в бешеном темпе, пытаясь обогнать часы.

Да-да-да.

Нынче 28 ноября 2013 года.

Утро Дня благодарения. Так что, ясное дело, ставки высоки.

День благодарения и Рождество всегда были маминой епархией. Она дирижировала семейными праздниками с безупречным совершенством. Еда всегда вкусна, цветы всегда свежи, краски всегда сочетаются. Все идеально.

В прошлом году мама объявила, что устала одна делать всю работу. Да, в ее исполнении она *выглядела* легкой и непринужденной, но это не означает, что она была таковой на самом деле. Так что моя мать, продолжая оставаться верховным божеством, объявила о своем отречении от трона.

И вот этим утром Делорс начинала свой путь к коронации.

Ответственность сделала мою сестру собранной и опасной.

Бормоча эти слова, она даже взглядом меня не удостаивает. Нет времени. Голодные родственники и друзья нагрянут к нам меньше чем через три часа. А мы еще даже не добрались до стадии поливания индейки соком. Так что если моя сестра не может меня убить, запечь и подать с начинкой, подливой и клюквенным соусом, то получить ее полное и безраздельное внимание в данную минуту мне не суждено.

– Ты никогда ничему не говоришь «да».

Делорс – старшая дочка в нашей семье. Я – младшая. Нас разделяют двенадцать лет. Этот временной промежуток заполняют наши братья и сестры: Эльнора, Джеймс, Тони и Сэнди. Учитывая такое количество братьев и сестер между нами, в детстве у меня возникало ощущение, будто мы с Делорс существуем в одной и той же солнечной системе, но никогда не бываем на планетах друг у друга. В конце концов, Делорс ведь поступала в колледж, когда я собиралась в детский сад.

У меня сохранились смутные воспоминания о ней: Делорс слишком сильно тянет меня за волосы, заплетая косичку, отчего у меня начинается головная боль. Делорс учит моих старших братьев и сестер новому танцу под названием «Бамп». Делорс шествует к алтарю на своей свадьбе, мы с Сэнди идем позади, держим шлейф платья, отец ведет ее под руку... В детстве она была образцом того типа женщины, в который мне полагалось превратиться.

Взрослая Делорс – одна из моих самых близких подруг. Большинство наиболее важных воспоминаний моей взрослой жизни связаны с ней. Так что, полагаю, здесь и сейчас вполне уместно ее присутствие, бормочущей в мой адрес эти слова. Вполне уместно то, что прямо сейчас именно она говорит, в кого мне стоит превратиться, когда я вырасту. Именно она находится в центре события, которое станет одним из самых важных воспоминаний моей жизни.

Этот момент *действительно* важен.

Она этого не знает. Я этого не знаю. Прямо сейчас – нет. Прямо сейчас этот момент совершенно не выглядит важным. Прямо сейчас он выглядит как утро Дня благодарения, а Делорс уже устала.

Она поднялась до рассвета и напомнила мне вынуть из холодильника индейку весом в девять с половиной кило, чтобы та обогрелась. Затем проехала четыре квартала, отделяющие ее дом от моего, чтобы заняться приготовлением ужина на всю нашу большую семью. Еще

нет и одиннадцати, но она занимается этим уже несколько часов.

Нарубить, смешать, приправить. Она трудится в поте лица.

А я наблюдаю за ней.

Это не так ужасно, как звучит.

Я не то чтобы *ничего* не делаю.

Я не *бесполезна*.

Я подаю ей то, что она просит. Кроме того, к моей груди в детском слинге приторочена моя трехмесячная дочь, а на бедре у меня сидит другая дочь, полутора лет от роду. Старшей, одиннадцатилетней, я уже соорудила прическу, выключила телевизор, который она смотрела, и впихнула в детские руки книжку.

И еще мы разговариваем. Мы с сестрой. Мы разговариваем. Обмениваемся новостями о том, что произошло после нашего последнего разговора, э-э... вчерашнего или, может быть, позавчерашнего.

Ну, ладно. Хорошо. Это я говорю.

Я говорю. Она готовит. Я все говорю, и говорю, и говорю. Мне многое нужно ей рассказать. Я перечисляю ей все приглашения, которые получила за последнюю неделю. Один отправитель хочет, чтобы я выступила на конференции, другой приглашает на светскую вечеринку, а еще меня просят приехать в такую-то страну и встретиться с ее королем, а также выступить в сякой-то телепрограмме. Я перечисляю десять или одиннадцать полученных приглашений. Рассказываю о каждом во всех подробностях.

Признаюсь вам, что попутно я вбрасываю пару лакомых кусочков, сплетаю пару побасенок, укладываю еще отрезок рельсов. Я намеренно немножко хвастаюсь – пытаюсь добиться от своей старшей сестры какой-то реакции. Я хочу произвести на нее впечатление. Хочу, чтобы она считала меня крутой.

Видите ли, я росла в прекрасной семье. Мои родители, братья и сестры обладают многими замечательными качествами. Все они невообразимо красивы и умны. И, как я уже говорила, все выглядят свеженько, точно младенчики в утробе. Но у всех членов моей семьи, моих ближайших родственников, есть один общий, огромный, отвратительный, преступный изъян.

Они ни в грош не ставят мою работу.

Вот совсем.

Никто из них.

Ни один.

Их всерьез удивляет то, что я могу на кого-то производить впечатление. По какой бы то ни было причине. Люди, которые ведут себя по отношению ко мне так, словно я самую малость их интересую, приводят моих родственников в глубокое недоумение. Они озадаченно пялятся друг на друга всякий раз, когда кто-нибудь обращается со мной как с человеком, отличным от того существа, которое они привыкли видеть во мне, – от их напрочь безбашенной, чрезмерно болтливой младшенькой сестрички.

Голливуд – место странное. Здесь легко потерять контакт с реальностью. Но ничто не возвращает человека на землю так, как толпа братьев и сестер, которые, стоит кому-нибудь попросить у тебя автограф, принимаются переспрашивать неподдельно перепуганным тоном: «У нее? Автограф – у Шонды? Вы уверены? У Шонды? Нет, погодите-ка, что, правда у Шонды? У Шонды *РАЙМС*? Но почему?!»

Это верх грубости. И все же... подумайте, как много раздутых эго было бы спасено, если бы у каждого из них имелось по пять старших братьев и сестер. Они меня любят. Очень. Но они не потерпят никакой селебрити-VIP-чепухи от малышки в очках со стеклами толстыми, как бутылочные донца, которая на их глазах заблевала супом с лапшой-буковками все заднее крыльцо дома, а потом поскользнулась и влетела в комочки рвоты физиономией.

Вот поэтому я сейчас выплясываю вербальный степ по всей кухне, сотрясая ее так, словно стремлюсь завоевать главный приз конкурса – зеркальный шар. Я пытаюсь заставить сестру показать хоть какой-то признак того, что она впечатлена, хоть какой-то намек на то,

что она может счесть меня крутой – хоть самую малость. Попытки вызвать реакцию у людей, с которыми я связана родственными узами, стали для меня почти игрой. Игрой, в которой я, смею верить, однажды одержу победу.

Но не сегодня. Сестра не соизволяет даже моргнуть в мою сторону. Вместо этого – нетерпеливая, возможно, усталая и, вероятно, испытывающая тошноту от звука моего голоса, все перечисляющего и перечисляющего мои фантастические приглашения, – она меня обрывает:

– Ты собираешься что-то из этого сделать?

Я умолкаю. Немного ошарашенная.

– А?.. – вот что я говорю. – Чего?..

– Эти мероприятия. Эти вечеринки, конференции, ток-шоу. Ты сказала какому-нибудь из них «да»?

Я на минуту застываю. Безмолвная. Растерянная.

О чем это она? Сказать «да»?

– Ну... Нет. Я имею в виду... нет, – запинаясь, говорю я. – Я не могу сказать... Естественно, я сказала «нет». В смысле я же так занята!

Делорс не поднимает головы. Продолжает рубить овощи.

Потом, поразмыслив, я пойму, что она, наверное, даже не слушала меня. Наверное, она думала о том, хватит ли у нее тертого чеддера для макарон с сыром, которые она собиралась готовить следующими. Или решала, сколько печь пирогов. Или гадала, как бы ей отделаться от приготовления ужина в День благодарения в следующем году. Но в тот момент до меня это не дошло. В тот момент... сестра не поднимает головы? Это определенно что-то ЗНАЧИТ. В этот момент то, что сестра не поднимает головы, кажется мне поступком намеренным.

Многочисленным.

Вызывающим.

Грубым.

Я должна защитить себя. Как мне себя защитить? Что мне...

Именно в этот момент (и настолько кстати, что я решаю, что вселенная меня прямо-таки *обожает*) Беккетт, мое трехмесячное солнышко, привязанное слингом к моей груди, решает изрыгнуть молочный гейзер, который низвергается по переду моей блузки устрашающим теплым водопадом. А сидящая на бедре моя чопорная полуторалетняя дочь, истинная луна для солнышка-Беккетт, морщит носик.

– Я кое-что учуяла, милая! – говорит она мне. Эмерсон всех называет «милыми». Кивая ей и промокая вонючее горячее молочное пятно, я делаю паузу. Беру себя в руки.

И вот он, мой щит!

– Беккетт! Эмерсон! У меня малышки! И Харпер! У меня старшая – младший подросток! Подростки – такие нежные цветочки! Я просто не могу куда-то ездить и чем-то там заниматься! Мне нужно заботиться о детях!

Я выпаливаю все это поверх кухонного стола, адресуя примерно в сторону своей старшей сестрицы.

Погодите-ка. Если уж зашла речь о заботе... Мне еще нужно заботиться о том, что называется «вечером четверга». Ха! Я выплясываю победный шимми по кухне и тычу в сестру пальцем. Злорадно.

– А еще у меня есть работа! Две работы! «Анатомия страсти» и «Скандал»! Трое детей и две работы! Я... занятая женщина! Я мать! Я сценарист! Я руковожу телепрограммами!

Бам!

Победа кажется мне полной и безоговорочной. Я – мать. Мать, прах его дери! У меня дети. ТРОЕ детей. И я веду два телепроекта одновременно. От меня зависит работа более чем шестисот человек. Я – мать, которая работает. Я – работающая мать.

Как... Бейонсе.

Да!

Именно как Бейонсе.

Я и приношу домой бекон, и жарю его на сковороде. Это не отговорка. Это факт. Никто с ним не поспорит. Никто не может спорить с Бейонсе.

Но я забыла, что это Делорс.

Делорс может поспорить с кем угодно.

Делорс откладывает в сторону нож. Она на самом деле перестает готовить и откладывает в сторону нож. Потом поднимает голову и смотрит на меня. Моей сестре, главной победительнице в нашей семейной генетической лотерее, за пятьдесят. Хорошо так за пятьдесят. Ее сыновья – взрослые мужчины с университетскими дипломами и своими карьерами. У нее есть внуки. И все же меня часто спрашивают, не дочь ли мне моя пятидесятисемилетняя сестра.

Вот ведь ужас-то!

Так что когда Делорс поднимает голову, чтобы взглянуть на меня, она скорее похожа на дерзкую четырнадцатилетнюю девчонку, чем на мою самую старшую сестру. Это четырнадцатилетнее личико прожигает меня взглядом.

– Шонда.

Вот и все, что она говорит. Но это говорится с такой уверенностью...

Поэтому я выпаливаю:

– Мать-одиночка!

Ну, это уже бесстыдство. И вы, и я это знаем. Ибо хотя определение «мать-одиночка» формально мне подходит – я мать, и я одиночка, – зато не подходит мне его культурный и обиходный смысл. Пытаясь присвоить этот термин, словно я – нищая мамаша, изо всех сил пытающаяся прокормить семью, я поступаю как задница. Я это знаю. И знаете, что ужасно? Делорс тоже это знает.

Мне нужно положить конец этому разговору. Я поднимаю брови и натягиваю свою командирскую маску. Ту, которую надеваю в офисе, когда мне нужно, чтобы все перестали со мной спорить.

Сестре на мою командирскую маску плевать. Но она снова берется за нож, возвращаясь к нарезке.

– Помой сельдерей, – велит она мне.

И я мою сельдерей. Каким-то образом запах сельдерея, движения рук в раковине, радость Эмерсон, расплюхивающей ладошками воду по кухонному столу, – все это убаюкивает меня, внушая ложное чувство защищенности.

И поэтому я оказываюсь неподготовленной.

Я поворачиваюсь. Протягиваю ей мокрый чистый сельдерей. И удивляюсь, когда, продолжая рубить зелень, Делорс начинает говорить:

– Ты – одиночка и мать, но ты не *мать-одиночка*. Я живу от тебя в пяти кварталах. Сэнди – в четырех. Твои родители живут в сорока минутах езды и всегда с радостью посидят с детьми. У тебя есть буквально лучшая няня в мире. У тебя три изумительные близкие подруги, которые с готовностью помогут тебе в любую минуту. Ты окружена родственниками и друзьями, которые тебя любят, людьми, которые хотят, чтобы ты была счастлива. Ты сама себе хозяйка – твоя работа требует от тебя только такой занятости, которой ты сама хочешь. Но ты никогда не занимаешься ничем, кроме работы. Ты никогда не веселишься. А ведь когда-то ты *очень любила повеселиться*. Теперь на тебя сыплются все эти замечательные возможности – шансы, которые бывают раз в жизни, – и ты ни одним из них не пользуешься. Почему?

Мне неудобно. Я меняю позу. По какой-то причине мне все это не нравится. Мне в этом разговоре вообще все не нравится. Моя жизнь прекрасна. Моя жизнь великолепна. В смысле – оглянись вокруг!

Погляди!

Я... счастлива.

Вроде как.

Вроде как счастлива.

Типа того.

Не лезь не в свое дело, Делорс. Ты меня раздражаешь, Делорс. Людям не полагается быть Бенджаминами Баттонами⁶, так что твое личико – явный результат сделки с Сатаной, Делорс! Знаешь что, Делорс? Ты воняешь как какашка!

Но я ничего этого не говорю. Просто долго стою на одном месте. Наблюдаю, как она рубит овощи. И наконец отвечаю. Вложив в голос нужное количество небрежного высокомерия:

– Да ну тебя на фиг.

А потом отворачиваюсь, надеясь тем самым показать, что разговор окончен. Я направляюсь к креслам и диванам, где осторожно сгружаю задремавшую Беккетт в плетеную колыбельку. Укладываю Эмерсон на пеленальный столик, чтобы сменить подгузник. Через минуту я поднимусь на второй этаж и попытаюсь найти незамызанную блузку, чтобы переодеться к ужину. Свежий подгузник надет. Я сажаю Эмерсон себе на бок, укладываю ее головку на свое плечо, и мы поворачиваемся лицом к сестре, когда я направляюсь к лестнице. И вот тогда-то она их и говорит. Эти шесть слов.

Бормочет. Почти неслышно.

Заканчивая рубить репчатый лук.

Шесть ошеломительных слов.

– Ты никогда ничему не говоришь «да».

На одно мгновение время останавливается. Становится ясным застывшим моментом, который я никогда не забуду. Одной из картин, которые никогда не будут сняты со стены моего сознания. Моя сестра одета в коричневый худи, волосы стянуты в аккуратный пучок на затылке. Она стоит у стола с ножом в руке, с опущенной головой, и перед ней на столе растет на разделочной доске маленькая горка нарубленного белого лука.

Она подмешивает к луку эти слова.

– Ты никогда ничему не говоришь «да».

Швыряется этими словами, точно гранатой.

– *Ты никогда ничему не говоришь «да».*

А потом сестра сгребает с доски лук и принимается шинковать сельдерей. Я иду наверх, чтобы сменить блузку. Прибывают родственники и друзья. Индейка запекается идеально. Ужин великолепен.

И там, посреди всего великолепия, лежит граната. Безмолвная. замаскированная. Я не думаю о ней.

– *Ты никогда ничему не говоришь «да».*

День благодарения приходит и уходит.

2

Может быть?

Граната несколько недель лежит в анабиозе.

Она катается в моем мозгу, ее чека благополучно сидит на месте. Настолько тихо и незаметно, что я могу позабыть о ее существовании. Я живу своей обычной жизнью. Езжу на **в офис**, пишу сценарии, работаю над эпизодами на ТВ, возвращаюсь домой, обнимаю малышей, читаю сказки на ночь.

Жизнь в норме.

Происходит одно событие, выходящее за рамки обыденности: я лечу в Вашингтон как новый куратор Кеннеди-центра. Я присутствую на праздниках, впервые побывав в Белом доме. А потом по каким-то волшебным причинам, которые я и по сей день не понимаю, мне говорят, что я буду сидеть вместе с президентом и первой леди в их ложе на церемонии

⁶ Герой фильма «Загадочная история Бенджамина Баттона», человек, который жил «задом наперед», родившись 80-летним и молодея с каждым днем.

вручения наград в Кеннеди-центре.

Меня не спрашивают. Мне сообщают. Мне не дают шанса сказать «нет». Уверена, в основном потому, что никому и в голову не придет, будто я пожелаю отказаться от такой чести. А кто бы отказался?

Я надеваю очень красивое, расшитое бисером вечернее платье. На моем спутнике – новенький смокинг. Мы сидим прямо позади президента и миссис Обамы на протяжении всей церемонии. Я слишком стесняюсь и нервничаю, чтобы прохрипеть больше пары слов, когда мне представляется шанс поговорить с действующим президентом и его леди. На связные предложения меня уже не хватает. Но я собой довольна. Я получаю удовольствие.

Мы пьем коктейли в одном зале с Карлосом Сантаной и Ширли Маклейн. Причащаемся «культурой улиц», получая возможность сказать, что «были там», когда Снуп Дог благодарил Херби Хэнкока за изобретение хип-хопа. Мы слушаем, как Гарт Брукс поет песню Билли Джоэла «Goodnight Saigon» вместе с хором ветеранов. Это упоительно. Кажется, что весь этот вечер пропитан колдовством. Каким бы циничным ни считал это Белтвэй⁷, какими бы пресыщенными ни казались политики, все же Вашингтон – город, которому не хватает истинного цинизма Голливуда. Люди там по-настоящему радуются и волнуются, и этот энтузиазм заразителен. Я лечу обратно в Лос-Анджелес, наполненная бьющим через край чувством оптимизма.

Граната взрывается без предупреждения.

Это случается в четыре утра за пару дней до Рождества. Я лежу на спине посреди своей королевского размера кровати. Глаза распахиваются помимо моей воли. Что-то рывком пробуждает меня, выдергивает из сна.

Такое внезапное пробуждение для меня не новость.

Как и все прочие матери на планете, с того момента, как мой первый ребенок появился на свет, настоящего крепкого сна я лишилась. Материнство означает, что я постоянно немного бодрствую, немного настороже. Бдю, так сказать, одним глазом. Так что в пробуждении из-за чего-то посреди ночи для меня нет ничего необычного. Удивительно то, что это «что-то» никак не связано с ребенком, который вопит во весь голос, стоя в колыбельке. Дом безмолвствует. Мои девочки крепко спят.

Так почему же не сплю я?

Если бы меня спросили, я бы сказала «нет».

Эта мысль заставляет меня сесть в постели.

Что?

Если бы меня спросили, я бы сказала «нет».

Мое лицо начинает пылать. Мне стыдно, словно кто-то другой, находящийся в комнате, подслушал слова внутри моей головы.

Если бы меня спросили, хочу ли я сидеть в президентской ложе на церемонии вручения в Кеннеди-центре, я сказала бы «нет».

Абсурд!

Но это правда. Это совершенно точно правда.

Я уверена в этом так же, как в своей потребности дышать. Я сказала бы это «нет» осторожно. Уважительно. Изящно. Я придумала бы творческий предлог, выразив одновременно и восхищение, и сожаление. Этот предлог был бы хорош, он был бы блестящим.

Я имею в виду – чего уж там! Я же писатель.

Я была бы красноречива и мила – никто не смог бы отклонить приглашение так изящно, как я. Все вы отмазываетесь по-дилетантски – я же отмазываюсь настолько умело, что могла бы выступать в высшей лиге по отмазкам.

Я киваю самой себе. Конечно. Как бы я с этим ни справилась, я определенно сказала бы

⁷ Территория внутри кольцевой автодороги вокруг Вашингтона. Негативная метафора разделения Америки на «политические круги» и «население».

«нет». Это неопровержимый факт.

Если бы меня спросили, я бы сказала «нет».

Серьезно?

Я вылезая из постели и встаю на ноги. Теперь у сна нет ни одного шанса. Это требует осмысления. Это требует вина. Спустившись вниз, я падаю на диван и вглядываюсь в огоньки наряженной елки. Держа в руке бокал с вином, запиваю этот вопрос.

Почему я сказала бы «нет»?

Теперь я знаю ответ. Я знала этот ответ еще до того, как встала с постели. Мне просто хотелось вина.

Потому что это страшно.

Я ответила бы «нет» на предложение сидеть в президентской ложе в Кеннеди-центре с президентом и первой леди, потому что перспектива сказать «да» меня пугает.

Я сказала бы «нет», потому что, если бы я сказала «да», мне пришлось бы на самом деле *сделать* это. Мне пришлось бы действительно пойти и сидеть в ложе, присутствовать там и познакомиться с президентом и первой леди. Мне пришлось бы вести светскую беседу и о чем-то говорить. Мне пришлось бы пить коктейли рядом с Карлосом Сантаной.

Мне пришлось бы делать все то, что я *на самом деле делала* в тот вечер.

И я замечательно провела время. При всем при том это был один из самых памятных вечеров в моей жизни.

Слушайте, я же славлюсь тем, что умею сочинять хорошие истории.

Того рода хорошие истории, которые, будучи рассказаны за ужином, смешат моих друзей. Которые порой заставляют моего спутника на свидании поперхнуться коктейлем и забрызгать весь стол. Того рода хорошие истории, из-за которых все просят меня «еще раз рассказать вот эту». Это моя суперспособность – рассказывать хорошие истории. Гладкие истории. Забавные истории. Эпичные истории.

Я могу сделать хорошей любую историю. Я могу взять самую невыразительную историю и сделать ее привлекательной. Дело в том, что хорошая история – это не преднамеренное вранье. Самые лучшие истории правдивы. Чтобы история была хорошей, от меня просто требуется... опустить неприглядные фрагменты.

Те фрагменты, в которых, прежде чем отбыть в Белый дом, я десять минут убеждаю себя, что у меня нет желудочного гриппа, что я в порядке. В которых я всерьез раздумываю, не вылизать ли пыль с доньшка пузырька от ксанакса⁸, потому что – о да, я больше не принимаю ксанакс, прошло двенадцать лет с тех пор, как этот препарат был моим другом. *Фу, ведь этой ксанаксовой пыли действительно двенадцать лет?*

В которых я сплю четырнадцать часов подряд, потому что настолько отупела от стресса, что теперь – либо спать, либо бежать. И я не имею в виду – бежать на беговой дорожке. Я имею в виду – спастись бегством. В смысле прыгнуть в машину, поехать в аэропорт, сесть в самолет и скрыться.

Бежать.

Это кажется мне гораздо лучшим планом, чем выходить на публику, ощущая, как в моем теле вопит каждый нерв.

Вот кто я есть.

Молчунья.

Тихоня.

Интроверт.

Мне комфортнее с книгами, чем с новыми ситуациями.

Я с детства живу внутри своей головы. Мои самые первые воспоминания – о том, как я сижу на полу в кухонной кладовке. Я сидела там, во тьме и тепле, часами, играя в королевство, которое создавала из консервных банок.

Мое детство не *было* несчастливym. Поскольку я *была* младшей в семье из восьми

⁸ Средство для лечения панических расстройств, тревожных невротозов.

человек, в любой конкретный момент рядом находился кто-то готовый почитать мне, аплодировать придуманной мною истории или позволить подслушать свои подростковые секреты. Любые сестринские и братские ссоры из-за лишней печеньки или последнего куска торта всегда заканчивались уравнительным вздохом: «Отдай это малышке».

Я была любима, я была звездой, я была Блю Айви⁹ своего мира. Я не была несчастливым ребенком.

Я просто была необычным ребенком.

К счастью для меня, родители высоко ценили все необычное. И поэтому, когда мне хотелось часами играть в кладовке с консервными банками, мама не велела мне прекратить баловаться с едой и пойти играть в другое место. Вместо этого она прикрывала дверь и оставляла меня в покое, объявляя это признаком творческой природы.

Вы должны поблагодарить ее за мою любовь к длинным сериальным драмам.

Мир, который я создавала в маленькой кладовке, наполненной консервными банками и коробками круп, был серьезен: в те дни я описала бы его как сольную игру в стиле «зима-близко-где-мои-драконы», но это было не *HBO*¹⁰. Это были пригороды 1970-х. Нам не требовались реалити-TV, потому что TV было *реальным*.

Это было время заката Никсона. Когда в крохотном черно-белом телевизоре, который моя мать притащила в кухню и установила на стул рядом с дверью кладовки, разыгрывался Уотергейт, мое трехлетнее воображение создавало собственный мир. Большие банки с ямсом повелевали горошком и фасолью, в то время как крохотные горожане Помидории планировали революцию с целью свергнуть власть. Там были заседания правительств, неудачные покушения и отставки. Время от времени мама распахивала дверь кладовки, наводняя мой мир светом. Она вежливо сообщала мне, что ей нужны овощи к ужину. Консервное судилище приговаривало банку кукурузы к смерти за предательство, и я передавала обвиняемую в руки палача.

Господи, как мне было весело в той кладовке!

Вы видите проблему? Вы *прочли* эту проблему?

Господи, как весело было в той кладовке!

Эти слова только что слетели с моих уст. Я действительно проговорила их вслух, В ТО ВРЕМЯ КАК набирала текст. И я произнесла их без малейшей иронии. Я выговорила их с широченной придурковатой мечтательной улыбкой на лице.

У меня **было** замечательное детство, но я жила настолько глубоко в своем воображении, что чувствовала себя куда счастливее с консервами, чем с людьми. В кладовке мне **было** безопаснее. Свободнее. Это **было** так в мои три года.

И каким-то образом стало *еще более* так в мои сорок три.

Сидя на диване и уставившись на рождественскую гирлянду, я осознаю, что до сих пор развлекалась бы в своей кладовке, если бы думала, что мне это сойдет с рук. Если бы у меня не было детей, которым нужна реальная я в этом мире. Я сражаюсь с этим инстинктом каждый день. Вот почему теперь у меня есть огород для овощей.

Если бы меня спросили, я бы сказала «нет».

Я бы сказала «нет».

Потому что я всегда говорю «нет».

И вот тут-то взрывается граната.

Внезапно снова День благодарения, и я снова в кухне, измазанная отрыгнутым молоком, смотрю, как моя сестра рубит лук. И теперь я ее понимаю.

Ты никогда ничему не говоришь «да».

Я не просто понимаю ее – я *верю ей*. Я слышу ее. И знаю. Она права.

9 Дочь Бейонсе и Джей-Зи.

10 Home Box Office – североамериканская кабельная и спутниковая телевизионная сеть, более всего известная своими сериалами.

БУМ!

Граната.

Когда пыль оседает и все проясняется, я остаюсь с одной мыслью, гремящей в голове.

Я несчастна.

Она заставляет меня опустить бокал. Я что, пьяна? Я что, *шучу* над собой? Я что, только что это подумала?

Честно говоря, я чуточку негодую сама на себя. Мне стыдно уже оттого, что у меня мелькнула такая мысль. Мне до ужаса стыдно, если уж хотите знать. Я прямо купаюсь в стыде.

Я несчастна?

Мне до сих пор немного стыдно сейчас повторять это вам.

Я несчастна.

Да кем, черт возьми, я себя возомнила?!

Нюня. Вот кто я. Большая старая нюня.

Знаете, кто должен быть несчастным? Малала¹¹. Потому что *кто-то выстрелил ей в лицо*.

Знаете, кто еще? Школьницы из Чибока. Потому что террористическая группировка «Боко Харам» выкрала их из школы для насильственного брака, который точь-в-точь такой же, как обычный брак, только его полная противоположность с постоянным изнасилованием, и *всем уже наплевать*.

Знаете, кто еще? Анна Франк. Потому что ее и еще около шести миллионов других евреев замучили нацисты.

Еще? Мать Тереза. Потому что все остальные были слишком ленивы, чтобы лечить прокаженных, и это пришлось делать ей.

Ужасно позорно сидеть и говорить, что я несчастна, когда никто не стреляет мне в лицо, никто не крадет меня, не убивает, не оставляет в одиночку лечить всех прокаженных на свете.

Я росла в семье, где упорный труд не был делом добровольным. Мои родители трудились в поте лица, чтобы вырастить и выучить шестерых – посчитайте, *шестерых* (!) – детей. И в какой-то момент до меня дошло, что причина, по которой я никогда ни в чем не нуждалась, заключалась в том, что родители трудились как проклятые, чтобы у нас были всякие безумные блага вроде еды, бензина, одежды и образования.

В старшей школе я начала подрабатывать, фасуя мороженое в «Баскин Роббинс», и с тех пор у меня всегда была какая-нибудь работа. Так что я прекрасно осознаю: в те дни я жила в привилегированном мире. Я знаю, что мне невероятно повезло. Я знаю, что у меня невероятные дети, фантастические родственники, великолепные друзья, впечатляющая работа, чудный дом, и все мои руки, ноги, пальцы и органы при мне и в неприкосновенности. Я знаю, что у меня нет права жаловаться. Уж точно не на мою жизнь в сравнении с жизнью кого-то другого. Если только этот кто-то не Бейонсе.

Проклятье, моя жизнь так плоха по сравнению с жизнью Бейонсе! Так же как и ваша. По сравнению с ее жизнью плоха жизнь *кого угодно*. Если вы имеете иные сведения, если вам известно, что по какой-то причине жизнь Бейонсе ужасна, пожалуйста, не подходите ко мне на улице и не пытайтесь открыть мне глаза. Мне необходимо верить, что жизнь Бейонсе совершенна. Это меня поддерживает.

Но, если не считать Бейонсе, я знаю, как мне повезло. У меня нет иллюзий на тему того, что мои страдания хоть сколько-то реальны. И поэтому мне *действительно* стыдно это говорить. Я имею в виду, никто ведь не слышит жалоб от Малалы.

Но знаете, почему вы не слышите жалоб от Малалы?

Потому что Малала и ее духовные сестры, мать Тереза и Анна Франк, – НАМНОГО лучшие люди, чем я. Очевидно. Ибо ясно, что я – гигантский хнычущий младенец, я – полный отстой. Потому что в предрассветных сумерках, уставившись на свою

¹¹ Малала Юсуфзай – пакистанская правозащитница.

рождественскую гирлянду, я не могу этого избежать. Это осознание подобно прыжку в ледяное озеро.

Я несчастна.

Признание вышибает из меня дух. Ощущение такое, будто я раскрываю новую информацию, узнаю тайну, которую прятала от себя самой.

Я несчастна.

По-настоящему, глубоко несчастна.

В декабре 2013 года я была невероятно успешной. У меня были в эфире две потрясающе популярные телепрограммы – «Анатомия страсти» и «Скандал», – и только что завершился третий проект, «Частная практика». Моя компания, «Шондалэнд», как раз работала с писателем Питером Ноуолком над созданием шоу, которому вскоре предстояло стать нашим новым хитом, – «Как избежать наказания за убийство». Так что – да, думаю, снаружи все это выглядело замечательно. И пока я писала, пока мои пальцы летали над клавиатурой, пока я была в «Сиэтл Грейс» или «Поуп и партнеры», пока я укладывала рельсы и ощущала в мозгу тот самый *гул* – я была в порядке. Я была счастлива.

Я старалась внушать себе мысль о том, что моя жизнь идеальна. И пыталась не слишком о ней задумываться.

Я ходила в офис. Я много работала. Возвращалась домой. Проводила время с детьми. Проводила время с мужчиной, с которым встречалась. Спала.

И все.

На публике я улыбалась. Много. Я УЖАСНО много улыбалась. И занималась тем, что называю «спортивным трепом». «Спортивный треп» – это то, что происходит во всех интервью, которые берут сразу после спортивных событий и транслируют по ТВ. После матча по боксу или игры НБА. После того как Серена Уильямс бьет какой-нибудь рекорд в теннисе. После олимпийского плавания.

Хороший «спортивный треп» – это когда спортсменка появляется перед прессой и продолжает улыбаться, а голос ее звучит безлико и приятно, пока она умело ловит один репортерский вопрос за другим, ни разу не сказав ничего противоречивого или существенного. Мой любимый «спортивный трепач» всех времен – Майкл Джордан. Он стоит перед камерой, возвышаясь башней над каким-нибудь крошкой-репортером, заработав 5635 очков в одной игре. Пот струится с его лба.

– Я просто счастлив, что играю в эту игру, в баскетбол, – улыбаясь, говорит он.

Но, Майкл, как вы относитесь к голоду, политике, женской НБА, комиксам, белью от *Hanes*, тако, чему угодно?

– Я счастлив заниматься тем, что я делаю для своего баскетбольного клуба. «Буллс» – мой дом, – приятно усмехается он. А потом неторопливо шествует прочь. Предположительно – в раздевалку, где перестает быть хорошим «спортивным трепачом» и начинает быть ЛИЧНОСТЬЮ.

В тот год я была хорошим «спортивным трепачом».

«Я просто счастлива работать на *ABC*».

«Это не мое дело – сомневаться насчет своего временного интервала. Моя работа – делать программы».

«Я горжусь тем, что являюсь частью команды *ABC*».

«Я с радостью делаю для нашей сети то, что я делаю. *ABC* – мой дом».

«Я просто счастлива играть в ба... в смысле писать для TV».

И это было правдой. Я была и счастлива, и горда, и рада. Мне действительно нравилось *ABC*. (И до сих пор нравится. Привет, *ABC*!) Так же как, я уверена, Майклу нравятся «Буллс». Но этот «спортивный треп» не имеет никакого отношения к любви.

Она имеет отношение к сидению в кладовке.

К захлопнутой двери.

К словам о Никсоне, доносящимся снаружи.

К руке, протянутой в световую щель только для того, чтобы передать наружу горошек,

кукурузу или ямс.

Дать людям то, что им нужно. А потом снова закрыть эту дверь.

Любые свои настоящие составляющие, все реальное, все человеческое, все честное я держала при себе. Я была очень хорошей девочкой. Я делала все то, что нужно было от меня окружающим.

И в конце каждого дня, словно в награду, я наливала себе бокал красного вина.

Красное вино было радостью в Шондалэнде.

Да-да-да.

Когда-то я была очень счастливым человеком. *Живым* человеком. Пусть стеснительным и замкнутым, но с шумной, веселой толпой друзей. С некоторыми из них я дружила с самого колледжа, и когда они *находились* рядом со мной, я становилась танцующей на столах Шондой, внезапно едущей на машине в Новый Орлеан Шондой, вечно что-то замышляющей Шондой. И куда она подевалась?

Мне было не на что свалить свое несчастье. В кои-то веки рассказчице оказалось нечего рассказать. Я понятия не имела, *почему* я несчастна. Не существовало никакого конкретного момента или причины, в которые можно было бы ткнуть пальцем. Я знала только, что это правда.

Чем бы ни была та искра, которая делает каждого из нас живым и уникальным, но моя исчезла. Украдена, как картины со стен. Мерцающее пламя, ответственное за освещение меня изнутри, моя свеча оказалась задута. Я была заперта. Я была утомлена. Я *была* напугана. Маленькая. Тихая.

Жизни моих персонажей стали невообразимо огромными. Люди во всем мире знали Мередит и Оливию. В то же время моя жизнь настолько лишилась красок и восторга, что я едва могла ее разглядеть.

Почему?

Ты никогда ничему не говоришь «да».

Именно так.

Я отставила вино и легла на диван. И по-настоящему задумалась об этих шести словах.

Ты никогда ничему не говоришь «да».

Может быть, пришла пора начать говорить «да»?

Может быть.

3

Эм-м, да?..

13 января – мой день рождения.

Ура!

Обожаю дни рождения.

Потому что обожаю деньрожденные вечеринки.

Что было, когда я узнала, что существует такая штука, как «вечеринка со щенками»?

Когда на праздник приносят щенков, чтобы дети могли их подержать и потискать в течение часа? И это не насилие над щенками – наоборот, это для них полезно, потому что щенков учат быть служебными собаками. Я едва разума не лишилась, пока скакала от восторга. Щенки! Вечеринка со щенками! ДА ЛАДНО! Неужто и такое есть на свете?

Я люблю вечеринки со щенками, и сладкий шведский стол, и парня с гитарой, распевającego дурашливые песенки, и мороженое, и даже некоторых (очень немногих и нестрашных) клоунов. И даже когда тот возраст, когда шарики, надутые гелием, и раскрашенные лица вызывают такой восторг, что есть риск описаться, миновал, я по-прежнему любила танцевальные вечеринки, и костюмные вечеринки, и званые ужины, и «дискотеки семидесятых». Я твердо убеждена, что от вечеринок все становится лучше.

По идее, стеснительный человек должен ненавидеть деньрожденные вечеринки. А я их обожаю. Маленькие и большие. Мне не обязательно *присутствовать*, но я обожаю их магию. Я обожаю саму их *идею*. Обожаю подпирать стены и наблюдать за весельем. Обожаю быть с друзьями.

Но сегодня? В этот день рождения?

Я выхожу из душа и близко-близко наклоняюсь к зеркалу в ванной, почти утыкаюсь в него носом. Так близко, что вижу все свои поры. А потом свирепо вглядываюсь в свое лицо.

– Итак, давным-давно ты выбралась на свет из матки. Подумаешь, большое дело! – шепчу я. – То же самое проделали *все остальные* на этой планете. А что еще у тебя есть?

А потом раздумываю, не вернуться ли мне в постель.

Серьезно. Обычно я *обожаю* свой день рождения. Правда. Но сегодня я на нервах. Я на грани. Мне беспокоит и странно. Словно все на меня смотрят. Я прямо извелась вся. В желудке какая-то непонятная пустота.

С тем же чувством я некогда просыпалась с похмелья, когда мне было чуть за двадцать. Лежала в постели, дожидаясь, пока она перестанет вращаться. Гадая, С ЧЕГО мне вдруг пришло в голову, что семь коктейлей – это в самый раз. Чувствуя все ту же непонятную пустоту в животе. В кишках. И ждала, насторожившись каждым синапсом, – *будь бдителен, солдат, это не учебная тревога*, – пока волна памяти окатит меня. Рассыплется по моему мозгу водопадом стыда, когда я припомню все безумства, которым предавалась накануне вечером.

Я спала – С КЕМ?

Я плакала – ГДЕ?

Я пела – КАКУЮ песню?

Это деньрожденное утро – вот такое же от него ощущение. Как от похмельного утра. Разве что живот не дует от выпитых коктейлей.

Я пообещала себе, что буду делать – ЧТО?

Спустившись вниз, надев колпак именинницы, который смастерили для меня дети, я ем торт на завтрак. Я съедаю почти весь торт «в одно лицо». И мне не стыдно. Торт для меня – все. Я хочу от этого торта детишек. Я смакую каждый кусочек. Я как приговоренная к смертной казни, вкушающая свою последнюю трапезу.

В этот день в СМС одной из своих ближайших подруг я пишу следующее:

«Собираюсь говорить «да» всем и всему, что меня пугает. Целый год. Или до тех пор, пока не перепугаюсь до смерти, и тогда тебе придется меня хоронить. Уф!»

Подруга пишет в ответ:

«Ну ни хрена ж!»

Я – без энтузиазма. Но полна решимости. Моя логика безумно проста. Как-то так.

- Говоря «нет», я пришла туда, где я есть.
- Здесь отстойно.
- Говоря «да», я, возможно, найду путь к чему-то получше.
- Если не к чему-то получше, так хоть к чему-то иному.

У меня не было выбора. Я и не *хотела* выбора. Как только я увидела это несчастье, прочувствовала это несчастье, распознала его и назвала по имени... в общем, уже от одного знания о нем у меня начинается зуд. Типа внутримозговая почесуха. Если я буду продолжать говорить «нет», это ни к чему меня не приведет. А стоять на месте больше не вариант. Почесуха одолевает. Кроме того, я не из тех людей, которые способны видеть проблему и *не* решить ее.

Прежде чем вы приметесь меня хвалить (и, честно говоря, я не вижу, с чего бы вам начинать это делать в данный момент, – но просто на всякий случай), хочу внести ясность. Я только что сказала, что я не из тех людей, которые способны видеть проблему и не решить ее. Но я не имею в виду – как «героическая Роза Паркс, отказывающаяся освободить свое место

в автобусе». Я имею в виду тот прискорбный контрол-фриковый манер, когда корку с хлеба всякий раз должно срезать на совершенно одинаковое количество миллиметров.

То есть я не отношусь к таким вещам легко.

Я так устроена.

Так устроен любой обсессивный трудоголик и контрол-фрик А-типа.

Ясен пень.

Я – делатель.

Я делаю.

Поэтому, когда я говорю, что собираюсь что-то сделать, я это делаю. Когда я говорю, что собираюсь что-то сделать, я действительно это делаю. Я бросаюсь в это дело целиком и делаю. Рву задницу. Делаю вплоть до финишной черты. Несмотря ни на что.

Несмотря.

Ни.

На.

Что.

Все это еще усугубляется тем фактом, что во мне силен дух конкуренции. Не такой, как у нормальных людей. Не дружелюбной конкуренции. Мой тип – устрашающе-психотический. Никогда не вручайте мне волейбольный мяч. Не предлагайте сыграть в карты на интерес. Безмятежная игра в скребл? Нет, не слышала. На «Анатомии страсти» мы начали конкурс на лучшую выпечку, и мне пришлось исключить себя из конкурса. Когда я заставляла свою команду сценаристов печь вкусняшки, соревнуясь друг с другом, это чуточку походило на харассмент с использованием служебного положения. И, наверное, еще получилось нехорошо, когда я исполняла тачдаун-танец во время церемонии награждения, вопя «ВЫКУСИТЕ, СУКИ!!!» всем, кто занял места ниже меня.

Как я и говорила, во мне силен дух конкуренции.

Меня никогда и никто не приглашает к себе домой поиграть.

Видите ли, я сильно увлекающийся человек.

Я увлекаюсь. Я *вовлекаюсь с головой и всеми потрохами*. Вовлекаюсь настолько, что порой ложусь костями.

Дьявольщина, *не за просто же так* вся телепрограмма вечеров по четвергам – моя!

Я говорю вам об этом, чтобы вы поняли, насколько значимым для меня было решение «Да-целый-год». Затея с этим годом «Да» была просто гигантской. Зарок о годе «Да» был обязательством. Контрактом между мной и моей величайшей соперницей и судьей – мной самой. Отступление означало бы месяцы самобичевания и рухнувшей самооценки. Я бы себя в *groin* не ставила. Ситуация стала бы безобразной.

А еще... честно?

Я просто... отчаялась.

Что-то необходимо было изменить. Необходимо. Потому что это никак не могло быть *оно*.

Получение всего сразу.

Не может быть, чтобы «получение всего сразу» было именно таким. Или может? Потому что, если может, если именно *ради этого* я трудилась так упорно, потратив столько времени и энергии, если вот так и выглядела Земля обетованная, именно так ощущался успех, именно ради этого я приносила жертвы...

Я даже не хотела рассматривать этот вариант. Я не стану об этом думать. Вместо этого я стану смотреть вперед, вдохну поглубже и просто... буду верить. Верить, что дорога продолжается. Верить, что за поворотом есть что-то еще.

Я буду верить и говорить: «Да».

Я сказала себе это, а потом съела весь торт и выпила четыре «мимозы», стараясь верить.

Да-да-да.

Через неделю в моем кабинете в «Шондалэнде» звонит телефон.

Это ректор Хэнлон из Дартмутского колледжа.

У ректоров колледжей не в обычае звонить мне. Я встречалась с ректором Хэнлоном, очень милым мужчиной, ровно один раз. Тем не менее вот он, ректор Хэнлон из Дартмутского колледжа, звонит мне по телефону. У него есть ко мне вопрос. Он хочет знать, не выступлю ли я в июне с приветственной речью на церемонии вручения дипломов колледжа.

С двадцатиминутной речью. Перед примерно десятью тысячами людей.

Эм-м.

Вселенная?

Ты что, черт тебя дери, подшутить надо мной вздумала?

В телефонном разговоре возникает пауза длиной в целую минуту, во время которой воздух не втекает в мои легкие и не вытекает из них. Говорит что-то ректор Хэнлон или нет – мне неизвестно. Неизвестно, потому что из-за шума в ушах я его не слышу.

Говорить всему «да» в течение года.

Вот оно. Это началось. И теперь, когда это началось, идея *говорить «да»* перестает быть просто туманной идеей. Теперь реальность того, за что я берусь, заставляет мой мозг грохотать внутри черепа.

Говорить «да»?

Нет никакой возможности планировать. Никакой возможности спрятаться. Никакой возможности контролировать. Нет – если я говорю «да» всему.

«Да» – всему пугающему.

«Да» – всему, что вытаскивает меня из моей зоны комфорта.

«Да» – всему, что кажется безумием.

«Да» – всему, что кажется нехарактерным для меня.

«Да» – всяческим дурачествам.

«Да» – всему.

Всему.

Говорить «да».

Да.

Сказать. Сказать СЕЙЧАС.

– Да, – говорю я. – Да.

Мы с ректором Хэнлоном еще некоторое время беседуем. Кажется, это приятно. Кажется, я спокойна. Право, вот уж не знаю. Я сосредоточена на вдохах и выдохах. Стараюсь приглушить рев, который слышу. Повесив трубку, размышляю о том, что только что сделала.

Речь. Приветственная. Десять тысяч человек.

Я вношу эту дату в свой календарь.

8 июня 2014 года.

Июнь.

До него еще шесть месяцев. Шесть месяцев – это о-очень далеко.

Шесть месяцев – это *целая жизнь*.

Ладно. Пожимаю плечами и возвращаюсь к своим заметкам по сценарию «Анатомии страсти».

С облегчением. Подумаешь, большое дело! Я подумаю об этом позже.

Я задвигаю эту дату на задворки своего сознания и забываю о ней. Забываю *на пять с половиной месяцев*. По идее, это плохо, учитывая, что мне предстояло написать гигантскую речь. Но, напротив, оказывается, что это к счастью. Оказывается, мне предстоит преодолеть и другие барьеры.

Приветственная речь в Дартмуте – официально мое первое «да».

А фактически?

Дартмутская приветственная речь – первое, чему я говорю «да». Но не первое «да»,

которое мне на самом деле приходится ДЕЛАТЬ.

Им оказывается другое «да». И что это за «да»? Вот оно-то оказывается куда как страшнее.

Привет, Джимми Киммел!

4

«Да» – солнцу

– Они хотят, чтобы ты была в шоу Киммела.

Это мне говорит мой рекламный агент, Крис Дилорио.

Ага, у меня есть рекламный агент. Наличие собственного рекламного агента – это как «моя фотография на обложке *Vogue*». Такого рода вещи у тебя бывают, если ты яркая, как Дженнифер Лоуренс, или создаешь дорожные заторы, идя по улице, как Люпита Нионго.

Когда я это пишу, у меня волосы на голове стоят дыбом, потому что я уже пару дней не причесывалась и на мне надета пижама, верх и низ которой не сочетаются. Даже ткань – и та разная. Штаны шелковистые, верх – трикотажный стрейч. На коленке дырка. Привет, *Vogue*. Ага, у меня есть рекламный агент.

Когда я обзавелась рекламным агентом, я сразу сказала ему и его команде, что мне никогда не приходилось заниматься никакой саморекламой. Все думали, что это шутка. А я не шутила.

Учитывая, что все окружающие знают, что я стеснительна и что явно некомфортно чувствую себя при знакомстве с новыми людьми, всем должно быть вроде как очевидно, что мысль выйти на сцену и выступить перед зрителями, становясь объектом внимания орды фотографов, должна вызывать у меня панику.

Понятно же, что это не самое любимое мое занятие, верно? Вам оно тоже не нравилось бы на моем месте, милые читатели, правда ведь?

Вот поэтому вы и не работаете в Голливуде.

В Голливуде принято считать, что любой человек будет в восторге от того, что прожектор бьет ему прямо в лицо, в то время как он восседает на толчке и все это транслируется по ТВ в реальном времени.

Я ведь шучу, правда? Нет, по-прежнему не шучу.

Серьезно. Думаю, представься такой шанс, многие в Голливуде ВЫСТРОИЛИСЬ БЫ В ОЧЕРЕДЬ, только бы ухватиться за такой шанс. Выстроились бы в очередь на кастинг для съемок с названием «Человек на толчке».

Почему? Зачем?

Ради публичности. Ради *рекламной* возможности.

«Кто знает, может быть, я потом смогу выпускать собственную линию толчков», – скажут они и тут же взгромоздятся на фарфоровый трон.

Когда мы с вами встретимся, давайте возьмемся за руки и оплачем человечество, ладно?

Пугающее существование людей, готовых при всем честном народе сидеть на толчке в этом городе, – вот причина, по которой мой рекламный агент Крис искренне теряет, когда я говорю, что ни в коем случае не хочу никакой публичности. Он говорит мне, что я обязательно передумаю.

Выражаясь словами величайшей певицы всех времен Уитни Хьюстон в величайшем в истории реалити-шоу «Быть Бобби Брауном», к черту слово «нет».

Даже если бы я *была* Бейонсе, даже если бы я проснулась *такой*, как она, я все равно предпочла бы оставаться в тени. Я все равно хотела бы тихонько кропать сценарии в закутке, где меня никто не видит. Мне *никогда* не надо было, чтобы кто-то на меня смотрел. Когда на меня смотрят, я нервничаю.

Когда АВС требует от меня публичных выступлений, я часто чувствую себя (и, увы, выгляжу) как мать Бемби прямо перед тем, как ее застрелит охотник. Голова вздернута, уши насторожены, глаза вытарашены, вся такая перепуганная...

Не слишком привлекательный образ.

В Дартмуте я участвовала в нескольких пьесах студенческого любительского театра под названием *BUTA*. Мне нравилось. Я даже вроде как наслаждалась. Даже выглядела довольно достойно. Получала комплименты. Но это была не я. Мне никогда не приходилось выходить на сцену перед аудиторией как Шонде Раймс. Мои собственные слова и мысли не требовались. Я просто проговаривала то, что велели мне говорить Нтозейк Шейнг, Джордж К. Вольфе или Шекспир. Никто не смотрел на *меня*. Смотрели сквозь меня на этих авторов. На сцене я никогда не чувствовала себя видимой.

В то время я получала удовольствие, играя перед зрителями. Но теперь? Не имели значения ни место, ни средство. Теперь все это было похоже на пытку. И сезон за сезоном собрания *TCA*¹² были главным пыточным методом.

Ежегодно дважды в год все кабельные и сетевые телеканалы устраивают недельный фестиваль для телекритиков, который называется очень просто – *TCA*. Для критиков это шанс пообщаться с актерами, продюсерами, режиссерами. И чаще, чем я способна сосчитать, *ABC* требовала моего присутствия на заседаниях *TCA*.

На сцене, сидя в президиуме *TCA*, я всегда выглядела отлично – знаю. На самом деле я казалась суровой – как бранчливая школьная училка. Я видела все фото. Я на них нахмуренная, каменная. На самом деле меня восхищает способность моего лица не выдавать внутреннюю бурю. Экстремальный страх, похоже, делает мое лицо застывшим, превращая меня в статую, чтобы защитить, пока я на сцене.

Но всякий раз, прежде чем выйти на сцену, я мямлила, потела и тряслась. Гримеру приходилось заново наносить мне тушь, которая смывалась с лица после безмолвных тридцатисекундных рыданий, необходимых, чтобы как-то умерить мою растущую истерику. Шишки из *ABC* собирались вокруг меня и бормотали подбадривающие слова, пока я расхаживала взад-вперед, а мои остекленевшие глаза бешено вращались от страха. А еще была бутылка изысканного красного вина, ее всегда дарил мне президент компании, у которого был собственный виноградник. Потому что я никогда, ни разу не выступала публично, не умалив свой организм двумя бокалами вина. Природный бета-блокатор.

Я не говорю, что это было правильно.

Я говорю, что это *помогало*.

Мое единственное хорошее воспоминание, связанное с сидением на сцене *TCA*, относится к тому году, когда создатель «Отчаянных домохозяек» Марк Черри по доброте душевной сжалился надо мной во время заседания руководителей программ. Когда на меня обрушилась буря вопросов об одной невезучей актрисе, он подключился к обсуждению, давая ответы и отбиваясь от самых каверзных вопросов серией обворожительных шуток. За двадцать минут до этого кому-то – я даже не помню, кому именно, – пришлось отрывать мои пальцы от дверцы машины, чтобы проводить внутрь здания. Я не сопротивлялась. Я просто заледенела от страха и была не способна пошевелиться.

Я была ходячей панической атакой. Мой страх сцены был настолько полным и всепоглощающим, что повелевал каждым моим появлением на публике. Речи во время церемоний награждения, интервью, ток-шоу... Опра.

Опра.

Опра трижды брала у меня интервью.

Вот что я помню о своих интервью с Опррой.

Добела раскаленные вспышки света перед глазами. Странное онемение в конечностях. Пронзительный жужжащий звон в голове.

Так что я... не помню ничего.

НИЧЕГО.

Я родом из предместий Чикаго. Я воспитывалась на Опре. Я смотрела «Шоу Опры

12 Ассоциация телевизионных критиков. Группа из примерно двухсот журналистов США и Канады, которые собираются в январе и июле для обсуждения новых телепроектов.

Уинфри», еще когда оно носило название *AM Chicago*. Я покупала все, что она рекомендовала нам покупать, и прочла каждую книгу, которую она советовала прочесть. Я записывала каждое мудрое слово, которым она делилась с нами по телевизору. Я крещена католичкой, но была прихожанкой Церкви Опри. Если вы – человек, живущий на этой планете, то вы знаете, о чем я говорю. Это знают все. Это ОПРА.

Интервью с Опррой было для меня не мелочью.

И что же я помню из этих драгоценных моментов, проведенных с ней?

Ничего.

Из интервью для журнала «О»? Ничего.

Из интервью для шоу Опри с актерским составом «Анатомии страсти»? Ни словечка.

Из интервью с Керри Вашингтоном для программы «Следующая глава Опри»? Ни единой чертовой мысли.

Однако у меня остались весьма живые воспоминания о мгновениях *непосредственно перед* этими интервью. В тот первый раз художница по костюмам «Анатомии страсти», Мими Мелгард, разглаживала мою юбку и вертела меня, проверяя, хорошо ли я выгляжу. Потом одобрительно кивнула и твердо погрозила мне пальцем.

– Не двигайся до тех пор, пока не увидишь Опру.

Ей не обязательно было мне это говорить.

Я не смогла бы двигаться, даже если бы захотела. Я стояла в дверях своего кабинета. Чутьочку покачиваясь вперед-назад. Ступни, обутые в мою первую пару туфель от Manolo Blahnik, уже болели.

В сознании было так же пусто, как в головенке только что вылупившегося цыпленка.

Я чувствовала, как обливаюсь потом. *Потом!* Я начала механически, как робот, поднимать и опускать руки, надеясь не дать гигантским круглым пятнам под мышками проявиться и испортить пигмалионовские труды Мими.

Поднять и опустить, поднять и опустить, поднять и опустить...

Хлопать. Я хлопала руками, как крыльями.

Теперь я еще и выглядела как новорожденный цыпленок.

Но это не имело значения. Вздывавшийся ужас, грохотавший во мне, становился все громче и громче, уводя меня настолько дальше обычного страха, что я стала ощущать почти что... безмятежность. словно слышишь настолько высокий и пронзительный звук, что барабанные перепонки теряют способность его воспринимать и звук становится неслышным. Мой страх вопил так громко, что сделался безмолвным.

Цыпленок терял голову.

Я смотрела, как черный внедорожник Опри сворачивал на студийную парковку. Я смотрела, как черный внедорожник Опри заруливал на VIP-стоянку. Я смотрела, как из черного внедорожника выбралась вначале одна женщина, а затем другая. Первая женщина была такой узнаваемой, такой знакомой, что мне буквально хватило увидеть носок ее сапога, коснувшийся земли, чтобы понять: это Опра. Но вторая женщина... продолжая хлопать вспотевшими руками, я устала на нее. Я не могла разобрать, что это за вторая женщина. Кто это?

А потом хлопанье руками прекратилось.

«Гейл, – осознал мой мозг. – Это же Гейл¹³. Святая праматерь телевидения, я вижу одновременно и Опру, и Гейл!»

Это последнее, что я помню перед тем, как вакуум ужаса лишил меня всего удовольствия.

– Как это было? – задыхаясь от волнения, допытывались у меня по телефону в тот вечер

13 Гейл Кинг, подруга Опри Уинфри, ведущая собственного ток-шоу «Шоу Гейл Кинг» (The Gayle King Show), в 1999-м она стала редактором журнала *O, The Oprah Magazine*. Также она работала в качестве спецкора для ток-шоу «Шоу Опри Уинфри» (The Oprah Winfrey Show) и «Доброе утро, Америка» (Good Morning America). В сентябре 2006-го Кинг начала вести «Шоу Гейл Кинг» на спутниковом радио XM Satellite Radio.

сестры, Сэнди и Делорс. В тот ЕДИНСТВЕННЫЙ раз, когда мне удалось впечатлить моих сестер. Единственный раз – и...

Я. Не. Знаю.

Это то, чего я *не* сказала.

Неужто вы так ничего и не поняли обо мне с тех пор, как начали читать эту книгу? Не-ет, вы поняли. Вы меня знаете. Вы *знаете*.

Я стара. И я люблю лгать.

Я сделала то, что делала всегда. Когда Опра снова села в свой внедорожник и уехала, я час за часом бродила по офису, небрежно расспрашивая каждого, кто был свидетелем хотя бы пары секунд ее присутствия, обо всем, что он видел. Заставляя людей рассказывать, что они видели. Это был копинг-механизм, который всегда мне помогал. Я делала это осторожно. Потому что когда ходишь и просишь людей, чтобы они рассказали тебе о тебе самой, выглядит это как придуhrь.

«Слушай, расскажи мне, что я говорила. Какой я была? Была я забавной? Была я интересной? Расскажи мне еще о том, как я разговаривала с Опррой. Хорошо получалось?»

Одно дело – когда люди знают, что ты нервничаешь и терзаешься страхом сцены. Этому они сочувствуют. Но как признаться людям, что ты не помнишь самое главное интервью в своей карьере? Это странно. Знаете, что сказали бы об этом люди? А я вам сейчас расскажу! Люди сказали бы:

«Наркотики».

Так что я держала рот на замке.

Вот это в истории с Опррой было хуже всего. Мое восхищение и страх слиплись в своего рода шаровую молнию ужаса, так что эти картины были не просто украдены со стен моей памяти, но и сожжены, превратившись в кучку пепла. Восстановлению не подлежат.

Со всеми остальными у меня еще был шанс. Небольшой шанс. Но в какой-то мере все интервью были страшными. Каждое ток-шоу превращалось в мутное пятно. Каждое интервью проходило по одному маршруту. В сточную трубу.

Да-да-да.

Меня уже прежде приглашали в шоу Киммела.

Джимми Киммелу в его программе нужны были люди из моих программ – не без причины. Из-за рейтингов. Мои *TGIT*-программы (так *ABC* рекламирует мои четверговые вечерние показы – «Слава богу, это четверг» (*Thanks God It's Thursday*)) получают хорошие рейтинги. А хорошие рейтинги хороши для всех. И вот почему: мои хорошие рейтинги означают, что мои актеры, становясь гостями программы Джимми Киммела (тоже на *ABC*), поднимают рейтинги и ему. Что хорошо для нас, то хорошо и для Джимми.

Вот это и называется *синергией*. Я в курсе, потому что в разговорах со мной люди часто произносят это слово. Потом одаривают меня такими многозначительными взглядами.

«Синергия». Многозначительный взгляд. Я киваю и улыбаюсь, но... только между нами, ладно? Мне кажется, что «синергия» похожа на слово, которым определяют количество калорий, которые два человека сжигают во время секса.

Подумайте об этом.

Синергия.

Впрочем, неважно.

Оказывается, Джимми, человек по-настоящему веселый, очень славный парень и великолепный ведущий ток-шоу, любит нас не только за наши рейтинги. Ему действительно нравятся наши программы. Во всяком случае, *мне кажется*, что они ему нравятся. Актерские составы наших программ ему нравятся совершенно точно. Похоже, в этом году ему особенно понравился состав «Скандала». И это замечательно, потому что актеры «Скандала» обожают Джимми.

И поэтому каждый вторник актеры вроде Керри Вашингтон и Кэти Лоус наряжаются и

наносят визит в студию Джимми. Потом возвращаются и рассказывают мне истории. Они твердят, как это здорово – сниматься в программе у Джимми. Они рассказывают о пародиях, которые там придумывают. О розыгрышах, которые устраивают. Об анекдотах, которые рассказывают. Звучит это весело. И когда я смотрю все это поздним вечером по телевизору в программе «Джимми Киммел в прямом эфире», оно и ВЫГЛЯДИТ весело.

Какие все молодцы!

Но по какой-то причине теперь Джимми захотелось большего. По какой-то причине он хочет, чтобы гостьей его программы стала я.

Джимми нравится эта идея.

ABC нравится эта идея.

Моему рекламному агенту нравится эта идея.

Эта идея не нравится мне.

Всем плевать.

Мне никто не *верит*.

Ибо – кому же не хочется сниматься на TV?

А ну быстро все уселись на толчок! Камера, мотор!

В этом году людям Джимми (у каждой телепрограммы есть свои «люди» – и у Киммела они необыкновенно милые) несколько раз задавали вопрос, быть ли мне гостьей его шоу.

– Они хотят, чтобы ты снялась у Киммела.

Мой рекламный агент, Крис, разговаривает со мной. Мы *общаемся* по телефону. И это мне, считай, повезло, поскольку за физическое нападение полагается тюремный срок.

– Ты имеешь в виду, – напряженно говорю я, – в программе «Джимми Киммел в прямом эфире»...

– Ага!

Его голос звучит беззаботно. Непринужденно. Но он знает.

Он знает, как я отношусь к публичности. Он знает, как я отношусь к интервью. Он знает, как я отношусь к интервью на TV. И особенно хорошо он знает, как я отношусь к *прямому эфиру* на TV.

Знаете, что случается в прямом эфире?

В прямом эфире случается голая грудь Дженет Джексон на Суперкубке. В прямом эфире случается Адель Дазим¹⁴. В прямом эфире случается президент Эл Гор¹⁵.

Знаете, что еще происходит в прямом эфире?

Шонда идет здороваться с Джимми и вместо того, чтобы идти, как *нормальный* человек, спотыкается о собственные ноги, падает и разбивает голову об угол стола Джимми. Спинномозговая жидкость вытекает, а она лежит, дергаясь, на полу, с платьем, задравшимся до талии, являя свой двойной комплект утягивающего белья *Spanx* аудитории всей Америки.

Шонда под жаркими прожекторами студии, замученная нервами, потеет так обильно, что водяные цунами катятся по ее лицу в том же отвратительном, но завораживающем стиле, что и автокатастрофа, от которой никто не может отвести взгляд, – пока наконец, обезвоженная, не сваливается на пол перед столом Джимми.

Шонда делает то, что сделала я во время своего поступления в Пенсильванский университет, когда тучный старый распорядитель сказал: «Я не собираюсь вешать вам *лапшу* на уши по поводу нашего учебного заведения...» Что я сделала? А сделала я вот что: окруженная толпой детишек из частных школ, светловолосых и с иголки одетых, разразилась громким неудержимым подхрюкивающим и подвывающим хохотом.

Нет необходимости говорить, что я не училась в Пенсильванском университете. Не ухмыляйтесь! Я поступила. Но учиться там не смогла. Один из этих богатеньких блондинчиков потом увидел меня в кампусе и рассказал всем, абсолютно всем об этом

14 Так Джон Траволта случайно произнес имя Идины Мензел на вручении премий «Оскар».

15 Оговорка ведущего: Альберт Гор был вице-президентом.

подхрюкивающим и подвывающим хохоте. Я так делаю, когда нервничаю. Так что представьте себе, как это может быть, когда я *экстремально* нервничаю. В прямом эфире. С Джимми.

Шонда, раздражающаяся громким неудержимым подхрюкивающим и подвывающим хохотом при первой же шутке Джимми. Хохот и фырганье становятся все громче, и громче, и громче. Истеричный и абсурдный хохот, который НЕВОЗМОЖНО ОСТАНОВИТЬ, который нет ни малейшего шанса остановить, который заставляет меня взвизгивать от смеха, все громче и громче, все сильнее и сильнее – пока не начнется икота.

От икоты можно умереть. Взаправду. Я – врач-шарлатан, который пишет шарлатанские медицинские истории для TV, так что я знаю, о чем говорю. И я говорю вам: мы убили мать Мередит икотой, и это может случиться со мной. Я могла бы дохохотаться до икоты и доикаться до смерти. Я могла бы УМЕРЕТЬ в прямом эфире. Буквально умереть. Вы хотите, чтобы я так поступила с Джимми? Вы хотите, чтобы я сделала Джимми убийцей гостя его программы? Думаю, вряд ли.

Знаете, чего еще вы не хотите видеть?

Как у Шонды от страха спонтанно вылетает сопля из носа.

Сопли от страха.

И хватит об этом.

Все это могло бы случиться, если бы мне пришлось сниматься в прямом эфире. И все это – *не* хорошо. Все это плохо. О-о-очень плохо.

Думаете, я преувеличиваю или пытаюсь вас насмешить?

Сопли от страха – это, по-вашему, смешно? Закройте глаза и представьте, как у вас из носа текут сопли на виду у двенадцати миллионов людей. Это не смешно. Совсем не смешно.

Ладно. Сопли от страха у меня не текли никогда. Но я из тех людей, у которых МОГУТ потечь сопли от страха. Это случилось бы со мной. Просто потому, что это было бы чудовищно. Вот так вселенная любит со мной обращаться, учить меня, держать в рамках.

Я – та девушка, у которой трескаются по шву брюки, и она не замечает сквозняка.

Я – та женщина, которая забывает срезать ценник с платья и ходит с ним, прилипшим к спине, так что в течение всего званого ужина все видят не только то, сколько я на него потратила, но и КАКОГО Я РАЗМЕРА.

Я – та, кто проливает и просыпает.

Кто спотыкается.

Кто роняет.

Как-то раз я случайно запустила куриную кость в полет через весь зал на весьма элегантной коктейльной вечеринке, пытаюсь донести до собеседника свою точку зрения.

Вы меня услышали?

Я ЗАПУСТИЛА КУРИНУЮ КОСТЬ В ПОЛЕТ ЧЕРЕЗ ВЕСЬ ЗАЛ НА КОКТЕЙЛЬНОЙ ВЕЧЕРИНКЕ.

Пока все пялились на птичью конечность на белом ковре, я сделала вид, что тут совершенно ни при чем. Это не придуманная история.

Меня нельзя никуда водить.

И совершенно точно меня нельзя вести туда, где передача снимается вживую на глазах миллионов людей. Потому что если в природе бывают сопли от страха, то У МЕНЯ ОНИ НЕПРЕМЕННО БУДУТ.

И Крис это знает. Он знает, что может случиться в прямом эфире TV. Он знает, как я отношусь к прямому эфиру TV.

Вот только ему это до лампочки.

У него нет времени на сопли от страха. Он пытается помочь мне построить карьеру.

Против моей воли.

За эти годы всякий раз, когда люди Киммела просили меня быть гостьей в его шоу, я говорила «нет».

И «нет».

И «нет».

Я не говорю людям Киммела, что говорю «нет» потому, что прямой эфир – это минное поле. Я не говорю им, что я говорю «нет» из боязни, что могу случайно удружить Джимми «ниплгейт» а-ля Дженет Джексон. Или описать его диван, как перевозбужденный щенок. Или пропахать лицом пол, даже не успев дойти до этого дивана. Или умереть. Я ничего не говорю ни о чем таком.

Потому что я леди, прах его побери!

Я просто говорю «нет».

Люди Киммела так милы! Когда я вижу их на мероприятиях *ABC*, они улыбаются мне, в то время как с моего каменного лица на них взирают вращающиеся глазные яблоки.

А потом я шаркаю к шведскому столу, чтобы прикрыть свой стресс слоем еды.

Я совершенно уверена, что супермилые люди Киммела считают меня большой задницей.

Мой рекламный агент Крис не считает меня задницей. Он считает меня занозой в заднице. Для него я – Сизифов камень, который он уже не один год толкает в гору. И все же он верит. Он продолжает надеяться.

Он *не дает* надежде умереть.

Он использует кодовые слова. Кодовые слова, на которые, как мы оба знаем, я просто не могу ответить «нет». Они хотят *часовую специальную программу по «Скандалу»*. Вечером показа заключительной серии. *ABC* в восторге. И сейчас для меня и *ABC* наступил этакий тонкий момент. Так что я должна быть командным игроком. Если я скажу «нет», то не буду хорошим командным игроком. И весь этот «спортивный треп» пропадет ни за грош.

Видите ли, как раз сейчас идут переговоры о моем следующем контракте.

Вы понимаете, о чем я?

«Спортивный треп» должен что-то **ЗНАЧИТЬ**.

Мы вместе висим на телефоне. Я молчу. Я надеюсь, что он уловит намек, повесит трубку, позвонит на *ABC* и скажет, что я заболела чумой. Это могло бы случиться. Я могла бы заболеть чумой. Я уже чувствую, как она начинается.

Крис не вешает трубку. Он никогда не вешает трубку.

Он молчит.

Он ждет, пока я высунусь из норы. Это соревнование, которое мы часто устраиваем. Наконец, как всегда, я не выдерживаю первая.

– Я не хочу сниматься на телевидении. Никогда, – напоминаю я ему. – Никогда. Никогда. Ни по какой причине. Никому не нужно меня видеть. Зачем кому-то меня видеть, если можно посмотреть на Керри Вашингтон?

Я истово в это верю. Вы видели Керри Вашингтон? Керри Вашингтон – нечто необыкновенное.

– Керри Вашингтон только что родила, – напоминает мне Крис.

Верно. Керри с полным на то правом получила такой необходимый ей отпуск для формирования уз с ребенком. Как мать, я солидарна с ней в этом вопросе. Проклятье!

– Тогда Тони! Или Беллами! Беллами восхитительна!

Я начинаю называть имена актеров «Скандала». Крис набирает побольше воздуха. А потом перечисляет все причины, по которым мне следовало бы появиться на TV. Эти причины не имеют для меня никакого смысла. Он мог бы с тем же успехом говорить по-немецки. Потому что я не говорю по-немецки. Или на том реально крутом койсанском языке Намибии, который похож на серию щелчков.

– Я ни черта не понимаю, что ты там говоришь! – завываю я. – На кой мне черт быть *более* узнаваемой? Это прямая противоположность тому, чем я хочу быть! Сделай так, чтобы этого не было!

Вероятно, Крис сейчас как раз прикидывает, что бы его больше удовлетворило – сшить костюм из моей кожи или просто разбросать обрубки моего мертвого тела по океану.

Может быть, он просто подумывает отрубить мне ногу, как в «Мизери» Стивена Кинга.

Я не стала бы его винить. Я бы стала с ним драться, но не стала бы винить. В смысле – ведь я же на него ору. Я действительно истерически ору на него. Страх одолевает меня. Я теряю самообладание. Я чувствую, что теряю самообладание, и какая-то часть меня тоже хочет отрубить мне ногу. Потому что, чувак, когда ты становишься человеком, каким-то боком причастным к власти, ни в коем случае не становись человеком, который орет. Пусть даже в приступе истерического страха.

То, что ты можешь делать, находясь на нижней ступеньке лестницы, меняется по мере подъема по ней. На вершине этой лестницы многое из того, что ты позволяла себе раньше, делает тебя задницей. Я веду себя как задница. Очень напуганная и очень стеснительная задница.

Крис молчит – долгую, очень долгую минуту.

Он положит мою голову в коробку, как поступил тот парень с головой подружки Брэда Питта в фильме «Семь». Я это знаю. Я не хочу, чтобы моя голова оказалась в коробке. Моя голова будет плохо смотреться в коробке. Я нервно прислушиваюсь к молчанию.

Но когда он начинает говорить, в его голосе звучит спокойный тон силы и триумфа.

Он победит. И он это знает.

Вот почему:

– Шонда, – говорит он. – Мне казалось, ты всему говоришь «да». Или это был просто треп?

Проклятье.

Шах и мат.

Может быть, я смогу засунуть в коробку *его* голову.

Да-да-да.

Я думала, что говорить «да» будет приятно. Я думала, что это будет ощущаться как освобождение. Как Джули Эндрюс, что кружится на той здоровенной горной вершине в начале фильма «Звуки музыки». Как Анджела Бассетт, когда она в роли Тины Тернер выходит из суда по разводам и уходит от Айка, не имея ничего, кроме имени, в песне «What's Love Got To Do With It». Примерно как если ты только что закончила выпекать брауни с двойной помадкой, но еще ни одного не сунула в рот, но уже знаешь, что сейчас начнется то самое. Те самые «американские горки» сахарной лихорадки, которые не кончаются, пока не свернешься калачиком на диване, раскачиваясь взад-вперед, выскребая крошки из пустого противня в рот и пытаясь уговорами заставить себя поверить, что, возможно, тот экс-бойфренд, которого ты отшила, **был** не так уж и плох.

Примерно так.

Это *ДА* не ощущается как уже испеченный, но еще не съеденный брауни.

Я чувствую, что меня вынуждают. Я чувствую, что у меня нет выбора. Мои обязательства перед телекомпанией плюс мои обязательства перед дурацкой идеей года «Да» загнали меня в ловушку.

Моя лапа попала в капкан. Я могу попытаться отгрызть ее и убежать. Но если вы думаете, что это я *сейчас* скулю, то что вы скажете, когда у меня вместо лапы будет кровавый обглоданный обрубок?

Слезы.

Драма.

Завывания и стоны.

Крест, к которому я буду приколачивать себя, будет красивым и ярко освещенным. О, мой крест просто нельзя будет обойти вниманием! Мой крест будет видно даже из космоса.

Меня начинает охватывать оупляющий страх. Это будет ужасно. Это сожрет меня живо. Левый глаз дергается. Я говорю себе, что все нормально, потому что я уверена, он дергается совсем капельку, почти незаметно. Никто не заметит, что он дергается, кроме меня.

– Ух ты, у тебя так сильно глаз дергается! – авторитетно сообщает мне Джоан Рейтер,

ведущая сценаристка «Анатомии страсти». Весь сценарный отдел толпится вокруг, чтобы посмотреть, как прыгает и дергается в глазнице мое глазное яблоко.

– Милая... – Малышка Эмерсон обхватывает мое лицо ладонями и серьезно сообщает: – У тебя глазик сломался. Он испортился, милая.

Нормально ничего не будет.

Не такое должно быть ощущение от ДА.

А если такое, то это будет самый длинный год в моей жизни.

Позднее на той же неделе я сижу в павильоне синхронной съемки «Анатомии страсти». Раздраженная до чертиков. Мало того что мой глаз продолжает весело дергаться. Это десятый сезон. Сандра О покидает сериал. По мере того как мы приближаемся к заключительному эпизоду, каждая сцена с ней начинает казаться все более и более значимой. Все мы прекрасно сознаем, что редкостный талант вскоре выйдет за дверь. Я принимаюсь за организацию репетиции большой сцены.

Чтобы помочь завершить сюжетную линию Кристины, Исая Вашингтон вернулся, оказав нам честь и любезность сыграть роль Престона Берка. Прямо сейчас, в этой сцене, Престон говорит Кристине, что отдает ей свою больницу – как Вилли Вонка отдал шоколадную фабрику. Это главный момент шоу для Кристины, кульминация десяти сезонов развития персонажа. Она стоит лицом к лицу с мужчиной, любовью к которому едва не погубила свою жизнь. Однажды она уже потеряла себя в его орбите, вращаясь вокруг него, отчаянно нуждаясь в нем. Она сделала себя меньше, чтобы приноровиться к его величию. Теперь она превосходит его. И он отдает ей дань уважения. Он приходит, чтобы похвалить ее. Эта шоколадная фабрика будет принадлежать ей, если она того захочет.

Половинке «сумасшедших сестер» вручают ее волшебную сказочную концовку: ей предлагается то, что она заслужила, она получает признание своего блестящего ума и таланта и вознаграждается исполнением мечтаний. Возможно, это не та волшебная сказочная концовка, которой пожелал бы любой другой человек для себя – или для нее, – но Кристине на это наплевать. Честно говоря, мне тоже. Кристина заслуживает своей радости.

Вот как выглядит радость для женщины, обладающей гениальностью.

И в процессе наблюдения за этой историей до меня доходит, почему путь Кристины может завершиться. Я осознаю, почему пора отпустить эту героиню и порадоваться за нее.

Кристина научилась тому, что ей нужно знать. Ее набор инструментов полон. Она научилась не отказываться от того, что нужно ей самой, ради того, чтобы быть тем, чего хотят другие. Она научилась не идти на компромиссы. Она научилась не довольствоваться малым. Она научилась, как бы это ни казалось трудно, быть солнцем для себя самой.

Ах, если бы реальная жизнь была так проста!

Но мой глаз перестает дергаться.

Я беру телефон и звоню Крису.

– Грудь Дженет Джексон, – говорю я ему. – Сопли от страха. Куриная кость.

Воцаряется долгое молчание, во время которого Крис, наверное, беспокоится, что у меня случился инсульт.

– А?..

– Это не может быть прямой эфир. Я снимусь в программе Джимми Киммела. Но это не должен быть прямой эфир, – твердо говорю я.

Я слышу, как Крис вдыхает и выдыхает. Он съест мои почки и печень под хорошее вино.

– Позволь, я уточню, – напряженно говорит он. – Ты снимешься в программе «Джимми Киммел в прямом эфире». При условии, что это не будет прямой эфир.

Он произносит это так, будто разговаривает с сумасшедшей. И, возможно, так и есть.

Но я только что наблюдала, как Кристина Янг получает свою шоколадную фабрику. Я чувствую себя храброй. Я не иду на компромиссы. Мне нет нужды чем-то довольствоваться.

– Именно, – говорю я ему.

Если я должна быть на ТВ, если я обязана принимать участие в таком страшном

события, как шоу Киммела, то мы будем делать это по-моему или не будем делать вообще.

Видите, я держу все свои составляющие при себе.

Мне не нужны брауни.

Я хочу, черт возьми, всю шоколадную фабрику.

ДА должно ощущаться как солнце.

Да-да-да.

Понятия не имею, как это случилось, или какие велись переговоры, или чьего младенца Крису пришлось украсть, или чем я теперь обязана какому-то незнакомцу, или с каким военачальником я теперь помолвлена.

Не знаю. И знать не хочу.

Крис это сделал.

Этот человек вызвал дождь.

Вот каким образом за неделю до эфира последней серии «Скандала» я оказываюсь сидящей в декорациях фирмы «Поуп и партнеры» с Джимми Киммелом, снимая часовую «неживую» специальную программу под названием «Джимми Киммел в прямом эфире. За кулисами «Скандалябра».

Джимми был невероятно мил со мной. Он рассказывал мне смешные истории и расспрашивал о моих детях, пока мы ждали включения камер. Перед каждой порцией съемок он терпеливо растолковывал мне, что будет происходить дальше, а потом рассказывал все это *еще раз*, точно знал, что у меня память как у страдающей острой деменцией старухи, которая способна запомнить не больше двух-трех слов подряд. Он все время спрашивал, в порядке ли я. Если ему и показалось странным, что я превратилась в колоду и, похоже, не могла одновременно ходить и говорить во время съемки, он держал это при себе. Он просто организовал дело так, чтобы мне ни в коем случае не приходилось передвигаться и говорить одновременно. В сущности, он сделал так, что мне вообще почти не нужно было говорить. Я серьезно! Пошарьте в Интернете. Посмотрите это. Что я делаю?

1. Улыбаюсь.

2. Очень стараюсь не смотреть прямо в камеру.

3. Смеюсь над шутками Джимми.

4.

Держу в руке огромный бокал, а Скотт Фоули наливает в него вино.

5.

Смотрю прямо в камеру, хотя мне СТО РАЗ говорили этого не делать.

6. Снова смеюсь над шутками Джимми.

Джимми выполнил *всю* работу. Мне не пришлось ничего делать. И все же. Он устроил все так, что КАЗАЛОСЬ, будто я что-то делаю. Все думали, что я все время что-то делала. Итак, он выполнил всю работу, а я пожалала все лавры.

Как будто младенец какает.

Все сюсюкают над младенчиком. А кто вытирает какашки? Не младенец, могу вас уверить. Но никто не сюсюкает над человеком, уносящим вонючий подгузник в мусорное ведро.

Кажется, я только что уподобила себя какающему младенчику. Но вы меня поняли. Джимми проделывал удивительные трюки, чтобы я выглядела хорошо. И поскольку Джимми постоянно работает над своей программой и всегда великолепен, все только кивали и улыбались ему. Но поскольку существовал очень серьезный шанс, что вокруг меня будет ореол из соплей от страха и куриных костей, я получила стоячую овацию от всех знакомых.

Мне звонили. Присылали электронные письма. Комментарии в «Твиттере», и «Фейсбуке», и всех прочих соцсетях, какие только есть.

На следующий день я также получила самую большую корзину красных роз в своей жизни.

САМУЮ БОЛЬШУЮ.

Большую, как у «лошади, выигравшей Кентукки Дерби»¹⁶.

Их прислали в гигантской серебряной вазе. Вазе такой огромной и тяжелой, что для того, чтобы внести ее в дом, потребовались трое мужчин. Моя дочь Харпер попыталась пересчитать эти розы, но ее запал иссяк после девяносто восьмой.

Эти десятки красных роз прислал мне Джимми.

Он не предлагал мне выйти за него замуж.

Вышли рейтинги. «Джимми Киммел в прямом эфире» впервые в истории благодаря этому эпизоду обошел шоу Джимми Фэллона.

Киммел побил Фэллона.

И это означало, что Киммел был прав, приглашая меня в свою программу. А Крис был прав, заставив меня принять приглашение. И, догадываюсь, я была права, потребовав, чтобы программа шла в записи. Потому что не уверена, что результат был бы тем же, если бы я не смогла выйти на сцену в прямом эфире, потому что у меня случился полномасштабный нервный срыв в уголке костюмерной «Джимми Киммела в прямом эфире».

Но все это не имело для меня никакого значения. Практически никакого. В смысле я была рада, что Джимми был рад. Я была благодарна за то, что не испортила одну из его программ. Но, как ни ошеломительно, я могла думать только об одном.

Я это сделала.

Я сказала «да» тому, что наводило на меня ужас. А потом сделала это.

И не умерла.

В двери кладовки есть щель. Через нее проникает лучик света. Я ощущаю на лице солнечное тепло.

Я подхожу к Крису.

– Спасибо тебе, – бормочу я.

– Что? Я не расслышал.

– СПАСИБО ТЕБЕ!

Крис ухмыляется. Триумфально.

Он и в первый раз меня услышал. Вы знаете, что услышал. Я знаю, что услышал. ВСЕ мы знаем, что он услышал. Но я не против.

Сопли от страха. Куриная кость. Адель Дазим.

Какая мне разница? Это случилось. Я это сделала.

И сохранила все свои составляющие.

ДА действительно ощущается как солнце.

Может быть, я строю собственную чертову шоколадную фабрику.

5

«Да»: говорить всю правду

В начале 2014 года меня приглашают присоединиться к маленькому частному женскому онлайн-сообществу. Оно быстро становится для меня спасательным кругом. В нем полно умных женщин, занимающихся интересными вещами, и я с нетерпением жду его посланий. Весь день по электронной почте ведутся увлекательные диалоги. Новичок в группе, я слежу за манерами и стараюсь помалкивать. Я наблюдатель, слушатель. Я брожу по периферии. Даже мысль о том, чтобы вступить в разговор, появляется редко.

29 мая, примерно за полторы недели до того, как мне предстоит выйти на сцену в Дартмутском колледже и произнести требуемую приветственную речь на двадцать-тридцать

¹⁶ Победителю скачек Кентукки Дерби вручают «одеяло» из 554 алых роз – символ турнира.

минут перед аудиторией, которая сейчас приблизительно оценивается в шестнадцать тысяч человек, я пишу в группу следующее сообщение.

ОТ КОГО: Шонда

КОМУ: Группе

ТЕМА: Моя смерть

Итак, это вот-вот случится. Моя приветственная речь. И (шок!) я еще не написала ни слова. Я совершенно парализована. Момент паралича наступил, когда я чистила зубы, слушала Национальное общественное радио (*NPR*) и услышала, как один человек (которого я люблю и которым восхищаюсь) сказал, что одним из выступлений, которое всем особенно не терпится обсудить, будет... мое.

Никакого давления. Совершенно никакого.

Как я теперь понимаю, эти речи записывают, транслируют, загружают, «твитуют» и препарируют, и у *NPR* есть ЦЕЛЫЙ сайт, посвященный исключительно их препарированию.

Люди ведь не падают в обморок, произнося эти речи, верно? Такого не случается?

Вы видите, что я здесь написала?

Я написала, что не написала ни слова из этой речи.

И это правда. Меньше чем за две недели до дня Икс.

Я не написала ни слова.

НИ ЕДИНОГО СЛОВЕЧКА.

Я брожу вокруг да около и чувствую, как раскаленный добела ужас выжигает из моего мозга всю креативность. Пожары провала вспыхивают вокруг, сжигая любые идеи, которые у меня появляются.

В моем воображении творится писательский апокалипсис.

Я лежу на полу в своем кабинете. Пью красное вино. Ем попкорн. Обнимаю детей. Готовлюсь к концу света.

Каждое рабочее письмо, которое я пишу в эти десять дней перед выступлением, говорит, в сущности, одно и то же: *«Почему вы спрашиваете меня о том, о чем спрашиваете? Неужто вы не знаете, что я умру от унижения и страха, произнося эту речь? Оставьте мне время попрощаться с родными!»*

Я становлюсь бестолковой. Иррациональной. Я перестаю разговаривать вслух. Вместо слов издаю звуки.

– *Грммф*, – говорю я своей помощнице Эбби, когда она спрашивает, собираюсь ли я на какую-то встречу.

– *Блламмпф*, – бормочу я сценаристам, когда они спрашивают, есть ли у меня какие-то сюжетные идеи.

Женщины из моего онлайн-сообщества шлют мне слова поддержки. Шлют советы. Рекомендуют не забывать о «позе силы».

«Вставай в «позу силы», как Чудо-женщина!»

«Поза силы» Чудо-женщины – это когда стоишь как крутая забияка: ноги широко расставлены, подбородок поднят, руки в боки. Словно все здесь принадлежит тебе. Словно на тебе волшебные серебряные браслеты и ты умеешь ими пользоваться. Словно твой супергеройский плащ полощется по ветру у тебя за спиной.

Я не просто какая-то дура, советующая вам притвориться Чудо-женщиной.

Это реальная штука.

Мое онлайн-сообщество советует мне вставать в «позу силы» Чудо-женщины и напоминает о реальных научных исследованиях, которые пришли к выводу, что такая «поза силы», принятая на пять минут, не только повышает самооценку, но даже спустя несколько часов улучшает восприятие тебя другими людьми.

Давайте я повторю это снова.

Если по утрам стоять как Чудо-женщина, это заставит людей в обеденный перерыв считать тебя более восхитительной.

Безумие. Но так и есть.

Правда, великолепно?

(Вы мне не верите? Посмотрите *TED* на эту тему.)

Я начинаю вставать в «позу силы» всякий раз, как захожу в лифт. Это обходится мне в несколько неловких поездок вверх или вниз с незнакомыми людьми. Но я стойкая, как оловянный солдатик. Я не упущу любую помощь, какую смогу получить.

Приходят очередные мудрые советы. Одна женщина присылает следующий полезный перл: помни, худшее, что может случиться, – ты обгадишься на сцене. При условии, что этого не произойдет, наставляет она меня, я буду в полном порядке.

Как ни удивительно, это неаппетитное сообщение каким-то образом подбадривает меня. Успокаивает. Потому что обгадиться – это не мое. Уверенность в этом вопросе дает мне возможность спать по ночам. Она также позволяет мне начать писать – по крошке, по кусочку – свою речь. Я делаю это на клочках бумаги, которые постоянно теряю. Потом переключаюсь на приложение «заметки» в своем телефоне.

Но даже когда эта речь собирается воедино, я не уверена, что она чего-то стоит. И на самом деле у меня нет времени об этом думать. Я только что закончила продюсировать сорок два эпизода телесериалов. Это наименьшее число эпизодов за все время моей работы с любым телесериалом – и все же я устала до изнеможения. «Частная практика» завершилась сезоном раньше, так что я потеряла одну программу. Зато добавила одного ребенка. РЕБЕНКА. Настоящего человека, крохотного человечка. К счастью, у Керри Вашингтон тоже прибавление, и я возношу небесам хвалу за то, что в этом сезоне мы снимали всего восемнадцать эпизодов «Скандала». Я никому не говорю этого вслух, но не уверена, что смогла бы справиться с большим числом. При этом стараюсь справляться с тремя детьми, спать, работать, писать и пытаться делать все это хорошо – и в последнее время это до чертиков меня доставало. Но в этот момент в июне я не питаю ни малейших иллюзий насчет своей Материнской Карточки.

Материнская Карточка – это такая штука, которую я держу в голове. На ней выведена воображаемая серия нулей и десятков, которые выставляет некая воображаемая сука-судья, ужасно похожая на меня. Нули появляются в карточке, когда я терплю неудачу: пропускаю из-за поездки репетицию, забываю, что моя очередь организовывать еду для перекуса в детском саду, или когда мы не являемся на чей-нибудь день рождения, потому что интроверт во мне просто не в состоянии справиться с огромностью социального взаимодействия.

Я то и дело слышу об этих «мамских войнах». Споры кипят яростью: какой стиль воспитания лучше, что такое плохая мать, кого винить за появление детей с «проблемами», насколько нужно участвовать в жизни школы – и т. д. и т. п. На самом деле все сводится к следующему вопросу: какого типа мать сильнее испортит своего ребенка? Людям нравится постоянно трепать в журналах тему «мамских войн». Ведущие ток-шоу взывают: неужели мы не можем быть солидарны? Но я никак не возьму в толк, о чем это все говорят.

Единственная мамаша, с которой я воюю, – это я сама.

Это усугубляется тем, что моя дочь-подросток – чудесная, длинноногая, ошеломительно прекрасная будущая супермодель – обладает особым умением проворачивать нож, **который** я сама надежно воткнула в собственную грудь.

– Ты пропустила уже третью репетицию, – напоминает она мне. – И... ты хоть раз придешь на какую-нибудь из моих выставок по естествознанию?

Это *не* третья репетиция. А на выставке по естествознанию я была как раз в прошлой четверти. Но она говорит это так, словно я там не была. Из-за чего я чувствую себя так, будто не была.

Бум.

Ноль.

Нет, я не дура. Я не из тех матерей, которые позволяют детям вести себя словно монстры и вытирать об меня ноги.

Я воспитана в старомодном стиле.

Я стремлюсь быть старомодной.

Мои дети – не мои друзья. Они мои дети. Моя цель не в том, чтобы заставить их любить меня. Моя цель – воспитать граждан. Мой мир не вращается вокруг них. Единственный вертолет в моей жизни – игрушка, с которой играют дети.

Так что в ответ на слова моей дочери Харпер я не заламываю руки и не извиняюсь в слезах. Никто не заламывал руки и не извинялся, воспитывая меня, и я превратилась... в писателя.

– Я работаю, чтобы кормить и одевать тебя. Тебе нужны еда и одежда? Тогда помалкивай и будь благодарна.

Вот что я говорю своей дочери-подростку.

Но внутри? Ноль в Материнской Карточке. Еще немного провернутый нож. А вступительная речь... у меня остается все меньше и меньше времени, чтобы сосредоточиться на ней, трепыхаться из-за нее, беспокоиться из-за нее. На дворе конец ТВ-сезона, конец школьного года.

В тот день, когда мне нужно вылететь в ХанOVER, штат Нью-Гемпшир, я провожу раннее утро с младшими дочерьми. Потом еду в школу к старшей, чтобы присутствовать на церемонии окончания учебного года. Моя дочь получит награду за учебу – я это знаю, а она пока не в курсе. Я не хочу упустить возможность увидеть ее лицо, когда она это узнает. Я приезжаю как раз вовремя, чтобы услышать, как ее вызывают, и когда ее лицо освещается радостью, я нападаю на нее с камерой, делая фотографии. Объятия, улыбки, радость. И, хотя я напоминала ей об этом каждый день на протяжении нескольких недель, я вижу разочарованное лицо: она слышит, что мне нужно уехать. Снова провернув нож, я спешу в аэропорт.

Только сев в самолет, удаляясь от своей реальной жизни и оказавшись в окружении близких друзей, которых взяла с собой для поддержки, я действительно просматриваю речь, которую написала. Действительно смотрю ей в лицо.

Мне ненадолго делается дурно. Холодный, твердый камень приземляется на дно моего желудка. Как раз такого рода речи я всегда и пишу. Энергичные, остроумные, содержательные. В ней есть подъемы и спады. Шутки. Она умна и блестяща. И звучит как раз так, как надо. Вот разве что на самом деле я в ней ничего не говорю. Ничего не раскрываю. Ничем не делюсь. В ней нет ничего от *меня*. Я говорю из-за кулис. Это как фокус – я открываю рот, но вы на самом деле не слышите *меня*. Вы слышите только мой голос. Эта речь – сплошной «спортивный треп».

Я представляю себе, как завтра буду стоять на сцене, смотреть в лицо этим выпускникам и... Что? Если я не скажу ничего существенного, ничем не поделюсь, ничего не дам... то зачем? Зачем мне вообще быть там?

Что я боюсь им показать, если буду по-настоящему собой?

Я знаю, что дело не в выпускниках. Дело во всем остальном мире. Это все остальные люди в мире услышат мою речь и будут судить и критиковать ее. И по ней узнавать что-то обо мне. Не уверена, что хочу, чтобы они меня знали. Потому что... потому что... Я и сама до сих пор по-настоящему не знаю себя.

Но я знаю, что не могу произнести эту речь.

Я знаю, что не стану читать эту речь.

Эта речь – не *ДА*.

Я перечитываю ее еще четыре или пять раз. Потом убираю ее в новую папку в своем ноутбуке. И называю эту папку – ФИГНЯ.

А потом начинаю заново.

То, что я пишу, не так официально, не так старомодно, не так стилизованно.

То, что я пишу, – непринужденно, немного небрежно и порой неподобающе.

Но зато честно.

И похоже на меня.

Это и есть я.

Если я буду произносить речь, если я собираюсь стоять на сцене и произносить речь перед этими людьми, если я собираюсь совершить этот прыжок...

...если я собираюсь сказать «да»...

Если я собираюсь сказать *ДА*...

То я вполне могу сказать «да» и быть собой.

Никакого «спортивного трепана».

Никаких фокусов.

Я просто расскажу правду.

Когда я заканчиваю, самолет мчится по ночному небу, и я нажимаю кнопку «сохранить». И обещаю себе, что не стану больше усиленно думать об этой речи до тех пор, пока не выйду на сцену.

Утром в день вручения дипломов я оказываюсь на ногах еще до рассвета. Мне нужно попрыгать. Растянуться. Подышать. Я встаю в «позу силы» больше чем на пару минут. Из окна моего номера в «Хановвер-Инн» видна сцена. Я вижу традиционную Старую Сосновую Кафедру, которая служит возвышением. С нее я буду говорить.

Я долго-долго гляжу на нее в рассветных сумерках.

Я буду говорить «да» всему, что меня пугает.

Я жду, пока меня окатит волной страха и паники. Но она не приходит. Пожимаю плечами – сама себе. Я знаю, она нагрянет в любую минуту. Я напряжена, жду ее. В любую секунду привычная замораживающая паника – страх сцены – накроет меня. Меня собьет с ног цунами.

Но ничего не происходит.

Я нервничаю. Я напугана. Но и только.

Следующие несколько часов – сплошной вихрь. Фото. Мантии и шапочки. Несчетные рукопожатия. Волны ностальгии. А я все жду нервного припадка, который обычно делает меня ни на что не способной. Который заставляет меня превращаться в потную кучку гипервентиляции. Я жду, пока мы идем к сцене. Я жду, пока мне вместе с другими вручают мой почетный докторский диплом. Я все еще жду, пока ректор Хэнлон представляет меня присутствующим и приглашает выйти на сцену.

Я поднимаюсь на возвышение.

А потом...

Происходит нечто совершенно необыкновенное.

Если посмотрите видео, то увидите момент, в который это случилось.

Я стою на сцене. Обвожу взглядом толпу. Делаю глубокий вдох. Я все еще жду этого: страха, паники, нервов. Я чуть ли не напрашиваюсь на них. Ищу их. Оглядываюсь в поисках. Они должны быть где-то здесь. Но когда я вглядываюсь в эту толпу студентов-выпускников в зеленых шапочках и мантиях, все, что я вижу, это... я.

Двадцать лет назад я сидела на этих стульях, в этой толпе, в зеленой шапочке и мантии. Точь-в-точь как они. Я узнаю их. Я знаю их. Этот взгляд на их лицах. В их глазах плещется неуверенность. И я понимаю, что страх, паника, нервы, которых я жду, придут сегодня не ко мне. Все это пришло к ним. Страх, который они испытывают перед тем, что ждет впереди, намного больше, чем любой страх, который могу испытывать я. И меня вдруг отпускает. Я больше не боюсь говорить с ними. Я больше не боюсь стоять там, одна на сцене, в течение двадцати минут и быть с ними самой собой, честно и беззащитно. Потому что когда-то давным-давно я была ими. А где-то в своем будущем они будут мной.

Что бы я ни сказала – это предназначено не для меня. Это не для внешнего мира. Не имеет значения, как будут на это реагировать или как будут судить другие люди. Я не обращаюсь ни к кому, кроме этих выпускников, сидящих передо мной. Это только для них.

И я выдыхаю.

Это видно.

Если вы посмотрите видео, то заметите, как я выдохнула.

Вы увидите этот самый последний миг, самый последний момент, самый последний выдох моего страха. Начиная с этого выдоха и далее я становлюсь кем-то совершенно новым. Кем-то спокойным. Кем-то не испытывающим страха.

Мое тело расслабляется. Я улыбаюсь. Я успокаиваюсь в душе. И впервые в жизни стою на сцене и громко обращаюсь к публике с полной уверенностью и без грана паники. Впервые в своей жизни я говорю с аудиторией как я сама – и ощущаю радость.

Вот что я говорю:

ДАРТМУТСКАЯ ПРИВЕТСТВЕННАЯ РЕЧЬ

8 июня 2014 года

ХанOVER, Нью-Гемпшир

МЕЧТЫ – УДЕЛ НЕУДАЧНИКОВ

Ректор Хэнлон, преподаватели, сотрудники, уважаемые гости, родители, студенты, родственники и друзья – доброго вам утра, и поздравляю вас с выпуском Дартмутского колледжа 2014 года!

Итак.

Это странно.

Странно для меня – выступать с этой речью.

Вообще-то я не люблю произносить речи. Для того чтобы произнести речь, требуется встать перед большой группой людей, которые на тебя смотрят, и что-то говорить при этом. Стоять у меня получается неплохо. Но вот когда «вы смотрите», а «я говорю»... я НЕ фанатка этого дела. Меня одолевает чувство страха.

Даже ужаса, на самом-то деле.

Во рту сухость, сердце бьется быстро-быстро, все как будто в чуть замедленном воспроизведении.

Словно я могла бы потерять сознание. Или умереть. Или наложить в штаны, или еще что-то.

Нет-нет, не волнуйтесь. Я не намерена ни падать в обморок, ни умирать, ни накладывать в штаны. Главным образом потому, что я, сказав вам, что это может случиться, каким-то образом нейтрализовала эти варианты. Словно проговорить их вслух – значит наложить своего рода заклинание, после которого это теперь совершенно невозможно.

Рвота. Меня могло бы вырвать.

Понятно? Теперь и рвота не вариант.

Я ее нейтрализовала. У нас все в порядке.

В общем, это я к тому, что не люблю произносить речи. Я писатель. Я телесценарист. Я предпочитаю писать то, что произносят другие люди. На самом деле я думала о том, чтобы взять с собой сюда Эллен Помпео или Керри Вашингтон, чтобы они прочли мою речь за меня... но мой адвокат отсоветовал. Мол, когда перевозишь людей через границы штатов против их воли, тебя объявляет в розыск ФБР, так что...

Короче, не люблю я произносить речи. В общем и целом. Из-за страха. И ужаса. Но *эта* речь? Эту речь я не хотела произносить совершенно.

Дартмутская вступительная речь?

Во рту сухость. Сердце бьется быстро-быстро.

Все в замедленном воспроизведении.

Потерять сознание, умереть, обгадиться.

Знаете, все было бы прекрасно, случись это, скажем, лет двадцать назад. Будь это в те времена, когда я оканчивала Дартмут. Двадцать три года назад я сидела там, где сейчас сидите вы. И слушала выступление Элизабет Доул^[17]. Она была великолепна. Она была спокойна, она была уверена в себе. Это было просто... необыкновенно. Возникало такое

ощущение, будто она просто разговаривала с людьми. Вроде как сидела у костра с друзьями. Вот просто Лидди Доул и девять тысяч ее друзей. Потому что это было двадцать лет назад. И она ПРОСТО разговаривала с группой людей.

А теперь? Спустя двадцать лет? Это вам не какой-то там разговор у костра. Не только вы и я. Эту речь записывают на пленку, транслируют в Интернете, твитят и скачивают. Оказывается, у Национального общественного радио есть целое приложение, посвященное приветственным речам.

ЦЕЛЫЙ САЙТ – ТОЛЬКО О ВСТУПИТЕЛЬНЫХ РЕЧАХ.

Есть и другие сайты, составляющие рейтинг таких речей. Осмеивающие их. Расчленившие их. Это странно. И давит на психику. И некоторым образом жестоко по отношению к писательнице-перфекционистке, которая в принципе терпеть не может выступать на публике.

Когда ректор Хэнлон позвонил мне...

Кстати говоря, я хотела бы поблагодарить ректора Хэнлона за то, что он обратился ко мне с просьбой выступить еще в январе, таким образом дав мне возможность целых шесть месяцев наслаждаться паникой и ужасом.

Когда ректор Хэнлон позвонил мне, я едва не сказала «нет». Чуть не сказала.

Во рту сухость. Сердце бьется быстро-быстро. Все в замедленном воспроизведении. Потерять сознание, умереть, обгадиться.

Но я здесь. Я это сделаю. Я уже это делаю. И знаете почему?

Потому что я люблю трудности. Потому что в этом году я заставила себя дать обещание делать все, что меня пугает. И потому что двадцать с лишним лет назад, когда я брела вверх по холму от реки Кластер сквозь метель, чтобы добраться до Хопа^[18] на репетицию пьесы, я и представить себе не могла, что однажды окажусь ЗДЕСЬ. Буду стоять за Старой Сосновой Кафедрой. И смотреть на всех вас. Стараясь не заблевать тезисы для Дартмутской приветственной речи. Моменты, знаете ли...

А еще я здесь потому, что мне очень-очень хотелось полакомиться эба^[19].

Итак.

Сейчас я хочу сказать, что всякий раз, когда кто-то спрашивал меня, о чем я собираюсь говорить в этой речи, я смело и уверенно отвечала, что у меня очень много мудрых мыслей, которыми я готова поделиться.

Я лгала.

По-моему, советчик из меня никакой. В моей речи нет никаких перлов мудрости. Так что все, что я могу сделать, – это сказать пару слов, которые, возможно, принесут вам кое-какую пользу. Как одна дартмутская выпускница другим дартмутским выпускникам. Те, что никогда не будут сказаны закадровым голосом Мередит Грей или в монологах папы Поупа. Те, что мне, может быть, даже не следовало бы говорить вам сейчас и здесь. Из-за всех этих скачиваний, трансляций и веб-сайтов. Но я сделаю вид, что это происходит двадцать лет назад. Что здесь только вы и я. Что мы беседуем, сидя у костра. И пошел на фиг внешний мир и то, что он думает! Я уже все равно по меньшей мере раз пять произнесла слово «обгадиться», так что... здесь у нас все реально.

Погодите-ка!

Прежде чем говорить с вами, я хочу обратиться к вашим родителям. Потому что по сравнению с двадцатью годами назад изменилось еще кое-что: я стала матерью. Так что теперь кое в чем разбираюсь. Кое в чем особенном. У меня три дочери. Я знаю, почему фунт лиха. Вы не знаете, что это значит. Зато знают ваши родители. Вы думаете, что в этот день вы – главные. Но ваши родители – люди, которые вас растили, люди, которые вас терпели, учили вас пользоваться горшком, учили вас читать, пережили ваши подростковые годы, страдали весь двадцать один год и ни разу вас не убили... Этот день – вы зовете его своим выпускным днем. Но этот день – не ваш. Это их день. Это день, когда они получают назад свою жизнь, это день, когда они зарабатывают свою свободу. Этот день – их день

независимости. Родители, я салютую вам. И поскольку моей младшей восемь месяцев, надеюсь вступить в ваши вольные ряды через двадцать лет!

Итак.

Итак, вот она начинается. Настоящая основная часть моей речи. Или, можно сказать, «что, по мнению одной бывшей выпускницы, которая делает телепрограммы, вам следовало бы знать до того, как вы получите дипломы».

Готовы? Начинаем!

Когда люди произносят такого рода речи, они, как правило, говорят всевозможные мудрые и прочувствованные слова. Они делятся мудростью. Они делятся уроками. Они говорят вам: следуйте за своими мечтами. Прислушивайтесь к своему духу. Изменяйте мир. Оставляйте свой след. Обретайте свой внутренний голос и заставьте его петь. Принимайте неудачи. Мечтайте – и мечтайте масштабно. Если уж на то пошло, мечтайте и не переставайте мечтать до тех пор, пока ваши мечты не осуществляются.

Я считаю, что это все фигня.

Мечтают многие. Но, пока они заняты мечтаниями, по-настоящему счастливые люди, по-настоящему успешные люди, по-настоящему интересные, сильные, занятые люди... знаете, чем они заняты? Они заняты делом.

Мечтатели! Они смотрят в небеса, составляют планы, надеются, думают и говорят об этом бесконечно. И многие предложения начинают со слов «я хочу быть...» или «хотелось бы мне...».

«Я хочу быть писателем». «Хотелось бы мне объехать весь свет».

Они мечтают об этом. Офисные работники встречаются за коктейлями и похваляются своими мечтами. Хиппи заводят доски визуализации и медитируют на свои мечты. Вы пишете о своих мечтах в дневник. Или бесконечно обсуждаете их с близкими друзьями, подружками или матерями. И это очень приятно. Вы говорите об этом. Вы это планируете. Вроде как. Вы расцветиваете свою жизнь радужными красками. И все говорят, что именно так вам и следует поступать. Верно? Ведь именно это делали Опра и Билл Гейтс, чтобы стать успешными, верно?

НЕТ.

Мечты – это очень мило. Но это просто мечты. Мимолетные, эфемерные. Красивые. Но мечты не сбываются просто потому, что вы о них мечтаете. Событиями движет упорный труд. Упорный труд создает перемены.

УРОК ПЕРВЫЙ: МЕЧТЫ ПОБОКУ.

БУДЬ ДЕЛАТЕЛЕМ, А НЕ МЕЧТАТЕЛЕМ.

Может быть, вы точно знаете, кем мечтаете быть. А может быть, вы парализованы нерешительностью, потому что понятия не имеете, что вас привлекает. На самом деле это не имеет значения. Вы не обязаны это знать. Вам нужно просто продолжать двигаться вперед. Вам нужно просто продолжать что-то делать, хвататься за очередную возможность, оставаться открытыми и пробовать новое. Это новое не обязательно должно вписываться в ваше представление об идеальной работе или идеальной жизни. Идеал скучен, а мечты нереальны. Просто – ДЕЛАЙТЕ. Вы думаете: «Вот бы мне попутешествовать!» Продайте свою тачку-развалюху, купите билет и летите в Бангкок – прямо сейчас. Я серьезно. Вы говорите: «Я хочу быть писателем». И знаете что? Писатель – это тот, кто пишет каждый день. Начните писать. Или – у вас нет работы? Найдите работу. ЛЮБУЮ РАБОТУ. Не сидите дома, дожидаясь какой-то волшебной возможности. Кто вы? Принц Уильям? Нет. Найдите работу. Работайте. Делайте это до тех пор, пока не сможете заняться чем-то другим.

Я не мечтала стать телесценаристкой. Никогда, ни разу, учась здесь, в прославленных аудиториях одного из университетов Лиги плюща, я не говорила себе: «Знаешь что, Я? Я хочу писать для ТВ».

Знаете, кем я хотела быть?

Я хотела быть нобелевской лауреаткой, писательницей Тони Моррисон.

Это была моя мечта. Я мечтала об этом как сумасшедшая. Я мечтала и мечтала. И пока я мечтала, я жила в гостиной у сестры. Мечтатели часто оказываются на диванах в гостиных у родственников, да будет вам известно. В общем, жила я в этой гостиной, мечтала стать нобелевской лауреаткой, писательницей Тони Моррисон. И знаете что? Я не смогла стать нобелевской лауреаткой, писательницей Тони Моррисон. Потому что Тони Моррисон уже заняла это рабочее место и не собиралась его освободить. Однажды я сидела в той гостиной и читала статью в «Нью-Йорк таймс», в которой говорилось, что поступить в киношколу Южно-Калифорнийского университета труднее, чем в юридическую школу Гарварда.

Я могла продолжать мечтать о том, чтобы стать Тони Моррисон. А могла заняться делом.

В киношколе я открыла для себя совершенно новый способ рассказывать истории. Способ, который мне подходил. Способ, который приносил мне радость. Способ, который шелкнул переключателем в моем мозгу и изменил мой способ видения мира.

Прошли годы, и однажды я ужинала вместе с Тони Моррисон.

Она только и говорила, что об «Анатомии страсти».

Этого никогда бы не случилось, если бы я не перестала мечтать и не занялась собой.

УРОК ВТОРОЙ: ЗАВТРА БУДЕТ ХУДШИМ ДНЕМ

В ВАШЕЙ ЖИЗНИ.

Когда я в 1991 году окончила Дартмут, когда я сидела как раз там, где сидите вы, и смотрела на выступавшую Элизабет Доул, признаюсь, я вообще не понимала, что она такое говорит. Я даже не слышала ее. Не потому, что растерялась, не потому, что меня обуревали эмоции или что-то в этом роде. А потому, что у меня было жестокое похмелье. В общем, эпическое болезненное похмелье, потому что...

...и здесь я извиняюсь перед ректором Хэнлоном, потому что знаю, что вы стараетесь создать лучший и более ответственный Дартмут. Я аплодирую вам, я восхищаюсь вами, и это АБСОЛЮТНО необходимо...

Потому что накануне вечером я напилась в хлам. Причина, по которой я так напилась накануне вечером, причина, по которой я одну за другой опрокидывала «маргариты» в «Боунс-Гейт», заключалась в том, что я знала: после вручения дипломов я сниму шапочку и мантию, родители уложат мои вещи в багажник, и я уеду домой. Я, возможно, больше никогда не вернусь в ХанOVER. И даже если вернусь, это будет не важно, потому что все здесь будет иначе. Потому что я здесь больше не живу.

В день вручения дипломов я предавалась скорби.

Мои друзья праздновали. Они веселились. Такие взволнованные. Такие счастливые. Больше никакой учебы, никаких учебников, никаких сердитых взглядов преподавателей, э-ге-гей! А я им: вы что, черт возьми, смеетесь, что ли? У вас здесь есть все, что душевнее угодно! Бесплатный спортзал. Да в Манхэттене апартаменты меньше, чем моя студия в Северном Массачусетсе! Подумаешь, не было салона, чтобы уложить волосы! Зато здесь были все мои друзья. Я руководила собственной театральной труппой.

Я скорбела.

Я достаточно знала о том, как устроен мир, о том, как разворачивается взрослая жизнь, чтобы скорбеть.

Внимание, вот сейчас я опозорюсь, и все вы воспрянете духом. Я буквально лежала на полу своей спальни и ревела в голос, пока мама паковала мои вещи. Я отказывалась ей помогать. Отказывалась наотрез. Типа такая: проклятье, нет, я никуда не поеду. Я устроила ненасильственный протест против отъезда. Типа лежала бревном, как протестующие на митингах, разве что песен не пела – право, это было жалкое зрелище.

Ну как, вы уже приободрились?

Если сегодня никто из вас не лежит ничком на паркетном полу, заливаясь слезами, в то время как ваша мамочка пакует ваши вещи, то вы уже начинаете свою карьеру, имея передо мной фору. Вы выигрываете.

Но сейчас будет самое главное. То главное, которое я, казалось мне, уже знала. Реальный мир – это отстой. И он – страшный.

Колледж – это классно.

Все вы здесь – особенные. Вы учитесь в Лиге плюща, вы в этот момент находитесь на пике своих жизненных целей: вся ваша жизнь вплоть до этого момента была посвящена тому, чтобы поступить в прекрасный колледж, а потом окончить его. И теперь, сегодня, вы это сделали. Ура!

В тот момент, когда вы покидаете колледж, вам кажется, что вы возьмете этот мир штурмом. Перед вами будут открыты все двери. Будут сплошь смех, бриллианты и вечеринки.

В действительности же для остального мира вы теперь являетесь нижним слоем огромной кучи-малы. Может быть, стажерами. Может быть, низкооплачиваемыми ассистентами. В лучшем случае. И это ужасно. Для меня реальный мир на поверку оказался полным отстоем. Я постоянно чувствовала себя неудачницей. Кем еще, кроме неудачницы? Я чувствовала себя потерянной.

Что подводит меня к разъяснению УРОКА НОМЕР ДВА: *Завтра ДЕЙСТВИТЕЛЬНО будет худшим днем в вашей жизни.*

Но не будьте задницами.

В этом все дело. Да, жить в мире непросто. Но насколько непросто? Все относительно. Я родом из семьи среднего класса, мои родители – ученые, я родилась после движения за права человека, училась ходить во времена женского движения, живу в Соединенных Штатах Америки, и все это означает, что мне позволено распоряжаться собственной свободой, правами, голосом и маткой. И еще то, что я поступила в Дартмут и получила диплом университета Лиги плюща.

Пуху в пупке, который скапливался, пока я созерцала его, страдая от ощущения потерянности, вызванного тем, насколько тяжело перестать чувствовать себя особенной после получения диплома, – даже этому пуху в пупке было за меня стыдно.

В мире есть страны, где девушкам причиняют вред только за то, что они желают получить образование. По-прежнему существует рабство. Дети по-прежнему умирают от голода. В нашей стране в результате огнестрельных ранений гибнет больше людей, чем в любой другой стране мира. Сексуальное насилие против женщин в Америке распространено повсеместно и продолжает существовать на уровне, который не может не тревожить.

Так что – да, вполне может быть, что завтра разочарует вас так же, как разочаровало меня. Но пока вы созерцаете пух в своем пупке, взгляните на ситуацию в перспективе. Нам невероятно повезло. Нам вручили подарок. Нам предложили невероятное образование. Мы съели все замороженные йогурты, до которых сумели дотянуться. Мы катались на лыжах. В час ночи мы лакомились эба. Мы жгли костры, зарабатывали обморожения и наслаждались бесплатными тренажерами. Мы упивались пивом до изумления.

Теперь пришло время платить.

Найдите общественное начинание, которое искренне любите. Если оно будет всего одно – ничего страшного. Вам придется потратить немало времени в реальном мире, пытаясь вычислить, как перестать быть потерянными неудачниками, так что одно дело – это хорошо. Но вы найдите его – это *одно*. И каждую неделю посвящайте ему какое-то время.

И пока мы это обсуждаем, позвольте мне сказать вам вот что. От хештегов проку мало.

#yesallwomen^[20]

#takebackthenight^[21]

#notallmen^[22]

#bringbackourgirls^[23]

#StopPretendingHashtagsAreTheSameAsDoingSomething^[24]

Хештеги очень красиво смотрятся в «Твиттере». Я их обожаю. Я всегда придумываю себе хештег на следующую неделю. Но хештег – это не движение. Хештег не делает вас Мартином Лютером Кингом. Хештег ничего не меняет.

Это хештег. Это вы, сидящие на попе ровно, набирающие текст в компьютере, чтобы возвратиться к бесконечным просмотрам любимого сериала. Для меня это «Игра престолов».

Посвящайте какое-то количество часов волонтерству. Сфокусируйтесь на чем-то вне самих себя. Каждую неделю отдавайте долю своей энергии стараниям сделать этот мир чуть менее отстойным. Некоторые люди полагают, что такая деятельность усиливает чувство благополучия. Кто-то скажет, что это просто хорошая карма. Я скажу, что это позволит вам помнить о том, что не важно, потомственно образованный ли вы человек или первый в роду выпускник колледжа. Воздух, которым вы дышите в эту минуту, – это привилегированный воздух. Цените это. И не будьте задницами.

УРОК ТРЕТИЙ

Итак, вы отдаете долги, занимаетесь деланием, и все налаживается. Жизнь хороша. Вам все удается. Вы успешны. Это волнующе и прекрасно. По крайней мере для меня. Я люблю свою жизнь. У меня в работе три телесериала, а дома три дочери. Это изумительно. Я воистину счастлива.

Люди то и дело спрашивают меня: как вам это удается?

И обычно они это спрашивают таким восхищенным и изумленным тоном.

Шонда, как это вы все успеваете?

Словно я преисполнена какой-то волшебной магии, мудрости и уникальности.

Как это вы все успеваете?

И я обычно просто улыбаюсь и говорю: «Я хорошо организована». Или, если настроение в этот момент чуть подобнее, говорю: «У меня много помощников».

И то и другое – правда. Но и неправда тоже.

Об этом я и хочу на самом деле сказать. Всем вам. Не только присутствующим здесь женщинам. Хотя это будет много значить для вас, женщины, когда вы выйдете на рынок рабочей силы и будете пытаться понять, как вам жонглировать работой и семьей. Но это также будет много значить и для мужчин. Которые, как я полагаю, тоже все чаще пытаются понять, как жонглировать работой и семьей.

А если вы *не* пытаетесь понять это, мужчины Дартмута, то знаете что? Следовало бы попытаться. Определение отцовства пересматривается поистине стремительными темпами. Вы же не хотите быть динозаврами!

Итак, женщины и мужчины Дартмута. В то время как вы пытаетесь разобраться в невыполнимой задаче по жонглированию работой и семьей, вы снова и снова слышите, что вам просто нужно побольше помощников, или что просто надо быть организованнее, или что надо просто прилагать побольше усилий... Как очень успешная женщина, как незамужняя мать троих детей, я отвечу на этот вопрос со стопроцентной честностью – здесь, сейчас, перед вами.

Просто потому, что это мы.

Потому что это наш разговор у костра.

Потому что кто-то же должен сказать вам правду.

Шонда, как это вы все успеваете?

Ответ: никак.

Всякий раз, как вы видите, что я преуспеваю в одной области своей жизни, это почти наверняка означает, что я терплю неудачу в другой.

Если мне особенно хорошо удается на работе очередной сценарий для «Скандала», вероятно, я не купала дома детей и не читала им сказки на ночь. Если я сижу дома и шью детям костюмы для Хэллоуина, наверное, я забиваю на сценарий, который мне полагалось переделать. Если я получаю престижную награду, то пропускаю первый урок плавания своей

младшенькой. Если я присутствую на дебюте моей дочери в школьном мюзикле, то пропускаю съемки последней сцены Сандры О в «Анатомии страсти».

Если я преуспеваю в одном, я неизбежно терплю неудачу в другом.

Это обмен.

Такова Фаустова сделка, которую заключаешь с дьяволом, – приложение к роли сильной работающей женщины, которая при этом является сильной матерью. Ты никогда не бываешь на сто процентов в порядке, никогда не привыкаешь к морской качке, тебя всегда чуточку подташнивает.

Что-то всегда оказывается потеряно.

Что-то всегда бывает упущено.

И все же.

Я хочу, чтобы мои дочери видели и знали меня как женщину, которая работает. Я хочу подавать им такой пример. Мне нравится, что они гордятся, когда приходят в мой офис и знают, что он называется «Шондалэнд».

Что есть такая страна и она названа в честь их матери.

В их мире матери управляют компаниями. В их мире матери создают собственные еженедельные программы. И благодаря этому я становлюсь лучше как мать. Женщина, которой я являюсь в силу того, что управляю «Шондалэндом», – эта женщина лучше как человек и лучше как мать. Потому что эта женщина счастлива. Эта женщина самореализована. Эта женщина цельна. Я не хотела бы, чтобы они знали ту меня, которая не занята день-деньской. Я не хотела бы, чтобы они знали ту меня, которая не занята делом.

ПОЭТОМУ.

***Урок НОМЕР ТРИ состоит в том, что ЛЮБОЙ, КТО СКАЖЕТ ВАМ, ЧТО
УСПЕВАЕТ ДЕЛАТЬ ВСЕ ИДЕАЛЬНО, – ЛЖЕЦ.***

Ладно.

Боюсь, я нагнала на вас страху. Или мрачности. Это не входило в мои намерения. Я надеюсь, что вы выбежите отсюда радостно-взволнованными, устремленными вперед, навстречу всем ветрам, готовые взять мир штурмом. Это было бы так чудесно! Чтобы вы сделали то, чего все от вас ожидают. Чтобы вы были просто идеальной картинкой сурового дартмутского великолепия.

Думаю, это я к тому, что если вы этого не сделаете – ничего страшного. Я к тому, что получать диплом бывает страшно. Что вы можете валяться на паркетном полу своей комнаты в общежитии и рыдать, в то время как мама собирает ваши вещи. Что у вас может быть неисполнимая мечта стать Тони Моррисон, мечта, с которой вам придется расстаться. Что каждый день вы можете казаться себя неудачниками то в работе, то в семейной жизни. Что реальный мир суров.

И все же.

Вы все равно можете просыпаться каждое утро и говорить себе: «У меня трое замечательных детей, я делаю работу, которой горжусь, я обожаю свою жизнь и ни за что не обменяла бы ее на чью-то чужую».

Вы все равно можете однажды проснуться и обнаружить, что вы живете жизнью, о которой даже не осмеливались мечтать.

Мои мечты не сбылись. Но я очень усердно трудилась. И в конечном счете построила из своего воображения империю. А мои мечты? Да пусть идут лесом.

Вы можете однажды проснуться и обнаружить, что вы – человек интересный, сильный и вовлеченный. Вы можете однажды проснуться и обнаружить, что вы – делатель.

Вы можете сидеть именно там, где сидите сейчас. Глядя на меня. Вероятно – надеюсь и молюсь за вас, чтобы это было не так, – с похмелья. А потом, через двадцать лет начиная с сегодняшнего дня, вы можете проснуться и обнаружить себя в «ХанOVER-Инн» в страхе и ужасе, потому что вам предстоит выступить с приветственной речью.

Во рту сухость.

Сердце бьется быстро-быстро.

Все в замедленном воспроизведении.

Потерять сознание, умереть, обгадиться.

Кто из вас это будет? Кто из выпуска 2014 года окажется стоящим здесь, за Старой Сосновой Кафедрой? Я проверяла: бывшие выпускники выступают здесь очень редко. Считаю, только я, Роберт Фрост и мистер Роджерс.

И это НЕВЕРОЯТНО ЗДОРОВО.

Кто из вас в итоге окажется здесь? Надеюсь, это вы. Да. Вы. Серьезно. Вы.

Нет. Серьезно. Вы.

Когда это случится, вы узнаете, каково это.

Во рту сухость.

Сердце бьется быстро-быстро.

Все в замедленном воспроизведении.

Выпускники, все до единого, гордитесь своими достижениями! Найдите своим дипломам хорошее применение.

Помните, вы больше не студенты. Вы уже не недоделанные проекты. Вы теперь граждане реального мира. У вас есть обязанность стать личностями, достойными войти в общество и вносить в него свой вклад.

Будьте отважны.

Будьте восхитительны.

Будьте достойны.

И всякий раз, как вам представится шанс, вставляйте перед людьми.

Пусть они вас видят. Говорите. Пусть вас слышат.

Вперед – и не важно, что сухость во рту.

Пусть ваше сердце бьется быстро-быстро.

Смотрите, как все движется словно в замедленном воспроизведении.

И что же? Вы – что?

Вы теряете сознание, умираете, обгаживааетесь?

Нет.

На самом деле это – единственный урок, который вам необходимо усвоить.

Вы вбираете все это.

Вы дышите этим привилегированным воздухом.

Вы чувствуете себя живыми.

Вы являетесь собой.

Вы наконец-то взаправду и навсегда являетесь собой.

Спасибо. Удачи.

6

«Да» – отказу от «мамских войн» (или Дженни Маккарти – мое всё)

У меня изумительная няня.

Она чудесная и душевная. У нее отличное чувство юмора – я видела, как она рассказывает анекдот, единственный раз безмолвно подняв бровь, и получается смешнее, чем у многих стендап-комиков. У нее очень чувствительное сердечко: любое человеческое страдание доводит ее до слез. Она умна. Поговоришь с ней – и ловишь себя на том, что тебя интеллектуально отшлепали. Она превосходно судит о характерах и, похоже, всякий раз умеет отличать истинное от поддельного. Нарушь границы, установленные ею для нее самой и ее питомцев, – и прими на себя гнев львицы. Ползай на четвереньках вместе с нею и детьми – и она будет терпеливо учить. Учить тебя, пока что-то в тебе не раскроется с треском – и ты вспомнишь, как была ребенком, и начнешь играть.

Она принципиальна и тверда, непочтительные поступки в ее присутствии не проходят. Она взрослый человек, который полностью знает детей и видит в них граждан, личности и души. И, поскольку она уважает детей, ее уважают дети. Все. Она – богиня, ниспосланная вселенной по милости звезд.

Ее зовут Дженни.

Дженни Маккарти.

Я не шучу.

Она полная тезка известной телезвезды. Телезвезды, чьи идеи насчет прививок моя Дженни Маккарти не только разделяет, но и хочет, чтобы я рассказала о них вам.

Дженни Маккарти говорит: прививайте своих детей.

Я наняла Дженни Маккарти через пятнадцать минут после нашего знакомства. По крайней мере, попыталась. Она сопротивлялась. У нее были вопросы. Она допрашивала *меня*. Я нервничала. Я сразу же поняла, что Дженни Маккарти – человек, который нужен мне в моем доме, в моей семье, моим детям. Я хотела узнать ее и хотела, чтобы она узнала нас. Как сказала бы Оливия Поуп, доверяй своим инстинктам. Я доверилась своим инстинктам. Я знала, что Дженни Маккарти – наш человек. У нее доброе сердце.

Как-то раз, пытаясь рассказать о ней кому-то, я назвала ее Мэри Поппинс новой волны, но на самом деле это не так. Она не в пример круче, чем эта фря Поппинс. Вы когда-нибудь смотрели фильм про нее во взрослом возрасте? Я имею в виду – по-настоящему, не отрываясь от экрана – смотрели его во взрослом возрасте? Ибо если вы спросите меня, то Мэри Поппинс не слишком хорошая нянька. У нее только и было, что сумка с несметным числом предметов и потрясный зонтик. И я совершенно уверена, что она принимала наркотики и занималась сексом с тем трубочистом.

Примерно через две недели после того, как Дженни начала работать в моем доме, она задумчиво посмотрела на меня и проговорила:

– Знаете, я ведь и ваша няня тоже. Потому что, Шонда, вам нужна няня.

Я вот думаю: может, мне следовало оскорбиться? В смысле она же *действительно* взяла и назвала меня ребенком. Верно? Мне следовало ощутить какое-то возмущение или обиду. Но я, как ни ошеломительно, ощутила облегчение.

Я сражалась на переднем крае, стараясь всеми силами противостоять врагу. Но я была вся в ранах и синяках. Повсюду валились бомбы, я то и дело обходила на цыпочках противопехотные мины. Я хотела домой. Я безнадежно проигрывала в «мамской войне».

Не знаю насчет вас, но ошибки и неверные шаги, которые я совершала с тех пор, как стала матерью... До появления детей моя уверенность была неуязвима. Теперь же она разлетается в осколки ежедневно. *Я не понимаю, что делаю*. Учебников нет. Контрольного перечня нет. Никто не дает уроков. Эти крохотные человечки загоняют меня, окружают в тылу противника. Я пошла воевать добровольцем, но по верным ли причинам я это сделала? Боюсь, что единственное, чего мне хотелось, – хорошо выглядеть в военной форме. Или, может быть, участвовать в концертных бригадах – петь перед солдатами.

Впрочем, петь я не умею. Зато умею играть на гобое. Дайте мне шанс – и я *чертовски* хорошо сыграю солдатам на гобое. А вместо этого я сражаюсь. На фронте. Держа в руках оружие. Я не так отважна, как другие. Не так умна, не так сильна, не так уверена, как могу притвориться.

Помните этого персонажа из старых военных фильмов, который погибает из-за того, что впадает в панику и бросается бежать?

Этот персонаж – я в роли матери.

Мне нужна была помощь. Мне нужны были свежие войска. Или больше боеприпасов. Или медицинской помощи. Или хотя бы просто капеллан для отпевания, во имя любви...

Я получила Дженни Маккарти.

Дженни Маккарти – морской пехотинец среди нянь.

Мне и не сосчитать, сколько раз какая-нибудь милая репортерша подставляла мне под нос слегка потертый серебристый диктофон, включала его и с доброй улыбкой задавала вопросы, которые я называю «большими»:

- *Как вы справляетесь с работой и домом?*
- *Какие советы вы можете дать работающим мамам?*
- *В чем состоит секрет нахождения баланса в нашем загруженном мире?*

Мне задают «большие» вопросы почти В КАЖДОМ ИНТЕРВЬЮ. Я ненавижу эти «большие» вопросы. Я ненавижу, когда мне задают «большие» вопросы, ПОЧТИ так же сильно, как когда мне задают вопрос о разнообразии.

– Почему разнообразие так важно? – Для меня это один из тупейших вопросов на свете, наряду с «зачем людям пища и воздух?» и «почему женщинам следует быть феминистками?».

Но, как бы я ни ненавидела «большие» вопросы, я не хочу грубить этим милейшим репортершам, которые их задают. Не думаю, что репортеры задают эти вопросы со злым умыслом, думаю, людям это искренне интересно. Просто дело в том, что прежде – до года «Да» – я, честное слово, не знала, что сказать. Поэтому ловила себя на том, что улыбаюсь репортерам и даю множество самых разных и странных ответов.

- Ну как же, Джейн, благодаря хорошей организации и машинке для печати ярлычков!
- Я действительно стираю *поздним вечером*, Сюзан.
- Черт подери, Билл, я начала регулярно медитировать!

Ага, точно. *Стирка поздним вечером* – это панацея, помогающая разбудить и одеть троих детей, работать по двенадцать часов в сутки, звонить репетитору дочке, планировать походы к врачам и в гости во время моего единственного десятиминутного перерыва, а потом приходить домой и узнавать, что моя годовалая младшенькая сделала первые шаги, *а я это пропустила!*

Стирка поздним вечером, чтоб мне провалиться!

Стирка поздним вечером не является ответом ни на один из существующих на свете вопросов.

Но есть один ответ на все «большие» вопросы репортеров.

Я просто не хотела его озвучивать.

Потому что никто другой никогда его не озвучивал.

Я прочла много книг, написанных работающими женщинами и о работающих женщинах, и меня поражает тот факт, что, кажется, никто и никогда не желает говорить о помощи по дому. Я считаю, что это совсем не полезно для женщин, которым дома действительно никто не помогает.

Позвольте мне проиллюстрировать это в совершенно не относящейся к делу и странной истории, связанной с прическами.

Благослови Бог душу Уитни Хьюстон, но все четыре года учебы в старшей школе я каждое утро тратила по часу перед зеркалом, пытаюсь заставить свои волосы выглядеть точь-в-точь так же, как на голове у Уитни. Многие часы моей жизни отданы горячему утюжку, флакону лака и обожженным кончикам пальцев. Для меня волосы Уитни были определением безупречности. В моей жизни – жизни девочки-подростка в очках с толстыми «бутылочными» стеклами, которая почти не разговаривала в школе и проводила все свое время, уткнувшись в книгу, – не было ничего безупречного. Я почему-то уверовала, что все станет лучше, если я просто сумею сделать себе прическу как у Уитни. Если бы мои волосы стали безупречными, жизнь последовала бы их примеру. Ведь у Уитни явно все получилось!

Однажды, лет через пять-шесть после окончания колледжа, я была в салоне красоты в Лос-Анджелесе. По какой-то причине во время обычной для таких салонов легкой болтовни речь зашла об Уитни. Я между делом призналась своей парикмахерше о том, как мне нравилась прическа Уитни, когда я училась в старших классах, а потом расписала в красках историю своего утреннего Уитни-ритуала. Я постаралась изящно обойти молчанием свою печальную упертость и сделать рассказ смешным. Ну да, ну да, укладываем рельсы, разводим

костер. Так что парикмахерша все еще утирала выступившие от смеха слезы, когда сказала *это*:

– Девочка моя, – она покачала головой, – ты же знаешь, что это у нее был парик, правда? При желании ты могла бы такой купить. Погоди-ка, давай я принесу тебе каталог париков и покажу...

Больше я ни слова из ее речи не услышала. Я растерялась, думая обо всех тех зря потраченных часах и галлоне впустую израсходованного лака для волос. Я заново пережила то разочарование, ощущение неудачи и комплексы, которые наваливались на меня каждое утро, когда мои волосы не желали сделать то, чего я от них добивалась.

И если бы я только знала... если бы только мне сказали, что, как бы я ни старалась, мои волосы НИКОГДА не будут выглядеть так же...

Если бы я только знала, что даже волосы самой Уитни никогда не будут выглядеть так же...

Мне пришлось изо всех сил закусить губу, чтобы не разреветься прямо там, на глазах у двух незнакомых женщин.

Негритянские парикмахерские – это вам не шутки: мне предстояло просидеть напротив этих двух леди еще по крайней мере пять часов. Я не хотела, чтобы меня запомнили как дуру, которая рыдала, пока ей выпрямляли волосы.

Я не плакала. Но мне было больно. Это предательство резануло глубоко.

Хотя, должна признать, было и небольшое чувство облегчения.

Потому что теперь я знала: я не неудачница.

У меня просто *не было парика*.

Успешные, сильные работающие матери, которые помалкивают о том, как они заботятся о своих домах и семьях, которые ведут себя так, будто у них есть собственный клон или маховик времени, как у Гермiony Грейнджер, и они могут находиться в двух местах одновременно... В общем, они заставляют всех остальных вооружаться утюжками для волос.

Не делайте этого. Не заставляйте меня вооружаться утюжком без всякой на то причины.

Дженни Маккарти – моя семейная няня. И я с гордостью говорю об этом всем, кто спрашивает. Я с гордостью говорю, что больше не делаю все в одиночку.

Я не думаю, что сильные знаменитые женщины специально скрывают тот факт, что у них дома есть няни или какие-то иные помощники, потому что они, например, плохо относятся к другим людям. В смысле они не покатываются дома со смеху над тем, как все остальные в Америке пытаются подражать им и не могут, поскольку не знают, что секрет заключается в том, что НИКТО НЕ МОЖЕТ УСПЕВАТЬ ВСЁ! ХА-ХА!! Мы вас надули! ЛОШАРЫ!

Я даже думаю, что мой кумир, Уитни, не умышленно не говорила нам о том, что носит парик.

Сильные знаменитые женщины не говорят вслух, что у них есть помощники по дому, что у них есть няни, домработницы, повара, помощники, стилисты – в общем, все те люди, которые поддерживают вращение их мира, – они не говорят вслух, что у них дома есть люди, выполняющие свою работу, потому что им стыдно.

Или, возможно, точнее будет сказать, что этих женщин *стыдят*.

До рождения моей дочери Харпер, когда я еще только заполняла стопки документов на удочерение, улыбалась социальным работникам и квохтала над детскими одежками в магазинах, – тогда, когда завести ребенка было скорее одной из моих блестящих идей, чем еще чем-то, – одна работающая подруга спросила меня, начала ли я проводить собеседования.

– Собеседования – для чего? – помнится, не поняла я.

– Как для чего? Чтобы найти няню, няню для ребенка.

У нее тоже был новорожденный, меньше шести месяцев от роду. Я как сейчас вижу ее, когда она это сказала. Она наклонилась вперед, сидя на стуле, с более напряженным лицом, чем того заслуживала, как мне казалось, тема разговора. Словно пыталась сказать мне что-то очень важное. И, разумеется, так оно и было. *Более чем*.

Она зря тратила время.

Самых больших высот моя уверенность в себе достигает, когда речь идет о теме, в которой я ни шиша не смыслю. Так что, не имея под рукой ни одного собственного ребенка, я была невероятно уверена в себе как в матери.

Если бы только я могла дать себе по физиономии, просто протянуть руку назад во времени и отвесить себе смачную такую затрешину!..

Ибо то, что я сделала потом...

Видите ли, в то время это казалось мне мелочью. В свою защиту могу сказать, я тогда еще не была матерью. Я еще не знала. Я невиновна!

Незнание – не оправдание.

То, что я сделала дальше, было жестоко. И со своей сегодняшней позиции, после тринадцати лет сражений в глубоком вражеском тылу Материнства, я могу с уверенностью сказать: любой трибунал квалифицировал бы это как военное преступление. То, что я сделала дальше, было грубой эмоциональной засадой, после которой моя невооруженная сестра осталась лежать, израненная, на поле боя.

Я посмотрела на свою подругу. У нее были темные круги от усталости под глазами. Я совершенно уверена, что она к тому времени уже минимум неделю не мыла голову. Незадолго до этого она высморкалась в детскую влажную салфетку. Я оценила все это взглядом. И сказала:

– Да на кой мне черт *нанимать* кого-то для того, чтобы он заботился о моем ребенке? В смысле ты что, серьезно? Это же просто лень. Если я не готова заботиться о своем ребенке сама, зачем мне вообще *заводить* ребенка?

И мне казалось, что на моей стороне вся могучая праведность мира.

Ее лицо застыло. Атмосфера между нами изменилась. Ее гнев меня ошаршил.

Убита мама, убита мама...^[25]

Не могу точно вспомнить, чем закончились те посиделки, что было сказано. Одно скажу точно: больше она со мной не разговаривала.

Никогда.

До меня дошло только потом. У меня на груди висела в «кенгурушке» восьминедельная Харпер. Я потела. Мои волосы, которые примерно неделю назад были таким симпатичным афропуфиком, теперь стали не просто грязными – это было тусклое, ужасающее афроворонье гнездо, приведение которого в порядок потребовало бы и болезненных, и длительных усилий. На передке пижамы, в которой я ходила, красовалось заскорузлое жесткое пятно засохшей молочной смеси. Это заскорузлое жесткое пятно служило отличным репеллентом для насекомых, поскольку воняло так, что ничто иное не могло с ним сравниться. Я сидела перед компьютером, изредка всхлипывая от такого тотального переутомления, что была уверена, я прямо-таки ВИЖУ, как воздух голубыми волнами движется по комнате, – пытаюсь написать диалог для фильма, который мне полагалось сдать месяц назад.

Вот какая я была дура! Я удочерила ребенка – и все равно согласилась сдать сценарий для фильма через месяц после этого!

Если у вас детей нет, просто поверьте: такое поведение – ЭТО БОЛЕЕ ЧЕМ ГЛУПОСТЬ.

Вечером того дня приехал Крис. Это Крис номер два для тех из вас, кто ведет счет, – то есть не мой рекламный агент Крис. С этим Крисом мы *были* соседями по квартире сто лет назад, когда оба едва сводили концы с концами. Теперь он юрист, у него есть жена и прелестный сын. Я была его шафером на свадьбе. Он крестный Харпер и очень серьезно относится к своим обязанностям крестного папы. В последние двенадцать лет он каждое воскресенье приезжает ко мне, чтобы провести какое-то время с крестной дочерью. Каждое. Воскресенье. Он в субботу праздновал собственную свадьбу, а на следующий день был у меня дома. Я велела ему отправляться домой. А он ответил мне, что нынче воскресенье, – тоном, который не предусматривал возражений. Он не просто друг – он член семьи.

Так что когда в тот вечер приехал Крис номер два, он только бросил на меня один взгляд – и забрал малышку у меня из рук. Одарил меня улыбкой, которой обычно улыбаются человеку

с безумно вращающимися глазами. А также сделал большой шаг назад, подальше от окружавшего меня облака вони.

– Иди прими душ. Мы с Харпер посмотрим телек.

Когда час спустя я пришла в себя, выяснилось, что я все еще в душе, и от остывшей воды меня затрясло. Я подумала: «Мне нужна помощь. Мне нужно нанять помощницу. Или не одну. Иначе я лишусь работы и мы с дочкой помрем с голоду. Мне нужны помощники, иначе я не справлюсь».

И тут я вдруг вспомнила о своей подруге.

Подумала о том, что я ей сказала.

Убита мама, убита мама.

Подумала о том, что я с ней сделала.

Я ее пристыдила.

Всех нас учили стыдить и стыдиться. И почему бы это нам не стыдиться? Как бы мы могли не стыдиться?

Нам не полагается иметь помощников. Нам полагается делать все самим. Даже если мы работаем. Так что если у тебя есть дети и есть помощники, чтобы о них заботиться, – то что?

ПОЗОР ТЕБЕ!

И это просто... грубость.

И сексизм.

Катерина Скорсоне (которая, кстати, играет Амелию Шеперд в «Анатомии страсти» и «Частной практике») и я проводим немало времени, обсуждая этот вопрос.

– Ни один мужчина, – часто указывает она, – никогда не извиняется за то, что прибегает к посторонней помощи, чтобы заботиться о доме и детях. *Никогда*. Почему извиняемся мы?

Вот ведь действительно. *Почему извиняемся мы?*

Я имею в виду, давайте все вспомним, что для *большинства* женщин сидение дома – не вариант. Большинству женщин приходится работать. Большинству женщин, если только они не богачки или их не обеспечивает кто-то другой, приходится работать. Если взять историю, то женщинам приходилось работать всегда. Женщины работали в поле. Женщины были горничными. Женщины растили детей других женщин. Женщины были медсестрами. Женщины работали на фабриках. Женщины были секретарями. Швеями. Телефонистками.

Иным в прошлом было то, что люди жили ближе к своим семьям. За твоими детьми присматривала твоя мать. За ними присматривала твоя тетка. Твоя сестра. Твоя кузина Сью. У некоторых это так и по сей день. Но большинству... большинству нужна помощь. И кризис в сфере ухода за детьми в нашей стране жесток. И страшен. И дорого обходится. Приходится справляться с большим количеством забот. Я готова спорить, что вам нелегко все успевать, оставаться всем довольной и делать так, чтобы все работало.

Так что вам не будет никакой пользы, если вы возьмете эту книжку и прочтете о том, что я весело и с невероятной легкостью хватаю под каждую руку по хихикающей малышке и скачу вприпрыжку в офис, где руковожу двумя сериалами, а еще два продюсирую и разрабатываю одновременно другие программы. И смеюсь, и хохочу, и попиваю шампанское со знаменитостями, и все мы поглощаем горы вкуснятины, не набирая ни единого лишнего фунта...

Как не может быть *никакой* пользы в том, чтобы думать, будто прическа Уитни – *настоящая*.

Не бросайте ни одной мамы, солдаты! И даже *при наличии* помощи – я все равно в окопах. Никто еще не сумел рассчитать все.

Вот только разве нет такого *ощущения*, будто все остальные уже давно все рассчитали?

Не знаю, как вас, но меня лично допекает мысль о том, что я не соответствую. Я постоянно беспокоюсь, и недоумеваю, и чувствую себя неудачницей, потому что, куда бы я ни взглянула, кажется, будто все остальные цветут и пахнут. Женщины вокруг меня улыбаются, и их детишки улыбаются, и их дома кажутся чистыми и ухоженными, и все это так прекрасно выглядит в «Пинтересте», «Инстаграме» и «Фейсбуке»...

Я не из мам «все выглядит отлично». Я из мам «едва держусь».

Я – мама-неряха.

Я отвозила детей в школу, одетая в пижаму.

Грязную пижаму.

Давным-давно, о-очень давно, в одной из школ, в которой моя дочь уже, к счастью, не учится, я сидела на родительском собрании, которое все школы устраивают в конце лета. После теплого и бодрящего приветственного выступления директриса пригласила на сцену главу родительского комитета. Кстати, этой главой была родительница одного из учащихся. Мамаша. Точь-в-точь такая же мамаша, как и все прочие. В смысле если бы все прочие мамы были высокими, роскошными, блестяще интеллектуальными и – мне придется это сказать – практически совершенными во всех отношениях.

Эта мамаша-совершенство из родительского комитета начала рассказывать нам о правилах дежурств по пятничной распродаже выпечки, в которой все мы должны были принимать участие. (Кстати, почему мы закармливали своих детей сахаристой выпечкой и почему *продавали* им эту выпечку в попытке собрать денег, в то время как стоимость обучения в этой школе и так заставляла меня непроизвольно содрогаться всякий раз, стоило о ней подумать, – это было выше моего понимания. Но там *была* еженедельная распродажа выпечки, и все мы должны были в ней участвовать. Потому что так нам сказала мамаша-совершенство из родительского комитета.)

– И, наконец, – подытожила она, – чтобы у нас не было таких проблем, как в прошлом году, я просто хочу внести ясность: вся выпечка должна быть домашней, вы должны готовить ее вместе с ребенком. Это ведь намного приятнее!

Ну, возможно, дело в моем происхождении со Среднего Запада.

Или в моем здравом смысле.

Или в маме-неряхе во мне.

В общем, дело было в чем-то таком.

Не успела я еще толком понять, что происходит, как мой рот раскрылся, и я заговорила – голосом, который четко и громко разнесся на всю аудиторию:

– Вы что, *мля*, издеваетесь, что ли?!

Очень громко. ГРОМКО. ГРРРРРРОМКО.

Как по команде, все головы повернулись в мою сторону. Попробуйте побыть *такой* мамой в школе, где учится ваш ребенок. Я даже не знала, что во мне есть такое. Но оно было. Я взбесилась. Я была оскорблена.

У меня есть работа, которая отнимает кучу времени. Работа, которую я люблю. Работа, которую я не обменяла бы на все блага мира. Но сценаристский труд живет в моем разуме двадцать четыре часа в сутки. Я вижу сны о телефильмах. Эта работа вычерпывает меня до дна. И все же я ей предана. Этой спешке, этой укладке рельсов, этой *работе*.

Я *работаю*. У меня есть работа.

Люди, у которых есть работа, часто не располагают временем, чтобы заниматься выпечкой.

«Но быть матерью – это *тоже* работа, Шонда».

Я вот буквально слышу, как кто-то из тех, кто читает эту книгу, сейчас произносит эти слова.

Знаете, что я на это скажу?

НЕТ.

ЭТО НЕ ТАК.

Быть матерью – это не работа.

И перестаньте кидаться в меня чем попало.

Мне очень жаль, но это не работа.

Я считаю оскорблением материнству называть его работой.

Быть матерью – это не работа.

Это сущность.

Это моя сущность.

Работу можно бросить. Перестать быть матерью я не могу. Я мать на веки вечные. У матерей никогда не бывает конца рабочего дня, у матерей никогда не бывает отпуска. Материнство переопределяет нас, заново формирует нас, разрушает и восстанавливает нас. Материнство сводит нас лицом к лицу с самими собой как детьми. С нашими матерями как людьми. С нашими самыми темными страхами по поводу нашей сущности. Материнство требует, чтобы мы взяли себя в руки – или мы рискуем необратимо навредить другому человеку. Материнство выхватывает из тел наши сердца, привязывает их к нашим крохотным человечкам и посылает их в мир вечными заложниками.

Если бы все это происходило на работе, я бы уже пять раз бросила такую работу. Потому что на оплату такой работы во всем мире не хватит денег. И на моей работе мне не платят запахом младенческой головки и мягкой тяжестью уютной сонной малышки на моем плече. Быть матерью невероятно важно. А скептикам я прорычу: *не принижайте* материнство, называя его работой.

И, пожалуйста, даже не пытайтесь заикнуться мне, что это самая важная работа, которая будет у меня в жизни, пытаюсь таким образом убедить меня весь день сидеть дома с моими детьми.

Не надо.

Я ведь могу и в нос кулаком дать.

Самая важная работа для женщины, *которой* нужно оплачивать квартиру, штрафы за неправильную парковку, коммунальные счета и покупки, – это та работа, *которая* приносит ей деньги, чтобы не дать своему семейству умереть.

Давайте перестанем участвовать в гребаном мифологическом культе женщины, который выставляет материнство работой.

Сидеть дома с детьми – это невероятное решение. И оно потрясающе и достойно восхищения, если вы его выполняете. На здоровье.

Но материнство – это все равно материнство и в том случае, если вы не сидите дома с детьми. Оно материнство и тогда, когда вы получаете работу и ходите на работу. Оно материнство и в том случае, если вы служите в спецназе и вас перебрасывают за границу, а ребенок остается с вашими родителями.

Все равно это материнство.

И все равно это не работа.

И работая, и сидя дома, женщина все равно остается матерью.

Одно не лучше другого. Оба выбора достойны одного и того же – уважения.

Материнство в обоих случаях остается в равной степени болезненным вызовом смерти, в равной степени трудным.

О да, о да.

Давайте все на минутку опустим оружие, ладно?

Возможно, ты считаешь, что для личного роста твоего ребенка необходимо заниматься домашней выпечкой. Да пребудет с тобой сила, сестра. Я буду защищать твое право печь брауни, я выйду на марш за твое право печь дома все, что тебе, черт побери, заблагорассудится печь дома. Но я выну из ушей сережки и попрошу кого-нибудь поддержать мою сумку на время вербального поединка, которым нам придется заняться, если ты попытаешься сказать мне, что я должна определять свое *материнство* точно так же, как определяешь свое ты.

Здесь хватит места для всех.

Палаточный городок материнства очень, очень велик.

Если я захочу купить брауни в магазине и привезти их в школу в мятом коричневом бумажном пакете, упакованные в контейнер из пластика и фольги, не сняв оранжевого ценника, то знаете что?

Вот так это и будет.

Выкусите, судьишки!

Я не указываю вам, что вы должны поступать так же. Идите и пеките все, что вам в голову взбредет. Но мы должны признать, что наш путь – это не *единственный* путь.

Я когда-нибудь осуждала ваши идеально приготовленные, с пылу с жару, шоколадные капкейки с двойной помадкой и замешенной вручную глазурью? Я когда-нибудь осуждала тот красиво украшенный монограммой поднос для капкейков с соответствующим ему накрахмаленным фартучком, который на вас надет?

Нет, не судила.

Потому что вы – мои сестры.

А еще потому, что я собираюсь слопать все ваши капкейки.

Видите ли, я предана своим детям. Глубоко. Но моя преданность никак не связана с домашней выпечкой. Она никак не связана с превращением ее в какого-либо рода публичное представление материнского великолепия. Потому что (к этому моменту вы уже меня знаете) публичные демонстрации любого рода великолепия – это вообще не мое.

Я предана стараниям познать своих детей, читать с ними книжки, слушать истории, которые они мне рассказывают, вести с ними разговоры.

Стараниям сделать их гражданами мира. Воспитать сильных личностей, которые любят себя и верят в себя. И моя задача достаточно трудна и без доставки в школу по пятницам домашней выпечки.

Я никогда не буду идеально заплетать косички. Ни у кого не будет глаженной одежды. Чистая – да. Но глаженная? Только не мной. У нас никогда не будет специальных рукодельных подарков к каждому празднику, и мы не будем потом выкладывать их фото в «Пинтересте» и «Фейсбуке».

Никогда.

То есть вообще никогда.

Зато меня будут возмущать мамские заседания, которые имеют место по вторникам в одиннадцать утра. Как будто матерей, у которых есть работа, здесь не ценят и не привечают.

И я всегда буду орать «какого хрена?!» на родительском собрании, если вы станете твердить мне, что брауни непременно должны быть самодельными.

Я уже нахожусь в гуще Великой Мамской войны и веду ее против своего злейшего врага – самой себя. Мне не нужна еще одна война – с вами. Готова спорить, что и вам она не нужна.

Стейси Макки^[26] как раз из тех мам, которые занимаются с детьми рукоделием и выкладывают фото результатов в «Пинтерест» и «Фейсбук». У нее длинный рабочий день, но все равно: заходишь к ней в кабинет, и она, разговаривая о сценариях и сюжете, продолжает приклеивать термоклеем бусинки к головному убору принцессы для своей дочери. Я всегда поднимаю брови и спрашиваю, на кой черт она это делает. Зачем? На кой черт она вручную расписывает миниатюрными картинками пасхальные яйца? Зачем она вообще делает все те безумные восхитительные рукодельные вещицы для своих детей?!

Стейси поднимает брови в ответ, столь же непонимающая и растерянная.

– А почему бы мне этого не делать? – говорит она.

Видите ли, Стейси **ОБОЖАЕТ** заниматься этими вещами. Возможно, она занималась бы ими, даже не будь у нее детей. Ах, погодите! Я ведь была с ней знакома тогда, когда у нее не было детей, – и она таки этим всем *занималась*! Когда-то Стейси потратила не один день, изготавливая невероятно похожие подобию всех персонажей «Анатомии страсти» из ершиков для чистки курительных трубок.

ИЗ ЕРШИКОВ ДЛЯ ЧИСТКИ КУРИТЕЛЬНЫХ ТРУБОК.

Так что речь не о противопоставлении работающих мам неработающим мамам. Речь о противопоставлении людей, которые любят клеить бусинки на головные уборы, людям, которые понятия не имеют, как *выглядит* пистолет с термоклеем.

И даже не только об этом.

Речь о том, чтобы люди, никогда не державшие в руках пистолет с термоклеем, не опирались на допущение, что те, кто с термоклеем дружен, осуждают их, и наоборот. Может быть, не стоит начинать с поднятого оружия?

Может быть, та мамаша-совершенство из родительского комитета даже не осознавала, что домашние брауни могут быть кому-то в тягость?

Может быть, вместо того чтобы выкрикивать бранные слова при упоминании домашних брауни, было бы лучше встать и мягко указать, что не у каждой мамы хватает времени или производственных мощностей для выпекания брауни?

А если на тебя посмотрят снисходительно, только *после этого* и начать выкрикивать ругательства?

В этом году в новом садике Эмерсон я была ответственной за торт для утренника в честь окончания учебного года. Мне повезло, я нашла кондитерскую, в которой умеют воспроизводить на торте фотографии. Не знаю, как они исхитряются, да мне и дела до этого нет. Я сделала заказ в этой кондитерской и заявила на утренник со своим потрясающим заказным тортом. С глазури улыбались личики всех наших детей. Все охали и ахали. Я чувствовала себя победительницей. С оттенком омерзительного, самодовольного превосходства потрясающей-матери-с-которой-не-сидят-играть-в-скребл-и-которую-выгнали-из-всех-спортивных-команд. А потом кто-то спросил меня, где лопаточка для торта.

Я принесла торт.

Я не принесла ничего, чем можно было бы его разрезать. И тарелок, с которых можно было бы есть торт, я тоже не принесла. Не принесла вообще какой бы то ни было утвари.

В другом образовательном заведении это могло бы вылиться для меня в международный инцидент. Обстановка могла бы раскалиться до ядерного уровня. Были бы расчехлены арсеналы.

А что случилось сейчас, в этом садике?

Я промямлила:

– М-м-м, ну, этот тортик та-акой красивый!

И мне в ответ рассмеялись. Дружелюбным смехом.

Потом одна мама улыбнулась и сказала:

– Ничего страшного. У меня есть чем его разрезать!

И все пошло своим чередом. Торт был разрезан и подан. Торт был съеден. Все переписали себе с коробки название кондитерской. И все.

Эти мамы своих не бросают.

Мне так здесь нравится!

Не думаю, что они какие-то другие, не такие, как мамы в других школах. Дело в том, что теперь другая я. Возможно, все мамы всю дорогу были прекрасными людьми. Я просто этого не понимала. Теперь я больше не ищу врагов. Поэтому я больше и не вижу врагов.

И поэтому, наконец, в этом году я позволяю себе полностью сложить оружие.

Когда какой-нибудь репортер щелкает своим диктофоном, улыбается и задает «большие вопросы», я не бросаю в бой войска. Я не поднимаю щиты.

Я позволяю себе быть видимой.

«Как вы справляетесь с работой и домом? Какие советы вы можете дать работающим мамам? В чем состоит ваш секрет нахождения баланса в нашем перегруженном мире?»

Да, теперь я могу ответить.

Никаких пистолетов с термоклеем.

Никакой домашней выпечки.

Никакой стирки поздним вечером.

Мамы своих не бросают.

– Дженни Маккарти. Чтобы все успевать, у меня есть Дженни Маккарти.

И мне так хорошо!

Разумеется, репортер уходит в глубоком недоумении, не понимая, почему Дженни Маккарти играет такую явно выдающуюся роль в моей жизни.

Но мне все равно.

Я машу белым флагом.

В капитуляции есть своя победа.

Опустите утюжки для волос, сестры мои!
«Мамская война» окончена.

7

«Да»: потехе – время, делу – час

Когда год «Да» полным ходом двинулся вперед, кое-что произошло.

Моя занятость стала расти.

И расти.

И расти.

Чем больше я говорила «да» тому, что представляло для меня трудности, тем больше мне приходилось отсутствовать дома. Принцип говорить «да» превратил меня, маленькую гусеничку в коконе, в большую светскую бабочку.

Я летала в Нью-Йорк, чтобы посмотреть на Керри Вашингтон в программе «Субботний вечер в прямом эфире». Я посещала частные вечеринки невероятно интересных людей. Я устраивала сбор пожертвований для Национального комитета демократической партии. Я помогала организовывать благотворительные мероприятия. В тот год было много наград, потому что теперь у меня был уже не один сериал по четвергам, главную роль в котором играла чернокожая женщина, – теперь их было два. И все три сериала по четвергам были детищами «Шондалэнды». Мой рекламный агент Крис вовсю пользовался тем фактом, что я говорила «да», и договаривался о стольких интервью, сколько ухитрился впихнуть в мое расписание. У меня состоялось первое интервью для программы «Доброе утро, Америка» с Робин Робертс. Вместе с актерским составом «Скандала» я снималась в дневном ток-шоу *ABC – The View* («Взгляд»). Меня фотографировала Энни Лейбовиц. Я давала интервью вживую перед зрителями в Смитсоновском институте. Я сама казалась себе вездесущей.

И я *была* вездесущей. Сущей, казалось, везде, кроме собственного дома.

И это же понятно, да? Все то, что составляло для меня трудности, находилось за пределами моего дома. А внутри дома? Все было в порядке.

По крайней мере, мне так казалось.

В смысле я по-прежнему была мамой-неряхой. Я по-прежнему слишком много работала. Мне по-прежнему нужна была Дженни Маккарти, которая нянчила и моих детей, и меня. Мне по-прежнему была нужна помощь. Я по-прежнему не высыпалась.

Но мне действительно казалось, что я справляюсь.

Вот только я начинала чувствовать себя... ненужной.

В своем собственном доме.

Я приезжала домой, Эмерсон и Бекетт бросали в мою сторону взгляд, обнимали меня, а потом продолжали играть. Словно я была милой соседкой, забежавшей в гости. Или Харпер пренебрежительно смеривала меня взглядом, когда я переспрашивала, о какой именно подруге она говорит. И тогда до меня доходило, что я на неделю выпала из разговоров с ней, а в подростковом возрасте это целая жизнь.

А потом я врзалась в эмоциональную стену.

Однажды вечером я была при полном параде – в вечернем платье, с идеальной прической и макияжем. Взятые взаймы бриллианты сверкали на шее и запястьях. Я была готова отправиться на какое-то очередное мероприятие, которому я сказала «да». И, когда я уже шла через прихожую к входной двери, ко мне со всех ног ринулась Эмерсон.

– МАМА! – вопила она, протягивая ко мне липкие ручонки. – Хочешь поиграть?

На краткий миг мне показалось, что время застыло. Как в одном из тех боевиков, где все движения вдруг становятся замедленными, а потом ускоряются. Прямо перед тем, как герой-пижон (ибо почему-то в боевиках с замедленным воспроизведением, с томительным разворотом в прыжке ВСЕГДА бывает какой-нибудь пижон) надерет кому-то задницу. Но вот Эмерсон, единственная прядка ее курчавых волосиков завязана в отважное подобие хвостика на макушке, похожая на мультяшного птенчика Твити. Она замирает, потом летит на меня в

замедленном воспроизведении, а потом все ускоряется, и я вижу себя: голубое вечернее платье, липкие ручонки, ребенок, который несется ко мне сквозь пространство.

Она задала мне вопрос.

«Хочешь поиграть?»

Я опаздываю. Я идеально, элегантно одета. Это платье сшила Каролина Эррера. На мне туфли из каких-то темно-синих кружев, которые причиняют мне ужасную боль, но, черт возьми, как же хорошо на мне смотрятся. Когда я выйду на сцену, та речь, которую я написала для этого конкретного вечера в знак уважения к другу, будет забавной, живой и трогательной. Я знаю, что это будет особый момент, о котором завтра, вероятно, будет говорить весь город. Мой телефон звонит не переставая. Это Крис, мой рекламный агент. К этому времени мне уже следовало бы быть на месте. Но...

– Хочешь поиграть?

Это круглое личико. Большие, полные надежды глаза. Алые губки, точно лук Купидона.

Я могла бы наклониться, схватить ее ручки в свои прежде, чем она меня коснется. Нежно поцеловать ее и сказать: «Нет-нет, мама должна ехать, маме нельзя опаздывать».

Я могла бы.

Я была бы в своем праве. Это не стало бы чем-то неслыханным. Это было бы нормально. Она бы меня поняла.

Но в этот застывший миг я кое-что осознала.

Она не назвала меня «милая».

Она больше никого не называет «милой».

Она меняется. Прямо на моих глазах. Ребенку, который сидел у меня на бедре в прошлое Благодарение, в следующий день рождения исполнится три года.

Это проходит мимо меня.

И если я не поостерегусь, она будет чаще видеть мой затылок, направляющийся к двери, чем мое лицо.

Поэтому все меняется.

Я сбрасываю свои пыточные туфли на каблуке. Падаю на колени на паркетный пол, из-за чего вечернее платье вздувается вокруг моей талии, как какой-то голубой воздушный торт. Оно помнется. Мне плевать.

– Хочешь поиграть? – снова повторяет она.

– ДА! – выдыхаю я. – Да, хочу.

И хватаю эти липкие ладошки в свои, и Эмерсон плюхается мне на колени, смеясь, когда ткань платья облаком взлетает вокруг нее.

Когда я, опоздав на пятнадцать минут, приезжаю на место, голубое вечернее платье безнадежно измято, а туфли я несу в руке. Но мне нет до этого дела – у меня в груди катается горячая жемчужина радости, которая согревает меня так, как я уже и не чаяла. Маленький огонек внутри меня был зажжен заново. Как по волшебству.

Давайте не увлекаться.

Это просто любовь. Вот и все.

Мы играли. Мы с Эмерсон. К нам присоединилась Беккетт, а потом и Харпер. Было много смеха. Я устроила самое блестящее в своей жизни чтение лучшей из написанных в мире книг – «Все какают»^[27]. Кажется, были еще танцы и пение под спонтанную фанк-диск-версию детской песенки «Голова и плечи, коленки и носочки».

Были липкие поцелуи. Беккетт из любопытства засунула палец мне в нос. Эмерсон прижалась головой к моей груди и прислушивалась, пока не услышала, как бьется мое сердце. А потом серьезно посмотрела на меня.

– Ты еще живая.

Да, я живая.

В такие дни я все еще живая.

Мы закончили ежедневным исполнением той чертовски роскошной песни, которую поет Идина Мензел в фильме «Холодное сердце» и которая оказывает своего рода гипнотическое

воздействие в духе Крысолова на всех детей. А потом я села в машину и отправилась на мероприятие. Счастливая. С этой теплой радостью внутри. Чувствуя изменения на фундаментальном уровне. Словно я знала тайну, которую удастся узнать лишь немногим людям.

Но на самом деле это была просто любовь. Никакая не тайна.

Просто что-то, о чем мы забываем.

Всем нам не помешало бы немножко больше любви.

Намного больше любви.

Я по природе не оптимистка. Я слишком погружена в себя, чтобы быть постоянным источником жизнерадостности. Мне приходится работать над тем, чтобы быть счастливой. Все мрачное и травмированное – вот где любит обитать мой разум. Так что приходится напоминать себе о том, что в этом мире есть много хорошего, оптимистичного и «стакан наполовину полон».

Ничто не помогает мне в этом деле так, как лица и души моих крохотных человечков.

Да-да-да.

В тот вечер я возвращаюсь домой, и начинается та его часть, которую я называю «вечером голливудской мамы-одиночки». В том числе поимка ближайшего бодрствующего человека выше четырех футов ростом, чтобы он освободил меня от платьевых и бельевых силков, в которые глам-команда затянула меня несколько часов назад. Бывали моменты в Нью-Йорке, когда эта обязанность ложилась на плечи какой-нибудь милейшей гостиничной горничной. Пару раз меня выручали актрисы из моих сериалов. Однажды в Мартас-Винъярд мне пришлось обратиться с этой просьбой к очень чопорному пожилому джентльмену, который был моим водителем в тот вечер.

Осуждаете? Я вижу это выражение на вашем лице. Ай-ай-ай! Что я говорила в самом начале этой книги? Так вот, вы определенно прошли весь путь до середины этой книги *не для того*, чтобы судить меня. Я могла или попросить – или проспать всю ночь в белом вечернем платье.

На этот раз, к счастью, я могу попросить свою няню. На мне еще и корсет, и, как только воздух снова втекает во все закоулки моих легких, я натягиваю халат и заглядываю в комнаты к спящим деткам.

Глядя на каждую из моих девочек, я принимаю решение.

Всякий раз, как Эмерсон, Беккетт или Харпер (на свой лад) спросят меня «хочешь поиграть?», я всегда буду отвечать: «ДА!»

Всегда.

Потому что, коль скоро мне приходится просить незнакомых людей помочь мне снять платье, мне следует по меньшей мере иногда делать то, что приносит истинное наслаждение. Мне следует как минимум видеть это счастливое выражение на их лицах.

Дать чуточку больше любви.

Получить чуточку больше любви.

Поэтому вот что я делаю.

Я действительно это делаю.

Хочешь поиграть?

Отныне и впредь ответ всегда – «да».

Я бросаю все, чем занимаюсь, иду к детям и играю.

Это правило. Нет. Я сделала из этого больше чем правило. Я сделала это законом. Каноном. Священным текстом. Неукоснительное соблюдение. Моя религиозная практика. С истинным пылом.

Небезупречно.

Зато с полной верой.

Неоспоримо.

Сделав это правилом, я позволяю себе сбросить часть рабочего напряжения, которое сама себе организовала. Знание, что «у меня нет выбора», означает, что я не чувствую никакой

вины, отступая от своих трудолюбивых тенденций. Я не ощущаю угрызений совести, бросая пальто и сумку на пол там же, где я только что шла к двери, чтобы поехать в офис, когда слышу эти два волшебных слова: «Хочешь поиграть?» Эти два слова в один миг вытряхивают меня из туфель и усаживают за крохотный розовый чайный столик раскрашивать зайчика, или играть с невезучим одноглазым пупсом, или рассматривать ящериц в саду.

Трудно держать в узде подростка – если у вас есть ребенок-подросток, вы понимаете, что я имею в виду. Я отчетливо помню, как мне самой было двенадцать лет. И иногда не понимаю, как это родители позволили мне выжить. В этом возрасте существование родителей для ребенка – лишь повод для стыда. Ясное дело, двенадцатилетний ребенок никогда не скажет: «Хочешь поиграть?» Но в общении с Харпер я научилась выискивать слова и знаки, которые означают то же самое. Если она забредает вечером в мою комнату и разваливается на каком-нибудь предмете обстановки, я откладываю в сторону то, над чем работаю, и уделяю ей свое полное внимание. Иногда это окупается. Иногда нет. Но я пришла к пониманию, что дать ей знать, что мое полное внимание для нее доступно, важнее, чем все прочее.

А еще? Еще я выяснила кое-что об этой длинной нескладной девчонке, которую так люблю, что порой ей приходится говорить мне «пожалуйста, перестань меня тискать», чтобы я остановилась. Она мне по-настоящему нравится.

Она *интересная*.

Я исследую ее. Она как бесконечная тайна. Жду не дождусь увидеть, во что она превратится.

Возможно, у вас это по-другому. Ваш счастливый уголок. Ваша радость. То место, где жизнь кажется скорее хорошей, чем плохой. Это не обязательно дети. Мой партнер-продюсер Бетси Бирс говорила мне, что для нее средоточие радости – ее собака. Мой друг Скотт, вероятно, сказал бы, что для него это время, отданное творчеству. Вы могли бы сказать, что это общение с близким другом. С бойфрендом, с подружкой. С родителем. С сестрой или братом. У всех это по-разному. Для некоторых из вас это может быть даже работа. И это тоже оправданно.

Но «да» означает дать себе разрешение смещать фокус приоритетности с того, что для вас полезно, на то, что вам приятно.

(Погодите-ка! Не героин. Героин – это не ваше средоточие счастья.

Просто вычеркните из списка все наркотики.

Все ясно? Хорошо.

Найдите себе хорошее средоточие счастья. Позитивное.)

Я переключила свои приоритеты. Моя работа по-прежнему невероятно важна. Просто теперь игры с детьми для меня важнее, чем работа.

А если мысль о том, чтобы поступить так же, заставляет вас нервничать, вызывает тревожность, пугает вас? Заставляет вас думать, что я идиотка?

Вы можете сказать: «Все это очень хорошо в твоём случае, Шонда. Ты на своей работе начальница. А я – кассирша, так что, пожалуйста, расскажи-ка мне, как я должна повернуться спиной к своей работе и при этом продолжать кормить семью, ты, дура-телевизионщица в своих кружевных туфлях и бриллиантах! Надеюсь, корона выдавит из твоей башки все мозги!»

Я с вами согласна.

Уитни Хьюстон. Утюжок для волос. Солидарность.

Но вот что, надеюсь, вам поможет. Это то, что я усвоила очень быстро: никто не претендует проводить со мной так уж много времени. Как и с вами. Знаете почему?

Вы не Тейлор Свифт.

И не Любопытный Джордж^[28].

И не Рианна.

И не Маппет-шоу.

Это я говорю в хорошем смысле. В прекрасном смысле.

В смысле вы можете это сделать. В смысле как бы вы ни были заняты, какой бы лихорадочной ни была ваша жизнь, вероятно, вы можете каким-то образом все это устроить.

Желания Эмерсон и Беккетт поиграть со мной хватает минут на пятнадцать, потом они теряют интерес и желают заняться чем-то другим. Спустя пятнадцать минут я уже никто. Если я не кузнечик в саду, не леденец на палочке, не Очень Голодная Гусеница^[29], то уже вызываю интереса не больше, чем какое-нибудь дерево.

Харпер по большей части тоже желает поговорить со мной максимум пятнадцать минут, а иногда меньше. Я ВПОЛНЕ способна выкроить ничем не прерываемые пятнадцать минут времени даже из своего самого занятого дня.

Ничем не прерываемые – это, главное, никакого сотового, никакой стирки, никакого ужина, никакого ничего. У вас напряженная жизнь. Вам нужно подать на стол ужин. Вам нужно позаботиться о том, чтобы все выполнили домашние задания. Вам нужно заставить их искупаться. Но вы способны выкроить пятнадцать минут.

В то время как я потрясенно обнаружила, насколько мало времени на самом деле отнимает это обязательство – говорить «да» игре – и как легко включить его в мою повседневную жизнь, я обнаружила, что проблема не в этом. Труднее всего далось столкновение с собственными качествами. С качествами, которым мне пришлось посмотреть в лицо.

Я выяснила, что старое как мир клише соответствует реальности: люди делают то, что им нравится делать. Я работаю потому, что мне нравится работать. У меня это хорошо получается, это для меня полезно, это моя зона комфорта. Понять, взглянуть в лицо тому факту, что мне комфортнее в студии, чем на качелях, – вот с этим невероятно трудно справиться.

Что это за человек такой, которому комфортнее работать, чем отдыхать? Ну... это я. Так что это «да» заставило меня измениться. Это тяжелое испытание для трудолюбивой круглой отличницы, обсессивной перфекционистки – очертя голову прыгнуть в такой образ жизни, который требует бросить все, чтобы... поиграть.

Как я уже говорила, мои самые ранние воспоминания связаны с играми воображения в кладовке. Став старше, я предпочитала любому другому месту библиотеку, любому другому человеку – книги. Когда меня выгоняли на улицу подышать свежим воздухом и подставить лицо солнцу, я хватала книжку и засовывала ее за пояс джинсов, пряча контрабанду. А потом забиралась на иву на нашем заднем дворе и читала до тех пор, пока мама не позволяла мне вернуться в дом. Играть?.. Я даже не помню, чтобы когда-нибудь по-настоящему играла...

Моя няня, Дженни Маккарти, безмятежно наблюдает, как разворачиваются события. Наблюдает, как я бросаю сумку и усаживаюсь на пол, неловкая и скованная. Вносит предложения:

– Может быть, поиграете с кубиками?

– А что, если вам порисовать?

Дженни Маккарти спокойно направляет меня. Учит меня играть. Учит скованную интровертную трудоголичку понимать, что означает игра для тех, кто не сидит в кладовке, не прячется за библиотечными стеллажами. Она учит меня тянуться к этим маленьким экстравертам, таким отличающимся от меня, и налаживать с ними контакт.

Я чувствую себя инопланетянкой, которая никогда прежде не была на этой планете. Изучающей, каков этот мир. Дженни Маккарти показывает мне, как здесь жить. С помощью этих крохотных кармических существ, посланных вселенной, чтобы помочь откатить валун от входа в мою пещеру и вытолкнуть меня под это яркое красивое солнышко.

И я благодарна.

Мы бегаем по саду. Туда-сюда, туда-сюда. Мы устраиваем тридцатисекундные танцы в кухне. Мы поем песенки из телепередач. Мы играем с пупсами, куклами-перчатками и игрушечными фермами.

Этот фокус срабатывает на мыльных пузырях.

Я сижу на заднем дворе, выдувая для девочек бесконечные вереницы пузырей. Пузыри наполняют воздух. Я в ударе, стараюсь дуть как можно быстрее, чтобы создать целое море пузырей вокруг их личиков. Они визжат, лопают пузыри, пробуя их на язык и гоняясь за ними. Беккет подбегает и прижимается ко мне своим потным тельцем. От нее исходит этот специфический мускусный грязноватый детский запах. Для меня он всегда пахнет как...

– Вы пахнете щенками! – сообщаю я им.

И внезапно на мою стену в голове возвращается одна из картин.

Мама на заднем дворе обихаживает свои большие округлые розы. Солнце только что село. И мы с Сэнди носимся по двору, у каждой в руках по стеклянной мейсоновской банке. Пытаемся ловить светляков. Пищим и гоняемся за светляками, ловим их, рассматриваем, и наши лица светятся их светом. Потом, прямо перед тем, как мама объявит, что пора в постель, мы открываем банки и выпускаем светляков в ночной воздух.

– Вы пахнете щенками, – смеется мама, загоняя нас внутрь.

Итак, в мою память внесены исправления. Я когда-то играла. Когда была в их возрасте. Я играла. Я была счастлива. Мне это нравилось. Я пахла щенками. Я была как вечеринка со щенками.

Я играла.

Не понимаю, почему я забыла об этом.

Почему перестала играть.

Я вдруг ловлю себя на том, что задаю себе тот же вопрос, который задают мне дети: «Хочешь поиграть?»

Да. Да, хочу.

Но, для того чтобы это сделать, знаю, я должна осуществить реальные перемены.

Я устанавливаю правило, что не буду работать по субботам и воскресеньям, если нет чрезвычайной ситуации или не идут съемки программы. Я повинна в том, что проработала напролет слишком много выходных, чтобы «опередить график». Никакого «опережения» не существует. По утрам всегда ждет работа.

Я изменила шаблон своей электронной подписи, так что теперь он читается так: **«Пожалуйста, имейте в виду: я не занимаюсь рабочими письмами после семи вечера и по выходным. ЕСЛИ Я ДЛЯ ВАС НАЧАЛЬНИК, БУДЬТЕ ЛЮБЕЗНЫ: ПОЛОЖИТЕ ТЕЛЕФОН»**. А потом я делаю то, что кажется невозможным: на самом деле перестаю отвечать на письма, которые приходят после семи вечера. Мне приходится выключать телефон, чтобы это сделать. Но я это делаю. Со мной работают невероятно опытные люди, которые управляют нашими съемками. Научиться отходить в сторону и позволить этим людям получить удовольствие, делая свою работу, не заглядывать им через плечо, – это здорово как для них, так и для меня.

Я даю клятву ежедневно приходить домой к шести вечера и ужинать дома. Если на работе случаются какие-то проблемы, я могу найти способ вернуться домой в промежутке с шести до восьми, чтобы побыть с детьми, а потом прыгаю за компьютер и работаю из дома. Технологии позволяют все больше и больше упрощать этот процесс.

У меня получается не идеально.

На самом деле у меня в этой сфере примерно поровну успехов и неудач. Но теперь я знаю, что это спокойное время помогает заново разжигать ту маленькую искорку внутри, помогает моей креативности, а в долгосрочной перспективе помогает рассказывать истории, которых требует от меня работа. Я даю себе разрешение рассматривать этот досуг как необходимость.

Сделать это трудно. Трудно почувствовать, что я заслуживаю времени для себя, чтобы заново наполнить колодец, в то время как я знаю, что все остальные тоже усердно трудятся. Вот только Делорс снова в моей кухне:

– Шонда, что происходит, когда ты заболеваешь? Что произошло в тот раз, когда тебя выворачивало наизнанку? В тот раз, когда ты болела гриппом?

Мы не любим говорить об этом за работой. Это все равно что искушать судьбу. Но Делорс имеет в виду, что, когда сваливаюсь с ног я, «сваливается» и шоу. Стоит мне слечь, как жизнь

в «Шондалэнде» останавливается. Из-за той самой укладки рельсов, которая должна как-то происходить.

Эти истории рождаются в моем мозгу. И если они не смогут выйти из моего мозга, никто не сможет даже начать укладывать рельсы. А если не будут уложены рельсы, поезд не сможет мчаться вперед. То же относится и к Керри Вашингтон, Виоле Дэвис, Эллен Помпео: стоит одной из них слечь, как стопорится все шоу. Без них камеры снимать не могут. И поэтому это невероятно важно – держаться в хорошей форме.

Эллен, у которой, похоже, больше выносливости и решимости, чем у любого из моих знакомых, как-то раз сказала, что сделать двадцать четыре эпизода сериала кабельного телевидения – все равно что двадцать четыре раза пробежать марафон. С первого же сезона она обращалась с собой как с тренирующимся спортсменом. Эллен считает, что для того, чтобы хорошо делать свою работу, нужно заботиться о себе – и внешне, и внутренне. Она вдохновляет меня своим подходом. Я решаю, что, возможно, и для меня настало время так же относиться к своей работе. Для меня это означает: чтобы я могла укладывать рельсы, мне нужно какое-то время на игры.

Хочешь поиграть?

Дома к шести. Никаких звонков после семи. Стараться не работать по выходным.

Потом я расширяю этот принцип.

Хочешь поиграть?

Я использую его как метод разрешить себе стремиться к удобствам, которых обычно себе не разрешаю. «Хочешь поиграть?» начинает становиться кодовым словом для балования себя такими способами, о которых я уже и позабыла.

Маникюры? Педикюры?

Хочешь поиграть? ДА.

Часами рыться в настоящем «бумажном» книжном магазине субботним вечером, пока дети играют в гостях у сверстников?

Хочешь поиграть? ДА.

Долгая ванна, и в колонках гремит Арета Франклин, достаточно громко, чтобы никто не слышал, как я пою?

Хочешь поиграть? ДА.

Бокал вина, долька шоколада и пятнадцать минут тишины без чувства вины за закрытой дверью?

Хочешь поиграть? Пожалуйста, говорите потише, но... да.

Пятнадцать минут, говорю я. Что может быть такого неправильного в том, чтобы уделить себе полное внимание в течение всего пятнадцати минут?

Оказывается...

Ничего.

Чем больше я играю, тем счастливее я на работе. Чем счастливее я на работе, тем расслабленнее я становлюсь. Чем я становлюсь расслабленнее, тем счастливее я дома. И тем легче мне дается то игровое время, которое я провожу вместе с детьми.

На самом деле это просто любовь.

Всем нам не помешало бы чуточку больше любви. Намного больше любви.

К детям. К себе.

Это – лучшее ДА.

Хочешь поиграть?

8

«Да» – моему телу

Вот о чем я, наверное, забыла упомянуть.

Когда я решаю начать свой год «Да»?

В тот вечер, когда я решаю, что начну говорить «да» тому, что меня пугает? В тот вечер, когда я, как уже рассказывала вам, лежу на диване с бокалом вина, уставившись на свою рождественскую елку?

Я жирная.

Я не очаровательная толстушка. И не славная плюс-сайз.

У меня не округлый задок.

У меня не ягодки в ягодицах.

Я не пышечка.

Я не па-*наф* и ба-*бам* во всех нужных местах.

Я не работаю над своими формами так, как делала некогда в колледже.

Если бы это было так, будьте уверены, я носила бы что-нибудь симпатичное, обтягивающее и дерзкое, чтобы вы что-то об этом сказали.

Но это совсем не то, что есть на самом деле.

Нет.

Я жирная.

Я тучная.

Я сейчас больше, чем была когда-либо в жизни.

Я настолько жирная, что мне неуютно в собственной шкуре. Насколько жирная, что у меня возникает сюрреалистическое ощущение, когда я мельком вижу себя в зеркале. Я удивляюсь с искренней растерянностью: «А это еще кто?» Моему мозгу требуется несколько секунд, чтобы догнать действительность, а мне – потрясенно осознать, что я гляжу на собственное отражение. Эта незнакомка – я. Я во все глаза пялюсь на себя, заключенную в оболочку из многих-многих лишних фунтов жира. Столь многих, что мне страшно вставать на весы.

Я огромна.

Но дело даже не в этом.

Я огромна.

Но еще важнее, что...

...я *чувствую* себя огромной.

Вот в *этом-то* все и дело.

Слушайте, я никому не позволяю указывать мне, какого я должна быть размера. Мне плевать на чужие суждения о моем теле. Меня не интересуют ничьи представления о том, как мне полагается выглядеть.

Я считаю, что тело каждого человека принадлежит ему самому и каждый имеет право любить собственное тело в любой форме и упаковке, в том числе и той, в которой оно существует прямо сейчас. Я стану бороться за право любого на эту любовь. Я буду драться и выслушивать оскорбления, если надо. Ваше тело принадлежит вам. Мое тело – мне. Ничье тело не следует комментировать. Будь оно сколь угодно маленьким, большим, округлым, плоским. Если вы любите себя, то я люблю вас.

Но дело не в моей любви к себе.

Я не ЧУВСТВУЮ себя хорошо.

И в то время как какая-то часть меня имеет в виду эмоциональную сторону проблемы, я имею в виду – физически.

Я не ЧУВСТВУЮ СЕБЯ ХОРОШО.

У меня болят колени. У меня болят суставы. Я обнаруживаю, что причина, по которой я ощущаю постоянный упадок сил, – это сонное апноэ^[30]. Я принимаю лекарства от повышенного кровяного давления.

Я не могу найти удобную позу.

Я не могу коснуться кончиков пальцев на ногах.

Мои пальцы – *неприкасаемые*.

Мне необходимо съесть кусок торта, чтобы справиться с этим открытием.

Я – развалюха.

Не знаю, как это случилось.

Вот только на самом деле – знаю.

Помните ту генетическую лотерею, в которую выиграли женщины моей семьи? Ту, которая означает, то мы никогда не будем выглядеть старше, чем стайка ужасно усталых подростков? Похоже, существует также метаболическое суперлото, в котором есть выигрышные номера – но только для ПОЛОВИНЫ женщин в моей семье. Так что моим сестрам Делорс и Сэнди крупно повезло не только выглядеть на четырнадцать лет. Они могут умять полкоровы в один присест – и не выглядеть после этого толще, чем, скажем, ЧЕТЫРНАДЦАТИЛЕТНИЕ ПОДРОСТКИ.

Я же, напротив, эти выигрышные номера не вытасила. Жир со всех сторон бежит ко мне, прыгает на мое тело и прилипает к нему. Словно знает, что нашел свой дом. Словно хочет быть со своим народом.

Я сражалась со своим весом всю жизнь. Это всегда казалось мне несправедливым. Это всегда была чудовищная борьба. И спустя некоторое время я решила, что борьба того не стоит. И перестала сражаться. Перестала морить себя голодом. Остановилась на весе, который казался и не слишком большим, и не слишком малым. Плюс-сайз. Сочная. Фигуристая. Определенно симпатичная. Великолепная попа. Я была здорова. Я тренировалась. Хотя в любом случае была не самого высокого мнения о своем теле.

А потом... я выпустила руль из рук.

Не спрашивайте, когда именно. Я толком и не знаю.

Но знаю, что это совпало с моментом, когда я постепенно захлопывала все двери в своей жизни. Говорила «нет». Закрывалась.

В этом все дело. Не было такого ощущения, что это на самом деле происходит.

Я имею в виду, происходило-то как раз многое.

У меня были превосходные предложения, чтобы выпустить из рук этот руль.

Я решила заморозить свои яйцеклетки. В смысле те, что были внутри моего тела. Дети. Да! Чудо жизни. Чтобы заморозить яйцеклетки, нужно колоть себе гормоны. Так вот, если женщина от природы стройна, она так и останется стройной. Если же это я... какая там стройность!

А потом мне пришлось внезапно перенести небольшую хирургическую операцию. И тут я такая: «Лучше мне пока перестать тренироваться. И, может быть, полежать немного на этом диванчике, чтобы прийти в себя».

Э-э, операция-то была на глазу.

И что?

К чему это я?

Не важно, что операция была на глазу. Моему ГЛАЗУ нужно было восстановиться. Но когда глазу стало лучше, тот диванчик вроде как уже не мог без меня обходиться. И снова подниматься с него не казалось *такой уж большой* необходимостью. К тому же по TV шли такие хорошие программы...

Ах да! TV. У меня была работа. «Анатомия страсти». Потом у меня стало две работы. Добавилась «Частная практика». Потом их стало три. К этим сериалам я добавила «Скандал». А потом, как раз когда я попрощалась с «Частной практикой», мы начали продюсировать «Как избежать наказания за убийство». И чем больше было у меня работы, тем чаще меня можно было застать за рабочим столом или на диванчике в режиссерской. Тем чаще меня можно было обнаружить сидящей на пятой точке. Чем больше я сидела, тем меньше двигалась.

Чем меньше я двигалась, тем... что?

Не заставляйте меня это произносить.

А сериалы шли так хорошо!..

Это своего рода жестокая шутка. Если бы какой-то из них провалился, у меня бы, как ни иронично, появилось время на спортзал. У меня появилось бы какое-то время на отдых.

Время, чтобы заботиться о себе. По крайней мере, я себе так говорила. Но ни один из них не закрылся. Я преуспевала. Я более чем преуспевала.

Для телесериала хотя бы три сезона подряд – явление крайне редкое. А к тому моменту все созданные мной сериалы шли как минимум по пять сезонов.

«Шондалэнд» стал брендом.

Студия рассчитывала, что мы станем продюсировать и другие программы. Компания надеялась, что я буду поддерживать на неизменном уровне качество тех, которые уже шли в эфир. Мне принадлежал целый вечер наиболее дорогостоящей «недвижимости» на телевидении. СБЭЧ завоевывал соцсети. Казалось, на него купились все. Очень сильно купились. У меня начались кошмарные сны о том, что меня отменяют.

Делорс и Дженни Маккарти квохтали надо мной, опасаясь, что стресс повредит моей креативности. Они не понимали: моя креативность была единственной областью, в которой я никогда не ощущала стресса. Создание миров, персонажей, историй всегда было сферой, в которой я чувствовала себя наиболее непринужденно. Когда передо мной возникает чистый лист новой серии, я вхожу в зону спокойной уверенности. Я ощущаю *гул*. Для меня делать TV – это... блаженство. Я умею придумывать так же, как другие люди умеют петь, – я просто всегда умела чисто спеть все ноты. По сути своей телесериал – та же кладовка, только побольше. Так что меня-то как раз не беспокоило написание сценариев или продюсирование программ.

Меня беспокоили растущие чужие ожидания. Меня беспокоили ставки.

О да! Наверное, следовало бы упомянуть: ставки существуют, и, боже ты мой, ставки эти высоки.

По мере того как росла популярность моих сериалов, я все острее и болезненнее осознавала, что стоит на кону. Я улыбалась, отказывалась отвечать на этот вопрос, притворялась, что не знаю, о чем меня спрашивают репортеры, когда задают эти вопросы – вопросы о расе. Но невозможно вырасти в Америке чернокожим и ничего об этом не знать.

Эти съемки были не только моими. Они были *нашими*.

Я обязана была сделать все правильно. Я обязана была поддерживать все на плаву. Я обязана была добежать до вершины горы. Я не могла отдыхать, я не могла упасть, я не могла споткнуться, я не могла отказаться. Не добежать до вершины – это был не вариант. Неудача стала бы не только моей. Отголоски моего провала ощущались бы не одно десятилетие. В случае «Анатомии страсти» это значило бы, что дать афроамериканке собственный сериал с актерами, которые выглядели так, как выглядят люди в реальном мире, было ошибкой. Я доказала, что это не ошибка.

Для «Скандала» ставки стали еще выше. Если бы первый за тридцать семь лет сериал кабельного ТВ с афроамериканкой в главной роли не нашел своего зрителя, кто знает, через сколько лет смог бы появиться следующий? Провал означал бы, что, возможно, еще двум поколениям актрис пришлось бы ждать другого шанса сняться в роли, не являющейся второстепенной.

Я из тех, кого сама стала называть П.Е.И. Первая. Единственная. Иная. Мы – очень избранный клуб, но нас таких больше, чем можно подумать. Мы знаем друг друга в лицо. Всех нас отмечает один и тот же усталый взгляд. Взгляд человека, которому хотелось бы, чтобы люди перестали думать, как это замечательно, что мы умудряемся прекрасно справляться со своим делом, будучи при этом чернокожими, азиатами, женщинами, латиноамериканцами, геями, паралитиками, глухими... Но когда ты – П.Е.И., на тебе висит груз дополнительной ответственности – хочешь ты того или нет.

Когда я начинала свой первый телесериал, я сделала то, что казалось мне совершенно нормальным: в XXI веке я заставила мир в телевизоре выглядеть так, как выглядит настоящий мир. Я наполнила его персонажами, отличавшимися друг от друга оттенком кожи, гендером, происхождением и сексуальной ориентацией. А потом сделала самую очевидную вещь на свете: *я написала всех их так, словно они были... людьми*. Цветными людьми, живущими трехмерной жизнью, со своими любовными историями. Не второстепенными

персонажами, не штамповками и не преступниками. Женщины – героини, злодейки, сорвиголовы, важные фигуры. Это, говорили мне снова и снова, было новаторством и смелым поступком.

Надеюсь, и у вас поползли вверх брови, милые читатели. Потому что – ой, я вас умоляю! Но я делала то, чего, как говорили «большие шишки», нельзя делать на TV. И Америка доказала, что они не правы, смотря мои сериалы. Мы буквально меняли *лицо* телевидения. И *теперь* я не могла допустить ошибку. Второго шанса здесь не дают никому.

То есть дают – но не тогда, когда ты П.Е.И.

Вторые шансы – это для грядущих поколений. Вот их-то ты и создаешь, когда ты П.Е.И. Вторые шансы – для тех, кто придет за тобой.

Как папа Поуп говорил своей дочери Оливии, «ты должна быть вдвое лучше, чтобы получить хотя бы половину».

Я не хотела «хотя бы половину». Я хотела все. И поэтому пахала вчетверо усерднее.

Мне не хотелось, чтобы когда-то, глядя на себя в зеркало, мне пришлось признаться, что я недостаточно старалась, чтобы эти сериалы получились. Что я не вкладывалась на сто процентов в создание наследия для своих дочерей и всех цветных молодых женщин, которые гадали, возможно ли это. Меня до глубины души раздражало то, что мы живем в эпоху невежества, которое достаточно велико, чтобы мне по-прежнему было необходимо подавать пример. Но это не меняло того факта, что я была одна.

У меня вошло в привычку постоянно работать на пределе возможностей. Моя жизнь вращалась вокруг работы. А за пределами работы я выбирала пути наименьшего сопротивления. У меня не было энергии на трудные разговоры или споры. Так что я улыбалась и спускала людям с рук то, что они обращались со мной, как им заблагорассудится. Все это вызывало у меня единственное желание – вернуться в офис. Где я была главной. Где я была начальницей. Где люди были слишком почтительны, добры, довольны или напуганы, чтобы обращаться со мной как с дерьмом.

Поскольку я так много работала, усталость стала моей вечной спутницей. В первый период работы над «Анатомией страсти» я отклонила столько приглашений, что меня перестали куда-либо приглашать. У меня начала складываться репутация человека, который не общается с коллегами вне работы. В действительности же я не общалась вне работы *ни с кем*.

Широкий круг моих друзей тоже меня не понимал. Пошли слухи, будто я бросила их ради гламурной голливудской жизни, наполненной вечеринками и знакомыми-знаменитостями. Я бы посмеялась над этими домыслами, если бы не так уставала. Я получала гневные письма из-за пропущенных дней рождения и засыпала, уронив голову на клавиатуру, не успев дописать ответ с извинениями. Под конец я просто... сдалась. Среди моих друзей в результате самоотсева остался меньший круг – ядро. Я стала чаще сидеть дома – и проводить больше времени за работой. Больше времени в одиночестве. Больше времени в убежище.

Потеря себя случается не в один миг. Потеря себя происходит, когда ты раз за разом говоришь «нет».

«Нет» – сегодняшнему выходу «в свет».

«Нет» – обмену новостями со старой подругой по колледжу.

«Нет» – посещению вечеринки.

«Нет» – поездке в отпуск.

«Нет» – новым дружеским отношениям.

Потеря себя происходит по полкило зараз.

Чем больше я работала, тем больше становился стресс. Чем больше становился стресс, тем больше я ела.

Я понимала, что ситуация выходит из-под контроля.

Я начала ощущать все больший дискомфорт.

Я начала ощущать все большую усталость.

Джинсы становились все теснее и теснее.

Я покупала одежду все большего размера.

Мне стала требоваться одежда самого большого размера, какой только был в магазине плюс-сайз.

И все же.

Столь многое в этом вызывало у меня двойственные чувства! Феминистка во мне не желала спорить сама с собой. Меня возмущала необходимость говорить о своем весе. Было такое ощущение, будто я осуждаю сама себя за то, как выгляжу. Это казалось ограниченностью. Это казалось женоненавистничеством.

Переживать об этом казалось... предательством.

Мое тело – всего лишь контейнер, в котором я таскаю с собой свой мозг.

Я начала говорить это еще в колледже, когда парни из «золотой молодежи» отпускали грязные комментарии насчет моей груди. И пользовалась именно этим тоном. Тонем, который подразумевал: *«Боже, какой же ты тупица!»*

Но мне приходилось говорить им это очень часто. Давать им понять, что я должна быть невидимой для них. Чтобы заставить их перестать пялиться.

А теперь я часто говорила это самой себе. Чтобы сделать себя невидимой для себя.

Мое тело – всего лишь контейнер, в котором я таскаю с собой свой мозг.

Я говорила это, поедая мороженое ведерками.

Я говорила это, съедая целиком пиццу.

Я говорила это, наслаждаясь макаронами с сыром и беконом. Вы меня слышали. *С беконом.* Я ела все, в чем был бекон. Или что было завернуто в бекон. Одно мясо, завернутое в другое мясо, с очевидностью доказывало, что вселенная развивается именно так, как ей следует.

Мое тело – всего лишь контейнер, полный бекона, в котором я таскаю с собой свой мозг.

Но и автомобиль – это тоже контейнер. Если автомобиль сломан и испорчен, то мой мозг уже никуда не едет. То же относится и к моему телу.

Я чувствовала себя... старой. Не в плане «я стара и люблю врать».

Старой.

«Завязывай участвовать в жизни мира» – вот какой старой.

«Сядь в кресло и наблюдай, как мир проходит мимо» – вот какой старой.

Какая невероятно пустая трата жизни!

Но какая вкусная телятина...

Я думаю, никто ничего не замечает. Я думаю, никто ничего не видит. Я думаю, тот факт, что я удвоилась в размерах, возможно, не так уж и заметен. Потому что я на самом деле этого не замечаю. Это происходило так постепенно! Я невидима для самой себя. Думаю, вполне возможно, что я невидима для всех.

Это не так.

Люди пытались тактично помочь. Люди говорили мне вещи вроде «эндорфины помогают воспрянуть духом».

Тот же самый эффект дает шоколадный торт, глупцы!

Бетси Бирс, которую я люблю, обожаю и ради которой я, честное слово, убила бы дракона (или как минимум паука), как-то раз сказала: «Ты просто должна приучить себя любить салаты».

Я не разговаривала с ней несколько дней. Кто *приучает себя любить салаты?*

Какой извращенкой надо быть, чтобы приучать себя любить салаты?

Я с тем же успехом могла бы приучать себя любить вкус гравия. Или коровьего навоза. Но зачем? Я не испытываю к себе ненависти.

Я наняла тренера. И тут же уволила его. Потому что он сказал: «Нет вкуса приятнее, чем вкус стройности!»

Он выдал мне клише.

Он выдал мне клише высокомерным, снисходительным тоном.

«Нет вкуса приятнее, чем вкус стройности!»

Кем надо быть, чтобы говорить такое жирной женщине? Серьезно? КТО ТАКОЕ ГОВОРИТ? Потому что, ясное же дело: а) ты никогда не ел ребрышек гриль и б) захлопни свою тупую пасть.

Быть вкусной телятиной – это не вызывает у меня радостных чувств. Даже телятина не хочет быть телятиной. Телятина хочет, чтобы ее спасла ПЕТА^[31]. Я тоже начинаю отчаянно хотеть, чтобы меня спасли.

Я сажусь на самолет, вылетающий в Нью-Йорк. Я – модный телесценарист. Поэтому у меня билет первого класса, большое первоклассное комфортное кресло. Я усаживаюсь, сбрасываю туфли, вытаскиваю из сумки книгу, собираюсь пристегнуть ремень, и...

Ну, он, должно быть, неисправен.

Он ведь наверняка НЕИСПРАВЕН, верно?

МНЕ ПОПАЛСЯ НЕИСПРАВНЫЙ ПРИВЯЗНОЙ РЕМЕНЬ.

Верно? ВЕРНО?!

Нет, мне не попался неисправный привязной ремень.

Я буквально слишком жирная для привязного ремня в самолетном салоне первого класса. Я – Вайолет Борегард, раздувающаяся, как гигантская черничина, на шоколадной фабрике Вилли Вонки. Я та тварь, что сглодала Гилберта Грейпа^[32]. Ткните меня булавкой – и я лопну, как воздушный шар.

Вот, черт возьми, хорошо бы!

По крайней мере, тогда я не сидела бы пассажиркой в этом самолете.

От этого унижения я начинаю потеть. Потная Шонда – это некрасивая Шонда. От потной Шонды рукой подать до омерзительной троллеподобной Шонды.

Я решаю, что у меня есть два варианта выбора. Я могу попросить стюардессу дать мне удлинитель для ремня – или могу обойтись без ремня, таким образом гарантируя, что этот самолет сокрушит карма и я рухну в смертельном пике, забрав с собой сотни невинных, пристегнутых ремнями, законопослушных людей.

К этому времени вы уже довольно хорошо меня знаете, любезные читатели. Как думаете, что я делаю?

Думаете ли вы, что я веду себя как взрослая, ответственная женщина, которая сама наела себе эту ситуацию? Нажимаю ли я кнопку вызова стюардессы? Обращаюсь ли я к стюардессе четким и спокойным голосом, тщательно произнося каждое слово, чтобы все пассажиры в салоне первого класса наверняка услышали, что говорит потная женщина на месте 5А?

– Простите, но я только что обратила внимание, что я теперь слишком жирная для этого гигантского привязного ремня в кресле первого класса. Можно мне получить тот самый удлинитель ремня, над которым я когда-то хихикала себе под нос, лелея мысли о собственном превосходстве? МОЖНО? БУДЬТЕ ТАК ДОБРЫ!

Правда? Я?

Я вас умоляю!

Нет.

Вы уже меня знаете. Вы *знаете*, что я этого не делаю.

Я выбираю смерть.

Я выбираю смерть от жира и кармы и, поскольку «католицизм не сдастся», отважно предпочитаю адово пламя и проклятие, которое последует во веки вечные как кара за то, что я утянула с собой вниз всех остальных пассажиров самолета.

Я натягиваю свитер на бедра, чтобы скрыть отсутствие привязного ремня, заискивающе улыбаюсь мужчине в костюме, сидящему через проход, крепко зажмуриваю глаза и жду грядущей мучительной смерти.

Я не умираю.

Я не мертва.

Проклятие, я жертва нарциссизма! Неужто я всерьез рассчитывала на то, что карма обрушит на землю целый самолет людей, потому что моя задница стала слишком жирной, а мое эго – слишком раздутым, чтобы признать это?

Я жива.

Но я тут же начинаю воображать себя мертвой. Воображать, как меня бальзамируют. Воображать, как надо мной трудятся в похоронном бюро. Какая-то женщина наносит косметику на мое мертвое жирное лицо. Я думаю о гробе XL. Об огромной палатке, которую придется купить моим сестрам вместо платья и отдать ее распорядителю похорон, чтобы меня одели.

Звучит забавно.

Только не для меня.

Для меня в этом нет ничего забавного.

У меня двое малышей и двенадцатилетняя дочь.

Что я, *черт побери*, с собой делаю?

Я ловлю себя на мысли: «И как мне сказать этому “да”?»

Год «Да» – доходит до меня – стал снежным комом, катящимся с горы. Каждое «да» заворачивается в следующее и в следующее, и снежный ком все растет, растет и растет. Каждое «да» что-то во мне меняет. Каждое «да» становится еще чуточку более трансформирующим. Каждое «да» открывает какую-то новую фазу эволюции.

Так что это за «да» у нас здесь?

Чему я скажу «да», чтобы стать здоровой?

Поначалу я этого не знаю. Пару дней спустя я лежу на кровати у себя дома, в разгар возбуждающего сеанса «телячьей практики», пересматривая старые серии «Доктора Кто», поедая печенье с шоколадными кусочками и наслаждаясь спасательным плотом – своим матрасом, когда вдруг до меня доходит: мне это *нравится*.

Кровать.

Теплое печенье с шоколадными кусочками.

«Телячья практика».

Теплое печенье с шоколадными кусочками.

Телевизор.

Теплое печенье с шоколадными кусочками.

Мне это нравится. Нет. Я это *люблю*. Я этим наслаждаюсь. Это доставляет удовольствие. Это легко, это расслабляет, это требует очень мало усилий. К тому же – я уже упоминала о теплом печенье с шоколадными кусочками? Для меня это приятное времяпрепровождение. Пикник. Вечеринка. *Пати*. Вот так я получаю кайф...

Погодите-ка. Ой. Ой-е-ей!

Ну ни хрена ж себе! Вот оно.

Я уже говорю «да».

Я говорю «да» тому, чтобы быть жирной.

Вот ПОТОМУ-ТО я теперь такая жирная. Я не неудачница: я *успешно* жирная. Я не выпускала руль из рук. Я просто повернула машину на дорогу к жирдяйству.

Я все это время говорила «да» жирдяйству.

И знаете что? Почему, черт возьми, я не должна была этого делать? Быть жирной было для меня легче. У меня это получалось. Я не сделала бы этого, будь это не так.

Будучи жирной, я была счастлива.

В «Частной практике» у Наоми происходит следующий спор с Эддисон о заваливании чувств едой, чтобы улучшить ситуацию.

НАОМИ:

Я принимаю все эти чувства: ярость, изнеможение, сексуальную фрустрацию... желание задавить Сэма машиной, тот факт, что моя дочь теперь считает, что ее отец – хороший родитель... Я просто беру все это и запикиваю как можно глубже. А потом я просто... заваливаю их едой.

ЭДДИСОН:

Может быть... тебе следовало бы поговорить с Сэмом, вместо того чтобы вдыхать по четыре тысячи калорий в день.

НАОМИ:

Знаешь что? Ты ищешь свое волшебство по-своему, я ищу свое по-своему.

Я искала *свое* волшебство *по-своему*.

Моя собственная особая формула включала красное вино. И масляный попкорн. И теплый шоколадный кекс. И все жареное. И макароны с пятью видами сыра. И «телячью практику».

Я уже рассказывала вам, что такое «телячья практика»? О! «Телячья практика» – это когда я совершенно неподвижно лежала на диване, изо всех сил стараясь подражать жизни телятины.

Одновременно поедая телятину.

Думаете, я шучу? Хотелось бы!

Это. Было. Волшебство.

Еда создавала прекрасное покрытие. Она помогала сгладить острые углы. Заклеивала те части меня, что были сломаны. Заполняла все дыры. Замазывала трещины. Ага, я просто заваливала едой все, что меня беспокоило. Еда просто отлично шпаклевала все и вся.

И опля! Под слоем еды все внутри меня было гладким, холодным и бесчувственным.

Я была мертва внутри, и это было хорошо.

Волшебно.

Никогда не позволяйте никому втирать вам, что еда не помогает. Любой, кто скажет вам, что еда не помогает, либо глупец, либо лгун, либо никогда прежде ничего не ел. Она помогает. Заваливать проблемы едой – помогает. Если бы еда не помогала, если бы она не творила свое распутное, прожорливое, в духе «чем больше, тем лучше» волшебство, все в Америке были бы худыми, как Анджелина Джоли. Никто не питался бы в автокафе. Никому не понадобились бы кондитерская обсыпка, замороженный йогурт или что-то подобное.

Нет.

Еда *помогает*. От еды возникает *такое* приятное ощущение, когда заваливаешь ею все, с чем не хочешь разбираться или не знаешь, как это сделать. Она справляется даже с тем, что считаешь недостойным того, чтобы с этим разбираться.

Еда – это волшебство. Она помогает чувствовать себя лучше. Она отупляет. Прекрасное волшебство еды омертвляет душу как раз достаточно, чтобы можно было не думать слишком уж усердно о чем угодно, кроме тортика или сна. Заваливать проблемы едой – значит накладывать заклятие, чтобы чувства уходили прочь. Нет необходимости ни смотреть себе в глаза, ни думать, ни быть чем-то помимо собственного мозга. Нет необходимости ни в каком теле.

Еда помогает.

В этом-то и сложность.

В этом-то и беда.

Она *помогает*.

Я съела бы целое ведро жареной курятины прямо в эту самую минуту, если бы думала, что смогу после этого втиснуться в свои брюки.

Если бы меня по-прежнему устраивало быть мертвой внутри.

За чем же дело стало? Я не мертва.

Меня совершенно не устраивает быть мертвой внутри.

Быть бесчувственной мне больше не подходит. Это мне не идет, и я от этого вся дергаюсь. Я ловлю себя на том, что чаще рываю на людей или пишу маленькие отповеди а-ля Бейли^[33] в электронной почте, когда кто-то меня расстраивает. Я не хочу быть бесчувственной. Я хочу рекомендовать тому, кто меня расстроил, взять свое отношение и засунуть его прямо себе в...

Ну, скажем так, я начинаю предпочитать это засовыванию еды в собственный рот поверх моих раненых чувств.

После события, которое я стала называть «инцидентом с ремнем в самолете – 2014» (потому что я из тех женщин, которые всему присваивают названия), заваливание проблем едой стало для меня не вариантом.

После «инцидента с ремнем в самолете – 2014» я больше не в состоянии терпеть бесчувственность.

Теперь бесчувственность вызывает у меня чувство гадливости.

Теперь бесчувственность кажется мне не просто мертвой, но и гниющей.

Еда больше не шпаклюет – она душит.

И что же происходит в тот момент, когда у меня случается этот большой прекрасный прорыв, который изменяет мою жизнь?

Я впадаю в *бешенство*.

Вселенная уничтожила комфорт моих брауни и моего вина. Показав их мне тем, что они есть. Потому что теперь я знаю правду о них.

У меня такое чувство, будто кто-то только что рассказал четырехлетней мне правду о Санта-Клаусе. В канун Рождества. Когда я сидела у камина. Дожидаясь звона бубенчиков на крыше.

Теперь все, что мне осталось, – это тупые эльфы Санты, Неуклюжий и Дерганый. Неуклюжий и Дерганый – это не замена для большого толстого Санта-Клауса. Теперь мне приходится с этим справляться.

Теперь мне приходится сказать «нет» жирдяйству.

Проклятье! Мне хочется напинать по задам Неуклюжего и Дерганого.

Снижать вес будет непросто. Ни разу в своей жизни я не сбросила больше пятнадцати фунтов, если только это не было связано с острым желудочным гриппом или морением себя голодом до такой степени, что приходилось вызывать врачей.

Одно только совершенно безумное количество работы, которая мне предстоит, чтобы пробиться через боль и ужас самого начала, – это уже испытание.

Как-то раз мы с моей близкой подругой Джен (чье имя здесь изменено ради защиты невинного человека) поехали на неделю в дорогой оздоровительный спа-курорт. *Cal-a-Vie* – это прекрасное, роскошное, но эксцентричное место. Настолько эксцентричное, что там вам с самого начала говорят, что нет необходимости брать что-то с собой. После того как у вас забирают ключи от машины, вам выдают серые толстовки, которые вы будете носить каждый день. Как в армии. Или в тюрьме. Каждое утро с рассветом вас гонят в гору на ужасающий и болезненный смертельный забег. После этого следуют еще три часа тренировок. Около полудня, валясь на землю и ощущая спазмы мышц, о существовании которых даже не догадывались, вы шепчете себе под нос хитроумные планы побега с преодолением стены вместе со своими собратьями-заклученными. Но как раз когда вы собираетесь с силами, чтобы попытаться бежать, ваш «руководитель» ловит вас и препровождает в спа. Где до конца дня вас балуют самыми роскошными процедурами из всех известных человечеству. Эссенция из роз, которые были вскормлены и вспоены слезами крохотных котят, омывает ваши ступни, и вы забываете все свои планы бегства. До следующего утра, когда все начинается заново.

Через десять минут после регистрации в *Cal-a-Vie* мы с Джен вернулись к столу регистрации. У нас ЧП, сказали мы администратору.

Медицинское.

Личное.

Вагинальное, намекали наши брови.

Нам отдали ключи от машины. Мы запрыгнули в нее и были таковы.

Я не собираюсь рассказывать о том, что произошло дальше.

Я *никогда* не буду рассказывать о том, что произошло. Я просто скажу вам, что мы вернулись в спа спустя полтора часа, воняя позором и жиром фастфудной автозабегаловки.

Мы запаниковали. Страх грядущей диеты оказался сильнее нас.

Теперь же я жду паники. Но она не приходит. Я готова.

Я беру листок бумаги и приклеиваю его на обратную сторону дверцы шкафа. Забираюсь на весы. Смотрю на число. Испускаю каскад бранных слов, от которых любой матрос спасался бы бегством с плачем и криками. С ручкой в руке возвращаюсь к листку на дверце. Записываю дату. Записываю свой вес. Смотрю на это число. Потом срываю эту бумажку и бросаю в мусорное ведро.

Я больше не хочу никогда видеть это число.

Да-да-да.

Я предоставила себе выбор. Какое «да» я хотела сказать? Было два варианта.

Я могу сказать: да, я хочу добиться в этом успеха. Я хочу быть здоровой. Я хочу прожить долгую жизнь ради себя и своих детей. Я хочу чувствовать себя хорошо. И, как только я это скажу, я должна взяться за гуж, делать дело, не жаловаться и согласиться с тем, что это будет тяжелая работа. Потому что это так и есть. Работа. Тяжелая работа.

Зато я смогу пристегивать ремень в самолете. У меня не будет нарциссических страхов перед кармической авиакатастрофой. У меня не будет гигантского гроба и необходимости покупать палатку вместо платья.

Если я скажу «да», то жизнь, которую я спасу, будет моей собственной.

Или: я могу сказать «нет». Послать снижение веса подальше.

В пень вас, кожа да кости!

Я могу сказать: я *не хочу* добиваться в этом успеха. Я хочу есть жареную курицу. Я хочу быть телятиной.

Но если я скажу «нет», если я скажу, что не хочу делать эту работу? Тогда игра окончена. Мне придется заткнуться. Я не хочу снова слышать собственное нытье насчет того, как я не смогла пристегнуть ремень в том самолете. Я не хочу слушать собственный монолог о том, как это обидно, когда не можешь коснуться пальцев на ногах. И не приходи ко мне, я, стенаю о том, как были ранены твои чувства, когда ты не узнала себя в зеркале. Потому что я сделала выбор. Я сказала «нет».

Погодите-ка!

Ведь я сказала «да».

Я сказала «да» жирдяйству.

И если я говорю «да» жирдяйству, то мне необходимо нормально относиться к тому, что я буду долбаного 58-го размера. Мне нужно принять себя такой, какая я есть. Мне нужно купить собственный удлинитель ремня и вытаскивать его из сумки, смело и гордо, когда я сажусь в самолет. И пусть только идиот-сосед осмелится что-нибудь сказать!

Проблема жирдяйства – не в жирдяйстве.

Проблема во мне.

Если я не собираюсь меняться, мне нужно жить дальше. Я не могу тратить драгоценное время на зависание в «ах, как жаль» и «если бы только».

Вот что такое быть мечтателем. Мечтатели никогда ничему не говорят «да».

Я ДОЛЖНА ДЕЛАТЬ.

ТОЛСТАЯ ИЛИ ХУДАЯ.

Я должна ДЕЛАТЬ.

Не знаю, с чего я вдруг решила, что это будет легко. Хорошее легко не дается.

На работе я – крутая воительница. Одержимая духом конкуренции. Я тружусь, как проклятая. Черт, я крутая, одержимая духом конкуренции воительница даже в игре в крокет с собственными *детьми*! Как-то раз дух конкуренции одолел меня в вязании. В ВЯЗАНИИ. Вот потому-то мне не разрешают вязать в присутствии других людей. Острые предметы, кровавая жажда победы, мотки шерсти – не самое хорошее сочетание.

Я усердно работаю – так я добиваюсь успеха. Так добивается успеха ЛЮБОЙ. Так с какого же перепугу я решила, что снижение веса будет чем-то другим?

Эта мысль служит для меня озарением. Мысль о том, что это не развлечение – это работа для крутой воительницы. Мысль о том, что снижение веса НИКОГДА не будет доставлять мне удовольствия. Что я ВСЕГДА буду хотеть жареной курицы. ВСЕГДА. ВО ВЕКИ ВЕКОВ.

Я всегда буду предпочитать бегу или беговой дорожке позу «свернувшись клубком на диване с книжкой». До конца моих дней моя кровь будет бежать чуть быстрее от ароматов темного шоколада и бекона, смешанных вместе. Чизкейк всегда будет иметь для меня вкус любви. О, мне никогда не суждено полюбить снижение веса. Похудение – это не развлечение. И никогда развлечением не будет.

ОНО НЕ ПРИНЕСЕТ МНЕ НИКАКОЙ РАДОСТИ.

ОНО БУДЕТ ПИНАТЬ МЕНЯ В ЗАД И ВТАПТЫВАТЬ В ЗЕМЛЮ.

Почему-то это понимание здорово поднимает мне настроение.

Прелесть сниженных ожиданий.

Когда я перестала рассчитывать, что мне это понравится, когда я перестала требовать, чтобы снижение веса было легким или приятным, когда я перестала желать, чтобы заиграл оркестр, необходимость уделять внимание тому, что попадало мне в рот, стала сносной.

Потому что я не рассчитывала, что когда-нибудь станет лучше.

Лучше не будет НИКОГДА. Это просто... отстой.

Я сказала «да» снижению веса 8 марта 2014 года.

Встав на весы 1 марта 2015 года, я обнаружила, что сбросила почти пятьдесят килограммов. Сейчас, когда я пишу эти строки, летом 2015 года, я еще сильнее похудела. Неожиданно. С другой стороны, все, что было сброшено после семи с половиной кг, было неожиданностью.

Больше, чем пара-тройка килограммов. Неожиданно больше.

Но слово «да» – могучая штука.

Итак. Я расскажу вам, как это было тяжело. Как я это ненавидела. И как все равно это делала.

Но, друзья-читатели, кто-то из вас все равно задаст этот вопрос. Кто-то из вас спросит...

– Шонда, какую вы соблюдали диету? Какую программу применяли?

Разве я не сказала, что это никогда не будет легко? Никогда не будет быстро? Если бы это было легко и быстро, разве остался бы на свете хоть кто-то, рассуждающий о том, как трудно сбросить вес?

Кстати, я готова спорить, что все эти распиаренные программы, рекламу которых вы слышите и видите, в том числе от своего врача, – они *работают*. Но только в том случае, если вы решите, что ВЫ выполните свою работу, чтобы заставить их работать. Мораль: ничто не будет работать, если вы не решите на самом деле, что воистину и по-настоящему готовы делать дело.

Вы готовы?

Вот как можно понять, готовы вы или нет: три года назад, если бы кто-то сказал мне что-то вроде: «Ничего не заработает, пока ты не будешь по-настоящему готова ради этого поработать», я бы силком кормила советчика сливочным маслом, пока он не стал бы весить тысячу фунтов. Потому что это звучит как полный отстой. Все кажется полным отстоем, пока не придешь в нужный психологической настрой. Все кажется полным отстоем, пока ты по-прежнему занята перечислением причин, которые заставят тебя съесть этот торт целиком.

У тебя *должна быть* возможность съесть весь этот торт. Да. Должна быть. И ты *можешь*. Ты можешь съесть весь этот вкусный торт. Тебе нужно просто принять как должное, что он добавит тебе жирное брюхо. И это нормально. Просто потом не жалуйся на то, что у тебя жирное брюхо. Перестань поносить и стыдить себя.

Перестань прятаться. Будь заодно со своим жирным брюхом. Трать свое бесценное время, думая о чем-то еще помимо своего веса.

Итак. Переходим к...

– Но, Шонда, все же какую диету вы соблюдали? Какую программу применяли?

О-хо-хо... Ладно.

Я не сидела ни на какой конкретной диете и не применяла никакую конкретную программу. И не делала никакой снижающей вес операции. Но я скажу вам, что я делала.

Я не профессионал ни в чем, кроме сценариев про придуманных телевизионных врачей, так что помните, что я абсолютно НИЧЕГО не знаю о снижении веса. Потому что я ПИСАТЕЛЬ. Что значит, что я всячески рекомендую вам вот что.

1.

Для начала встретиться с официально работающим врачом-терапевтом. Я пошла к своему врачу и сказала: «Я больше не хочу быть жирной. Помогите. Мне». Врач буквально аплодировала мне. Ева в этом смысле – супер. Я потребовала и получила полное физическое обследование. Я сделала это, чтобы знать, с чем я работаю. Я хотела иметь возможность видеть прогресс даже в самом малом. Я делала все, что велела мне делать мой врач.

После этого...

2.

Я задумалась об упражнениях. Я обещала себе, что никогда не буду выполнять упражнение, если оно не будет мне нравиться. И не выполняла. Поначалу я вообще не упражнялась. Я была слишком поглощена стараниями убедить себя не есть все, что оказывалось в пределах досягаемости. Но когда я почувствовала, что готова, я позвонила тренеру. Я тренировалась с Жанетт Дженкинс и раньше. Ну, то есть в основном я жаловалась и хныкала, в то время как она пыталась заставить меня пошевелить телом. Теперь же я была готова делать то, что мне говорят. Жанетт убедила меня заниматься пилатесом, и я влюбилась в него. Ну а кто бы не влюбился? Это упражнения, которые делаются *лежа*. Взаправду. Словно вселенная наконец решила дать мне поблажку. Да, это было очень трудно. Но все же. ЭТО ДЕЛАЕТСЯ ЛЕЖА.

3.

Я заставляла себя выпивать 64 унции^[34] воды каждый день. Это МНОГО воды. Но в результате моя кожа стала выглядеть фантастически.

4.

Я решила – и это стало для меня самым важным правилом, – что никакая еда для меня не под запретом. Я могла есть все, что захочу. При условии, что буду есть разумными порциями. А еще – и это была самая трудная составляющая – я могла есть только то, чего страстно желала. Попробуйте делать это в течение одного-единственного дня. Я настолько привыкла питаться просто потому, что было время завтрака, обеда или ужина! – я никогда не задумывалась всерьез, голодна ли я, не говоря уже о том, *жажду* ли я чего-то конкретного. Я никогда прежде не прислушивалась к своему телу всерьез. Знаю, знаю: фразы типа «прислушиваться к своему телу» звучат подозрительно. Как «синергия». Но это работает!

Актеры из моих сериалов, похоже, поняли, что происходит, раньше всех остальных. Наверное, потому, что у них, актеров, тела – рабочие инструменты. Потому что на них смотрят целыми днями. Они обязаны быть физически осознанными, поэтому они сразу поняли, что для меня что-то изменилось. Да, они поняли – и, казалось, интуитивно угадали, какими трудами дается мне снижение веса. И окутали меня своей поддержкой.

Кэти Лоус, Скотт Фоли, Керри Вашингтон и Эллен Помпео взяли на себя роль моих еженедельных болельщиков. Всякий раз, как я встречалась с кем-то из них на читке, у них находилось для меня ободряющее слово или объятие. Когда у меня наметился прогресс, Эллен сурово сказала мне: «Будь осторожна. Не расслабляй зад, леди». *Невозможно, Элс.*

Когда я начала по-настоящему худеть, стали происходить интересные события. Я перестала думать о своем теле как о контейнере для моего мозга. Я стала больше его осознавать. Во всех отношениях. Как оно работает, как оно себя чувствует, как движется. Я замечала, как мышцы моей спины напрягаются в ответ на стресс. Я чаще потягивалась. Это прозвучит странно, но я стала одержима стараниями сделать свою кожу идеально гладкой и нежной. Это означало ТЩАТЕЛЬНОЕ увлажнение коленей, стоп и рук перед сном.

И я начала чувствовать себя физически сильной. В смысле – по-настоящему сильной. Теперь, вставая в «позу силы», я не просто чувствовала себя уверенной, *как Чудо-женщина. Я чувствовала себя Чудо-женщиной.*

Двадцать пять сброшенных килограммов спустя я посадила на закорки Эмерсон и принялась галопировать по коридорам нашего дома, а она держалась за мои плечи и попискивала. Уложив ее днем поспать, я села на лестнице и разразилась слезами. Четыре месяца назад я не смогла бы заставить себя пробежаться по коридору с ребенком на закорках хотя бы один раз. Даже пройтись быстрым шагом. А галоп почти прикончил бы меня. Теперь я даже не запыхалась.

Впервые в жизни женщина, которую приходилось одевать, как ребенка, с наказом стоять смиренно в ожидании Опры, начала проявлять интерес к одежде. Дана Эшер не один год была моим стилистом. Но одевать меня для мероприятий было все равно что одевать толстый манекен – у меня не было никакого своего мнения, я просто носила одежду. Мне было совершенно наплевать, что Дана на меня натянёт, только бы чувствовать себя невидимкой. Не то чтобы это имело какое-то значение, ведь ассортимент выбора одежды для женщин плюс-сайз всегда был скудным. Это угнетало.

Теперь у меня наметилась противоположная проблема. Число вариантов выбора стало бесконечным. Ошеломляющим. Но я никогда прежде не отоваривалась в отделах одежных магазинов со стандартными размерами. Я чувствовала себя неловко. Я не представляла, что будет смотреться хорошо на этом новом теле, к которому я начала привыкать. Дана буквально выпотрошила мои шкафы. Все, что мне принадлежало, вплоть до белья, стало велико. Хорошие вещи пошли на благотворительность. (Я ухитрилась оставить себе все свои футболки с тематикой «Анатомии страсти» – они теперь висели на мне, но я не соглашалась расстаться с ними.) Больше почти ничего не осталось. Мы начали все заново. Дана учила меня одеваться, знакомила меня с цветами, о которых я никогда и не думала, убалтывала меня пробовать облегающую одежду. Я знакомилась с дизайнерами. Но ни одна вещь из тех, что я теперь носила, не заставляла меня чувствовать себя невидимкой.

Внутри *этого* тела я нормально относилась к тому, что люди меня видят.

Мужчины. Вообще-то они видели меня и раньше. Но я не обращала на это внимания. Я была в кладовке. Я писала. Я усердно пряталась. А в последнее время была занята защитой себя от того, что происходило в моей жизни.

Сейчас я прихожу к осознанию того, что составляло часть этих событий.

Стеснительность.

Интроверсия.

Слой жира.

Я – тихая «ботанка»-писательница, которая чуть ли не в мгновение ока стала... в общем, известной. Известность, даже в том случае, если ты актриса, считается данью, которую платишь за возможность делать свою работу на высочайшем уровне.

А для писателя?

Неожиданное потрясение от известности было... потрясающим. И капельку устрашающим. Большинство писателей не ставят себе целью стать известными. Они ставят себе целью сидеть в одиночестве в пижаме в своей кладовке и мечтать. Они ставят себе целью рассказывать истории. Они ставят себе целью творить миры. Вот они какие.

Такова я.

Была.

А потом ударила молния – самым сумасшедшим, самым изумительным образом. И люди начали запоминать мое имя и узнавать меня в лицо. А это сопровождается обилием внимания. С самых разных сторон.

Со стороны людей, которые никогда прежде не смотрели в мою сторону. Теперь ВСЕ они смотрели в мою сторону. И улыбались. И были вежливы. И предлагали мне всякое-разное.

Я не хотела, чтобы на меня смотрели. Мне было не по себе, когда меня видели. Я просто хотела писать и тусоваться с теми же друзьями, которые были у меня всегда, и чтобы меня оставили в покое.

Когда твое тело – контейнер для переноски мозгов, это чертовски хорошая охранная система.

Однако теперь меня видят.

И мне постепенно становится комфортнее быть видимой.

Я привыкаю к тому, что меня видят.

Я осознаю, что есть какая-то часть меня, которая *хочет*, чтобы ее видели.

Что это нормально – хотеть, чтобы тебя видели.

Нормально, когда тебе *нравится*, что тебя видят.

Меня видят.

Это все еще случается, когда я прохожу мимо зеркала. Я краем глаза ловлю отражение и думаю: «Кто это?» Женщина в зеркале такого размера, который был только в 16. И она выглядит моложе, словно ее билетик во второй раз подряд выиграл в генетической лотерее.

Но это я. Я вижу себя.

Мне нравится то, что я там вижу.

Эта женщина кажется счастливой.

Все, что для этого потребовалось, – «да» подходящего типа.

И салат.

О да! Знаете что?

Бетси была права.

Действительно полезно приучить себя любить салаты.

Терпеть не могу, когда она оказывается права!

9

«Да» – вступлению в клуб

Примерно через год после начала моего года «Да» Крис номер один звонит и говорит мне, что журнал *Hollywood Reporter* присуждает мне премию Шерри Лансинг на ежегодном завтраке «Женщины в сфере развлечений». Его тон звучит успокаивающе мягко, с приятными тонами психиатрической медсестры, когда он сообщает, что мне придется произнести речь.

Потом ждет, пока я начну психовать.

Эта речь – не какая-то там среднестатистическая речь. Дартмутская приветственная – это было серьезное дело, да. Но это!

Здесь будет не толпа дартмутских выпускников, глядящих в будущее, ждущих откровений. Не кучка полных надежд и счастья родителей, пребывающих в восторге от того, что закончились выплаты сотен тысяч долларов за обучение отпрысков.

Здесь все сказано прямо в названии: речь адресована женщинам в сфере развлечений. Это *влиятельные* женщины в сфере развлечений. Знаете, откуда я это знаю? *Hollywood Reporter* публикует список, прилагающийся к этому мероприятию. Он называется «100 влиятельных».

Некоторые женщины, которые будут в этом зале слушать мою речь, – легенды. Шерри Лансинг *сама* была в этом зале.

Крис ждет, что я начну вопить. Он ждет воплей в ухо в духе «куриная-кость-грудь-Дженет-Джексон-сопли-от-страха». Долгое мгновение я молчу. Потом:

– Ладно, – говорю я.

– Ладно? – В его голосе растерянность. – Ладно – в смысле ладно, хорошо?

– Ага. Ладно, хорошо.

Крис думает, что я, возможно, не понимаю.

– Ты должна ПРОИЗНЕСТИ-И-И РЕ-ЕЧЬ. – Он проговаривает это медленно. Громко. Словно я стала туга на ухо. Словно я действительно старуха.

Но я его услышала. И я нервничаю. Но время пришло.

Это зал, полный женщин. Влиятельных женщин. Я в их списке. Теоретически я одна из этих влиятельных женщин. Теоретически они – равные мне. И все же...

Я не знакома лично ни с одной женщиной из этого списка. Что это на самом деле такое? Зал, полный незнакомых людей. Влиятельных незнакомых людей.

Я наслаждалась этим годом так, как давно уже не наслаждалась жизнью. Я взволнована, полна энергии и чувствую себя живой. Я прогрессирую, у меня стало получаться гораздо лучше, но у меня нет друзей в этой индустрии помимо тех, кто работает в моих сериалах. Все, кого я знаю, работают либо на меня, либо со мной. Я – влиятельная женщина, которая не знакома ни с одной влиятельной женщиной.

Я есть в этом списке, но я не *одна из* этого списка.

Куриная кость, грудь Дженет Джексон, сопли от страха, все такое.

Я слишком долго была черепахой в собственном панцире по отношению к своим сестрам в этой индустрии.

Пора перестать жаться по углам. Красться по стеночке. Жить в своей голове. Жалеть, что мне нечего сказать. Если я что и усвоила из всего этого Сизифова пихания меня в гору, так это то, что, если я не стану высовывать голову из панциря, все так и будут считать, что я – это мой панцирь.

Пора занять свое место в списке.

РЕЧЬ НА ЗАВТРАКЕ «ЖЕНЩИНЫ В СФЕРЕ РАЗВЛЕЧЕНИЙ», ОРГАНИЗОВАННОМ *HOLLYWOOD REPORTER*

10 декабря 2014 года

Лос-Анджелес, Калифорния

О СТЕКЛЯННЫХ ПОТОЛКАХ

Когда мой рекламный агент позвонил и сказал, что мне присудили эту почетную награду, я скроила рожицу и переспросила: «Ты уверен? Мне?»

А он говорит: «Да».

А я спрашиваю: «Почему?»

А потом говорю: «Нет, правда, ПОЧЕМУ?»

И я заставила его позвонить и потребовать письменных объяснений, почему я получаю эту награду. Потому что я честно и искренне опасалась, что это, возможно, какая-то ошибка.

Я хочу сейчас прерваться на минутку и сказать, что говорю об этом не ради самоуничижения или скромности.

Я человек, не склонный к самоуничижению и скромности.

Я вообще считаю себя фантастической личностью.

Но я также думаю, что присуждаемая *Hollywood Reporter* премия Шерри Лансинг – награда выдающаяся, как и сама Шерри Лансинг.

Так что... нет, правда, ПОЧЕМУ?

Организаторы прислали письменное объяснение – причины, по которым я получаю эту награду. В письме было много всяких приятных вещей, но главной из них было то, что я получаю эту награду в знак признания моего прорыва сквозь стеклянный потолок этой индустрии – прорыва как женщины и как афроамериканки.

Ну-у...

Я снова звоню своему рекламному агенту.

Потому что я просто не знаю, что и думать. В смысле теперь я уже действительно обеспокоена.

Я родом из очень большой, очень конкурентной семьи. Крайне конкурентной. И под словом «конкурентный» я имею в виду, что моя мать запретила нам на веки вечные играть в скребл, когда мы собираемся вместе, из-за травм и слез. Одно из правил моей семьи состоит в том, что ты никогда не получаешь приз просто за участие, никогда не получаешь приз просто за то, что ты – это ты. Так что получать сегодня награду ПОТОМУ, ЧТО я женщина и афроамериканка, – это, мне кажется...

Я родилась с великолепным влагилицем и поистине прекрасной темной кожей.

Я не сделала ничего такого, чтобы случилось то или другое.

Как сказала бы об этом Бейонсе, девочки: «Я такой проснулась».

Серьезно.

Я знаю, что это награда не за то, что я женщина, и не ЗА ТО, что я афроамериканка. Я знаю, что на самом деле дело в пробивании стеклянного потолка, который существует перед лицом женщины и чернокожей в этом очень мужском, очень белом городе.

Но я не пробивала никакой стеклянный потолок.

«Знают ли они, что я не пробивала никакой стеклянный потолок?» – спрашиваю я своего рекламного агента.

Он уверяет меня, что пробивала. Я уверяю его – нет, не пробивала.

Я не пробивала никаких стеклянных потолков.

Если бы я пробила какой-то стеклянный потолок, я бы знала об этом.

Если бы я пробила какой-то стеклянный потолок, я бы чувствовала порезы, у меня были бы синяки. Были бы осколки стекла в моих волосах. У меня текла бы кровь, у меня были бы раны.

Если бы я пробила какой-то стеклянный потолок, это означало бы, что я пробились на другую сторону. Туда, где такой замечательный воздух. Я ощущала бы ветерок на лице. Вид отсюда – оттуда, где был пробит этот стеклянный потолок, – был бы невероятным. Верно?

Так как же такое может быть, что я не помню этого момента? Момента, когда я со своей женственностью и своей темной кожей врзалась на полной скорости, черт бы побрал гравитацию, в этот толстенный слой стекла и проломилась сквозь него?

Как такое может быть, что я не помню, как это случилось?

А вот как.

На дворе 2014 год.

Этот момент – в этом зале, когда я стою здесь, вся такая темнокожая, со своими буферами, со своими телевечерами по четвергам, в которых полным-полно цветных женщин, конкурентных женщин, сильных женщин, чьи жизни вращаются вокруг их работы, а не их мужчин. Женщин, которые высоко летают.

Это могло случиться только прямо сейчас.

Задумайтесь об этом.

Обведите взглядом этот зал. Он полон женщин всех цветов кожи, женщин Голливуда, женщин – генеральных директоров, руководителей студий и вице-президентов, создателей программ и режиссеров. Женщин, которые обладают решающей способностью говорить чему-то «да» или «нет».

Пятнадцать лет назад это было бы не так. Тогда нашлась бы, пожалуй, парочка женщин в Голливуде, которые могли говорить «да» или «нет». И множество девушек на побегушках и ассистентов, которые скрежетали зубами и усердно трудились. Для такой женщины, как я, если бы мне очень, очень, ОЧЕНЬ повезло, нашлась бы, может быть, одна такая малюсенькая программка. Одна малюсенькая съемка. И в этой съемке не участвовала бы ведущая цветная актриса, не было бы никаких трехмерных ЛГБТ-персонажей, никаких персонажей-женщин с ответственными рабочими постами *И ПРИ ЭТОМ* с семьями. Не было более двух цветных персонажей одновременно в любой сцене – потому что все это случалось только в ситкоммах.

Тридцать лет назад, думаю, здесь была бы тысяча секретарш, дающих своим боссам в офисах по загребушим лапам, и примерно две женщины в Голливуде, сидящие в этом зале. А если бы я была здесь, я подавала бы этим женщинам завтрак.

Пятьдесят лет назад, если бы женщины пожелали собраться в этом зале... ну, им лучше всего было бы говорить о детях или о благотворительности. Причем цветные женщины заседали бы в одном зале, вон там, а белые женщины в другом, вот тут...

От «тогда» к «сейчас» все мы совершили невероятный скачок.

Подумайте обо всех этих женщинах.

О них, пятьдесят лет назад пытавшихся выбраться из отдельных залов, тридцать лет назад пытавшихся не подавать завтрак и не давать лапоть себя боссам, пятнадцать лет назад пытавшихся дать четко понять, что они способны руководить отделом не хуже, чем вон тот парень.

Обо всех этих женщинах, белых, черных или коричневых, которые пришли до меня в этот город.

Подумайте о них.

Головы выше, взгляд на цель.

Бегом. На полной скорости. К черту гравитацию.

К этому толстому слою стекла, из которого состоит потолок.

Бегом, на полной скорости, врезаясь...

Врезаясь в этот потолок и отлетая...

Врезаясь в него и отлетая...

В него – и назад.

Женщина за женщиной.

Каждая бежала, и каждая врезалась.

И все отлетали.

Скольким женщинам пришлось врезаться в это стекло, прежде чем появилась первая трещина?

Сколько они получили порезов, сколько синяков? С какой силой им приходилось врезаться в этот потолок? Скольким женщинам пришлось врезаться в это стекло, чтобы оно пошло рябью, чтобы рассыпалось тысячько осколков, запутавшихся в волосах?

Скольким женщинам пришлось врезаться в это стекло, прежде чем давление их усилий заставило его превратиться из толстого стекла в тонкую пленочку расколотого льда?

Так что, когда настала моя очередь бежать, он даже не был похож на потолок.

Я имею в виду, ветер уже свистал сквозь него – я почти ощущала его на лице. И в нем были все эти дыры, позволявшие мне прекрасно разглядеть ту, другую сторону. Думаю, даже гравитация к тому времени уже исчерпала себя. Так что мне не пришлось особенно тяжело сражаться. У меня было время, только чтобы рассмотреть эти трещины. У меня было время, чтобы решить, где воздух кажется наиболее изумительным, где ветер самый прохладный, где самый захватывающий вид. Я выбрала свою дырку в стекле и назвала ее своей целью.

И побежала.

И когда я наконец врезалась в этот потолок, он просто рассыпался в пыль.

Вот так.

Мои сестры, которые пришли до меня, уже справились с ним.

Никаких порезов. Никаких синяков. Никакой крови.

Чтобы пробиться сквозь стеклянный потолок на другую сторону, надо было просто пробежать по пути, проложенному отпечатками ног всех остальных женщин.

Я просто ударила точно в нужное время точно в нужном месте.

Так что сегодня я нарушаю наше семейное правило.

Это приз за участие.

И я более чем польщена и горда, принимая его.

Потому что – что это было? Это было коллективное усилие.

Спасибо всем женщинам в этом зале.

Спасибо всем женщинам, которые так и не попали в этот зал.

И спасибо всем женщинам, которые, я надеюсь, будут заполнять зал в сто раз больший, чем этот, когда всех здесь уже не будет.

Все вы – вдохновение.

10

Да, спасибо

Я была на ужине в честь женщин на TV, устроенном журналом *Elle* и его главным редактором Робби Майерс. Это было одно из «Да-мероприятий», посещать которые я договорилась сама с собой. В начале года «Да» я боялась этих мероприятий как огня. Светская болтовня, нервы, фотографы – все это было чересчур, так что мозг сводило судорогой. Но к этому моменту я обнаружила, что едва ли не с нетерпением жду таких

событий. Мне было почти комфортно. Я поулыбалась для фотографов и прошла вдоль строя журналистов внутрь здания, где мне удалось, и очень неплохо, обменяться интеллектуальными краткими беседами с талантливыми писательницами и актрисами, которыми я давно восхищалась.

Вдохнуть, выдохнуть.

Больше не было неприятного молчания, когда люди смотрели на меня в ожидании, пока я заговорю. Я больше не прибегала к старому трюку, стараясь стоять неподвижно, как мраморная статуя, в надежде, что застывшее тело каким-то образом сделает меня невидимой.

Я блаженно перестала бояться швырнуть куриную кость через всю комнату.

В те дни мне нужна была только одна пара утягивающего белья. Оно по-прежнему сидело на мне слишком плотно, но все же... Прогресс!

Я на самом деле ловила себя на мысли: «Это будет прекрасный вечер».

Перед началом ужина Робби Майерс приветствовала нас. Она была остроумна и забавна, называла имя каждой из нас и представляла другим. Затем, объясняя, почему именно эти люди избраны в составленный журналом список замечательных женщин на TV, она перечисляла достижения каждой женщины.

Эти достижения были новаторскими, смелыми и впечатляющими. Необыкновенно много сильных, состоявшихся женщин собрались за этим столом.

И все же, когда главный редактор указывала на очередную женщину и называла ее впечатляющие достижения, неизменно – *неизменно!* – каждая из названных женщин реагировала одним из следующих трех способов.

1.

Качала головой и отводила взгляд, отмахиваясь от сказанных в ее адрес слов и аплодисментов, словно говоря: «Нет. Не-е-ет! Да нет, в общем-то... Послушайте! Все это не так значительно, как она вам говорит. Наверное, на самом деле я просто мыла полы, споткнулась и упала, а по пути нечаянно набрала на клавиатуре весь этот сценарий».

2.

Склоняла голову со смущенным выражением на лице: «Я? Она говорит обо мне?! Не говорите обо мне, никому не следовало бы даже говорить обо мне. Поговорите о ком-нибудь другом». Если при оглашении имени следовала какая-то приветственная реакция, она закрывала лицо ладонями. Словно пыталась защититься от трагедии, разворачивавшейся на ее глазах.

3.

Смеялась. Униженным, пристыженным, ошеломленным смехом в духе «поверить не могу, что вообще сижу за этим столом со всеми этими великолепными людьми, потому что то, что она говорит обо мне, – величайшая на свете ложь. Но они все равно пустили меня сюда!». Все в ней кричало: «НИЧЕГО СЕБЕ! Вот просто... НИЧЕГО СЕБЕ!»

Я выбрала «дверь номер два».

Робби Майерс бойко оттарабанила список всего, что я успела сделать. Перечислила все мои работы, все методы, которыми я изменила нынешнее изображение женщин на TV, нынешнюю подачу на TV цветных людей. Я пригнула голову, покачала головой. Закрывает лицо ладонями, дожидаясь, пока рассеется внимание и стихнут аплодисменты.

Здесь не на что смотреть, граждане. Проходите дальше.

Дверь. Номер. Два.

Но когда главный редактор присела рядом со мной и очень любезно проговорила нечто вроде:

– Кстати, Шонда, откуда вы родом? Из Огайо, верно?

Я ответила:

– Вы заметили, что ни одна женщина в этом зале не в состоянии вынести, когда ей говорят, что она великолепна? Что с нами *не так?*

Главный редактор моргнула. Я не соблюла правила застольной беседы, которые требуют начинать с легкой болтовни. Для начала пробовать воду пальчиками. А я просто взяла и прыгнула в самую глубокую часть бассейна.

Она моргнула. А потом улыбнулась.

А потом у нас состоялась одна из самых честных и интересных бесед, какие случались у меня с совершенно незнакомыми людьми, притом что я жестоко страдала от недостатка притока кислорода в мозг из-за туго сидевшего утягивающего белья.

Но эта мысль оставалась со мной.

Донимала меня.

От нее у меня зудел загривок.

Ни одна женщина во всем зале не сумела справиться с ситуацией, когда ей говорили: «Ты великолепна». Я не смогла справиться, когда мне сказали, что я великолепна. Что, черт возьми, с нами не так?

Никаких ответов у меня не было.

И, не имея ответов, я сделала то, что теперь начала делать в таких ситуациях.

Я решила сказать ситуации: «Да».

Я ловлю себя на том, что делаю это все чаще и чаще.

Вместо того чтобы погрязнуть в этой проблеме, я определила, каким будет ее «да».

Иногда это выливается в абсурдную интеллектуальную игру. Но по большей части срабатывает.

Смысл всего этого проекта, года «Да» – говорить «да» тому, что меня пугает, тому, что для меня трудно. Так что для того, чтобы сказать *ДА* какой-то проблеме, мне приходится находить внутри проблемы то, что представляет для меня трудности, пугает меня или попросту *бесит*, – а потом я должна сказать «да» *этой составляющей*.

Вроде бы полное абсурдное безумие.

Но, как я постепенно начинаю понимать, это не безумие. Я устремляюсь в дикие земли, и там сплошь мрак, и терновые кусты, и каменистые горные тропы, и я плююсь бранными словами налево и направо, а потом вдруг...

Я прорываюсь на чистое место и обнаруживаю, что стою на вершине горы. В легких воздух. Солнечные лучи на лице.

Это не безумие. Это просто очень трудно.

Это как хирургическая операция. Невозможно закрыть пациенту грудную клетку, пока не найдешь рану и не прооперируешь ее. Проблема – вскрытая грудная клетка, рана – трудность, а «Да» – операция. Вы ведь сейчас потешаетесь надо мной и моей метафорой, верно?

Потешаетесь. Я это чувствую.

Не судите строго.

Народ, я ведь ДВЕНАДЦАТЬ СЕЗОНОВ писала «Анатомию страсти». Я могу даже во сне взять общий клинический анализ крови и анализ на биохимию, определить вашу конституцию, наложить крестообразную повязку и подобрать совместимую кровь. Знаете, как диагностировать аппендицит? Температура и чувствительность над точкой Мак Бурнея. Распространенные причины послеоперационного повышения температуры? Их пять – газы, вода, ходьба, травмы и «чудодейственные» средства.

Если бы у вас сейчас начались роды? Я могла бы сделать вам кесарево.

Вам этого не надо.

Но я могла бы.

И, как скажет вам любая из моих сценаристок, прошедшая через беременность, я бы это сделала.

Это я к тому, что мои метафоры – медицинские.

И еще к тому, что, если вы у меня на глазах потеряете сознание, я вскрою вам грудную клетку, подключу вас к кардиостимулятору и начну называть вас Денни.

Так что постарайтесь не терять при мне сознание.

Скажите «да» сознательности.

Неважно.

Я решаю это сделать. Я решаю, что если уж так трудно признать собственные достижения, принять комплимент, не втягивать голову и не выбирать «дверь номер два», то я буду говорить «да» принятию любых и всяческих достижений личной фееричности – отчетливо сказанным, спокойным «спасибо», уверенной улыбкой и ничем больше.

Я буду говорить «да» и просто... посмотрю, что будет.

Легче сказать, чем сделать.

Кто-то говорит: «Обожаю ваши сериалы».

Знаете, что я говорю в ответ?

Я говорю: «О боже мой, мне просто очень повезло. По-настоящему повезло. Дело не во мне, а во всех, кто со мной работает».

Ладно. Разберемся.

Все, кто со мной работает? Они ВОСХИТИТЕЛЬНЫ. Я воистину окружена людьми – актерами, линейными продюсерами^[35], режиссерами, художниками-декораторами, костюмерами, завхозами, водителями, сценаристами – множеством людей, которые невероятно талантливы и без которых «Шондалэнд» буквально не мог бы существовать. Есть группа крутейших людей на ABC, без которых тоже нельзя обойтись. Мой агент Крис. Мой адвокат Майкл. Множество людей сделали «Шондалэнд» тем творческим, счастливым и успешным местом, коим он является.

Так что дело **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** во всех, кто со мной работает.

Но почему я бегаю и уверяю всех, что дело НЕ во мне?

Потому что это же правда.

Это я.

Это я, и это они.

Это МЫ.

И что такого, черт возьми, в этой фразе «мне просто очень повезло»?

Мне не «просто повезло».

Никому, кто добился успеха, не «просто повезло»!

Не на манер «она споткнулась и упала прямо в таблицу телевизионных рейтингов».

«Просто повезло» подразумевает, что я ничего не делала.

«Просто повезло» подразумевает, что мне что-то подарили.

«Просто повезло» подразумевает, что мне вручили то, чего я не заслужила, ради чего я не вкалывала, как проклятая.

Милые читатели, пусть вам *никогда* не будет «просто везти».

Я не везучая.

Знаете, какая я?

Я умная, я талантливая, я пользуюсь возможностями, которые мне подворачиваются, и я очень, очень усердно тружусь.

Не зовите меня везучей.

Зовите меня крутой.

Да-да-да.

Ладно. Теперь я кое в чем вам признаюсь.

Все это было актерской игрой.

Есть такая часть моего мозга, которая ОРЕТ на меня прямо сейчас за то, что я отвечаю себе все эти комплименты. Орет, и заламывает свои мозговитые ручонки, и нервно подпрыгивает.

«Такое нельзя говорить вслух! Люди будут думать, что ты веришь, будто ты...»

Будто я – что?

Своевольная.

Высокомерная.

Нескромная.

А вот и не шутка. Она это всерьез.

Минди Калинг *серьезна*.

Она хочет, чтобы я пришла и сыграла в «Проекте Минди».

Не выступила с речью.

Не стала гостьей ток-шоу.

Стать актрисой.

Играть.

Играть вымышленную версию самой себя, да. Но все же...

Играть. На TV.

А у меня на самом деле и выбора-то нет. Я же воплощаю в жизнь год «Да».

А еще? Я влюблена в ее сериал.

А еще?

Минди – одна из дартмутских сестер. Член мафии.

И Минди – П.Е.И.

Первая. Единственная. Иная.

Я задумываюсь о том, сколько вопросов задают Минди из-за того, что она американка индийского происхождения. Наверное, столько же, сколько задают мне насчет моего афроамериканского.

Каково вам, женщине-афроамериканке... (*заполните пробел*)?

Намек. Ответ, чем бы ни был заполнен этот пробел, всегда одинаков: не знаю. Поскольку я никогда не была никем иным, кроме как чернокожей женщиной, я не могу сказать вам, насколько иными являются мои ощущения по сравнению с ощущениями любой белой женщины. Это омерзительный вопрос. Перестаньте его задавать.

Готова поспорить, Минди ненавидит свой статус П.Е.И. так же, как я.

Я говорю ей «да».

Сразу же после того, как я говорю «да», меня настигает ужас этой ситуации. Я придумываю всевозможные пути отступления. Можно, к примеру, чем-нибудь серьезно заболеть. Третий Крис в моей жизни (если вы еще не потеряли счет, у нас первый Крис – рекламный агент, а второй – Крис-крестный), мой агент Крис Силберманн, говорит, что ничего отменить я не могу. Он говорит, что я сказала, что сделаю это, и ему уже сказали, что я это сделаю. Он говорит, что я буду это делать. Он говорит это очень твердо.

Мне кажется, Крис-рекламный-агент и Крис-просто-агент договариваются за моей спиной.

Напомните мне что-нибудь с этим сделать.

Почему мне так страшно?

Меня не беспокоит паника во время съемок. Пережила же я съемки для шоу Киммела, длившиеся целый час. Вполне могу пережить и пару съемочных проб без гипервентиляции.

Я не переживаю из-за необходимости присутствовать на съемках или из-за того, что съемочная группа и актеры будут злобствовать или потешаться надо мной. Съемочные группы на TV славятся тем, что в них работают отличные люди. И в любом случае над гостями во время съемок никто не смеется.

Меня беспокоит то, что случится, когда программа выйдет в эфир.

Не из-за моих актерских навыков. Не думаю, что кто-то собирается специально смотреть, как я играю, и восклицать: «Боже ты мой, Мерил Стрип лучше пойти повеситься, потому что теперь у нас есть Шонда!»

Не думаю даже, что кто-то скажет, что следует пойти повеситься какому-нибудь Джо из местной самодеятельности. Я знаю, что не опозорюсь вконец. Ну... может, и опозорюсь, но я же делаю телефильмы, народ! Я понимаю волшебство, которое творится в монтажной. Если я покрою позором съемки «Проекта Минди», продюсеры шоу любезно спрячут все это при монтаже. А потом, если хватит ума, будут шантажировать меня отснятым материалом до конца моей жизни.

Я беспокоюсь, что люди будут шептаться: «Кем она себя возомнила, играя в телефильме? Неужто она считает себя гениальной актрисой? Неужели она такого высокого мнения о себе? Ой-ой, похоже, мы самую малость самовлюбленные, да?»

Вы меня услышали.

Я боюсь, что люди будут думать, что я слишком себе нравлюсь.

Да-да-да.

Захожу в «Твиттер», проверяю, что новенького в мире, и вижу твит от какого-то сайта, посвященного материнству. В нем сказано: «Бессонные ночи – почетная награда для мамы».

Что?

Почетная награда?

У меня тут же начинает дымиться шевелюра. Просто воспламеняется от мгновенного бешенства. Возможно, это бешенство особенно сильно потому, что у меня до сих пор не прошло ПТСР^[40], оставшееся от дней младенчества старшей дочери.

Мой идеальный прекрасный чудо-ребенок?

Никогда не спал. Никогда. НИКОГДА.

Как и я.

Через двенадцать лет воспоминания об этих ночах, об этой депривации сна до сих пор заставляют меня тихонько раскачиваться взад-вперед. Хотите подвергнуть человека пыткам? Вручите ему обворожительного любимого малыша, который не спит.

Почетная награда?

Необходимое зло – да. Головная боль – да.

Почетная награда?!

Вы, блин, шутить изволите? Кто верит в эту дичь? Кто пьет НАСТОЛЬКО забористый кул-эйд?^[41]

Но многие верят. БОЛЬШИНСТВО верит.

Думаю, мне никогда прежде не приходило в голову, насколько много и часто женщин хвалят за демонстрацию качеств, которые, в сущности, делают их невидимыми. Когда я на самом деле задумываюсь об этом, до меня доходит, что злоумышленниками являются речевые штампы, как правило используемые для того, чтобы хвалить женщин. Особенно матерей.

«Она пожертвовала всем ради своих детей... Она никогда не думала о себе... Она отдала все ради нас... Она неустанно трудилась, чтобы у нас гарантированно было все необходимое. Она стояла в тени, она была ветром в наших крыльях».

На этой идее построены целые компании – производители открыток.

«Расскажите ей, как много на самом деле значат для вас те мелочи, которые она делает для вас весь год и которые, казалось бы, остаются незамеченными».

Подарив открытку за 2,59 доллара.

Эта идея – фундамент, на которой построен День матери.

Это *хорошо*, талдычат нам. Это *хорошо*, что мама принижает себя и делается великомученицей. Вот эта идея: матери, вы такие замечательные и хорошие люди именно потому, что умаляете себя, потому что отрицаете собственные потребности, потому что неустанно вкалываете, оставаясь в тени, и никто никогда не благодарит вас, не обращает на вас внимания, – все это делает вас ВОСХИТИТЕЛЬНЫМИ.

Фу!

Что это, черт возьми, за идея?

Стал бы хоть КТО-НИБУДЬ хвалить за это мужчину?

Ведь нет таких, кто надеется внушить своим дочерям мысль о правильности такого поведения, верно?

Верно?

Я не говорю, что МАТЕРИНСТВО не заслуживает похвалы. Материнство следует хвалить. Материнство прекрасно. Я сама мать. И считаю, что это прекрасно.

Существует множество причин и обоснований, по которым матерей можно и нужно хвалить. Но за культивирование чувства невидимости, за мученичество и неустанный труд, никем не замеченный и невоспетый? Это не те причины.

Хвалить женщин за то, что они остаются в тени?

Неправильно!

Где поздравительная открытка, которая хвалит таких матерей, которых я знаю? Или, еще лучше, такую мать, которая воспитала меня?

Мне нужна открытка, в которой будет сказано: *«Поздравляю с Днем матери свою маму, которая научила меня быть сильной, быть влиятельной, быть независимой, быть конкурентной, быть самой собой и бороться за то, чего я хочу».*

Или: *«С днем рождения, мама, которая научила меня спорить, когда необходимо, вслух защищать свои убеждения и не отступать, если я знаю, что права».*

Или: *«Мама, спасибо тебе за то, что научила меня устраивать разносы и брать на заметку провинившихся на работе. Выздоровливай скорее».*

Или просто: *«Спасибо тебе, мама, за то, что научила меня делать деньги и радоваться этому. Счастливого Рождества».*

Где поздравительные открытки для такой матери, которой пытаюсь быть я? Для такой матери, которую мне хочется, чтобы видели во мне мои дети? Для таких матерей, какими я хочу однажды увидеть своих дочерей?

А если нет поздравительных открыток, то что есть?

Есть я.

Я должна быть сама себе поздравительной открыткой. И для того чтобы это сделать, я должна быть способна хотя бы принять комплимент.

Да-да-да.

Когда я впервые пытаюсь это сделать, получается жалко.

– Вам идет этот цвет.

Я еду в лифте. Только я и еще один человек. Приятный на вид мужчина. Он улыбается мне. *Почему этот мужчина улыбается мне?*

У меня решительно отсутствует талант понимать, когда мужчина со мной флиртует. Мой друг Гордон в таких случаях всегда потом говорит мне: «Дура! Он же с тобой флиртовал. Он пытался познакомиться с твоей клиенткой». «Познакомиться с твоей клиенткой» на языке Гордона означает «переспать». Видите ли, «клиентка» – это моя...

Проехали.

Я стою, уставившись на этого приятного на вид мужчину, который, возможно, желает знакомства с моей клиенткой. Растерянная. Он поднимает бровь.

«Говори же, Шонда, не молчи».

Наконец я собираюсь с мыслями.

– Что?

Вот что я ему говорю.

И мое «что» – не милое, заигрывающее двухсложное, с восходящей к концу интонацией «что-о?». Мое «что» – это плоское ворчливое «ЧТО?!» каменщика, снова берущегося за работу.

Похоже, потенциальный знакомый клиентки ошарашен.

– Я говорю, этот цвет вам идет.

Я перевожу взгляд вниз, на свое платье. Оно цвета берлинской лазури. Я знаю, что это берлинская лазурь, только потому, что Мерил Стрип произнесла захватывающий монолог об этом цвете в фильме «Дьявол носит Prada».

Я люблю Мерил Стрип. Я знаю, что она нравится всем. Но мне она *очень* нравится. Больше, чем вам. Я люблю Мерил настолько, что, какую бы роль она ни играла, я влюбляюсь с потрохами в ее персонажа. Так что в то время, как многие считают, что «Дьявол носит Prada» – фильм о мерзопакостной начальнице, я знаю, что они не правы. Для меня ясно, что он освещает вопрос о том, как трудно найти хорошего помощника. Кстати говоря, а сама

Мерил? Наверняка она знает, как надо принимать комплименты. Бери пример с Мерил и берлинской лазури.

Я на самом деле усиленно думала обо всем этом, когда стояла в лифте с тем мужчиной. С этим желающим познакомиться с клиенткой. Теперь понятно, почему мне так трудно дается светская болтовня?

Но мое платье – цвета берлинской лазури, и оно ему нравится. Ему нравится видеть его на мне.

Погодите-ка!

Он сказал, что оно ему понравилось.

И до меня доходит, что вот она. Она случилась. Моя возможность.

Скажи это. Просто скажи «спасибо». А потом улыбнись. И больше ничего не говори. Не присовокупляй ни слов извинения, ни угрызений совести из-за того, что тебе хватило наглости надеть платье, которое может кому-то понравиться. Просто стой в лифте, уверенная и смелая. Как будто ты тоже думаешь, что этот цвет тебе идет.

– Спасибо, – отвечаю я.

Хорошо. Улыбнись, Шонда. Заткнись, Шонда.

Я заставляю себя улыбнуться. И тут все идет наперекосяк.

То ли во рту у меня становится слишком сухо, то ли я нервничаю, то ли настолько полна решимости сделать все правильно, что моя улыбка получается... ну, пугающей.

Как улыбка Буффало Билла. Не ковбоя Буффало Билла. Буффало Билла из «Молчания ягнят», который заставлял тебя «мазаться мазью, а не то снова будешь облита водой из шланга».

Такая улыбка. Ужасающая, растянутая, омерзительная клоунская маска – вот что он, должно быть, видит, потому что теперь этот милый мужчина, который, вполне вероятно, секундой раньше флиртовал со мной, вжимается в угол лифта подальше от меня, словно я – зомби, который хочет сожрать его лицо.

И вместо того чтобы так это и оставить...

Вместо того чтобы решить про себя, «что ж, в следующий раз сделай это лучше»...

Вместо того чтобы позволить куриной кости остаться куриной костью, я пытаюсь объяснить перед этим беднягой.

– Вот был ужас-то, верно? Эта гримаса? Это я так улыбалась. Но я сделала это совершенно неправильно, потому что, видите ли, я теперь говорю «да» комплинтам, но еще не привыкла к ним, и вы для меня вроде как первый, пробный случай, и я не ожидала ничего такого здесь, в лифте, понимаете, ха-ха, так что, когда вы так мило похвалили этот цвет, кстати, это берлинская лазурь, я просто вроде как...

ДЗЫНЬ.

И двери разъезжаются, и этот очень милый мужчина, которому понравилось, как смотрится на мне этот цвет, со всех ног бросается спасаться от безумной женщины в лифте. К чести моей, я не гонюсь за ним, продолжая попытки объяснить. Поверьте, мне этого хочется. Но я не могу. Я иду к своему гинекологу.

Доктору Шейн нужно повидаться с моей клиенткой.

Полчаса спустя доктор Шейн (ну, я зову ее Конни, потому что, по моим же словам, я должна звать по имени любого человека, который получает доступ внутрь меня), Конни копошится между моими бедрами. Мои ступни упираются в держатели. Вот сейчас она орудует своей зеркальной штукой и в эту минуту светит мне прямо в *веджейджей*, бог его знает что разглядывая. Может быть, найдет там мое достоинство.

– У вас прекрасная матка! – восклицает Конни.

Я подтягиваюсь, опираясь на локти, и смотрю на нее.

– Спасибо, Конни, – говорю я и улыбаюсь. И больше ничего не говорю.

Не то чтобы я хвастаюсь или еще что-то, но *вот так* это делается, девочки!

Да-да-да.

По мере того как катятся мимо недели, это упражнение – сказать «спасибо», улыбнуться и заткнуться – дается все легче. Нужна некоторая практика, но я постепенно осваиваюсь.

Поблагодарить, улыбнуться, заткнуться.

Что же происходит, когда я даю себе разрешение просто выслушать комплимент, не извиняться, не отмахиваться и не отрицать?

Я начинаю ценить комплименты.

Комплименты, оказывается, что-то для меня значат.

А знаете, что еще важнее? Факт, что кто-то потратил свое драгоценное время на то, чтобы сделать мне комплимент, что-то для меня значит.

Никто не обязан делать комплименты.

Люди делают это по доброте душевной.

Они делают это, потому что сами так хотят.

Они делают это, потому что верят в произносимый ими комплимент.

Так что, когда вы отрицаете чей-то комплимент, вы говорите человеку, что он не прав. Вы говорите ему, что он зря потратил свое время. Вы подвергаете сомнению его вкус и суждения.

Вы его оскорбляете.

Если кто-то хочет сделать вам комплименты – пусть делает.

Но этого недостаточно. Это, как я начинаю понимать, даже не главное.

Это как поза Чудо-женщины.

Поблагодарить, улыбнуться, заткнуться – это хорошо. Это полезно для вас.

Но это только поза.

Это «притворяйся, пока не поверишь».

Это не *настоящее*.

Я могу простоять в позе Чудо-женщины весь день напролет, но это не сделает меня Чудо-женщиной. Потому что, убрав руки с бедер и живя дальше, Чудо-женщина никогда не говорила подруге: «Да нет, блин, какая там я героиня! Это спасение мира – чистая удача. Я почти ничего не сделала. В смысле, если бы у меня не было лассо и вот этих вот браслетов, я бы совершенно растерялась... Я имею в виду, я же всего лишь амазонка ростом метр восемьдесят, у которой есть мечта».

Чудо-женщина убила бы эту версию себя. Она расплющила бы это кроткое благочестивое позорище своим невидимым самолетом.

Чудо-женщина не притворяется.

Чудо-женщина – это целая наука *крути*.

Есть такое слово.

Круть.

Я знаю, что такое слово есть, потому что только что дважды набрала его на клавиатуре, и когда мой компьютер спросил, что я хочу сделать – «пропустить» его или «добавить в словарь», я выбрала «добавить в словарь». Слово, которое есть в словаре, – это определенно существующее слово.

Круть.

Это настоящее слово. Ну, типа, так говорит словарь.

Круть:

1.

(сущ.) практика осознания собственных достижений и даров, принятия собственных достижений и даров, прославления собственных достижений и даров. 2. (сущ.) умение жить своей жизнью с *куражом*. КУРАЖ (сущ.) состояние бытия, которое включает любовь к себе, «я такой проснулась» и наплевательское отношение ко всему, что думают о тебе другие. *Термин впервые употреблен Уильямом Шекспиром.*

Чудо-женщина не притворяется. Чудо-женщина настроена серьезно. Чудо-женщина – сплошь кураж и круть.

Сделайте комплимент Чудо-женщине – и она вся такая: «Ага, я героиня. Ага, я спасла мир. Что дальше?»

Чудо-женщину не волнует, что ее подруга огорчится. Чудо-женщину не беспокоит, что люди подумают, что она считает себя лучше них.

Потому что – догадайтесь что?

Когда дело доходит до владения лассо и волшебными браслетами и полетов на невидимом самолете, Чудо-женщина *действительно* лучше всех. Она же хренова Чудо-женщина. Вы ее сапоги видели?

Если Серена Уильямс говорит репортеру что-то вроде «лучшей теннисистки, чем я, вы в жизни не увидите», я готова спорить – ее не беспокоит, что люди подумают, что она считает себя лучшей теннисисткой, чем они. Потому что она – СЕРЕНА УИЛЬЯМС.

Это кураж. Это круть.

Хотите еще примеров?

Как думаете, Опра не знает, что она – лучшая в истории ведущая телешоу? Думаете, она не спит по ночам, беспокоясь о том, что люди думают, что она считает себя лучшей? Как бы не так! И Одра Макдональд со своими рекордными шестью премиями «Тони» наверняка не нервничает на репетиции из-за того, что кто-то подумает, будто она считает себя лучшей бродвейской исполнительницей, верно?

Мне кажется, что Джулия Чайлд куражилась напропалую.

Тейлор Свифт. Юная круть во всех ее видах.

Бей. Малала. Моне Дэвис^[42]. Первые женщины-спецназовцы. Мисти Коупленд^[43].

Просто к слову.

И, я думаю, в этом все дело: величие есть в каждой.

В вас. Вон в той девушке. В том парне слева. Но вы должны его признать. Вы должны овладеть им. Вы должны поверить в него.

Серену не беспокоит, что у ее подруги будет плохое настроение из-за того, что она – не такая хорошая теннисистка, как Серена. Знаете почему? Потому что для того, чтобы быть такой хорошей, как Серена, нужно поставить цель – добиться, чтобы НИКТО не был так хорош в теннисе, как ты.

А потом воплотить это решение в жизнь.

Нужно нормально относиться к тому, что ты лучше всех остальных.

Одним из самых неожиданных результатов того, что «Анатомия страсти» стала хитом, было то, насколько несчастной это меня сделало.

Перепуганной, печальной и нервной. И пристыженной.

Мой отец говорил нам: «Единственное препятствие на пути вашего успеха – ваше собственное воображение». Он так часто говорил это, что порой я слышу его голос даже во сне.

Разумеется, он был прав.

Но когда успех пришел ко мне, я не знала, что о нем и думать. Многие мои друзья были неудачливыми писателями. И вдруг я перестала быть одной из них. Я оказалась снаружи, заглядывая внутрь. Я не понимала, что будет означать эта перемена. Я хотела, чтобы все оставалось по-прежнему.

Мне казалось, что радоваться нехорошо. Нормально стремиться к конкуренции, когда все играют на одном и том же поле, но когда ты – единственная, кого допускают к игре...

Я собирала свои трофеи, запихивала их подальше в шкаф, к стенке, и не разговаривала об этом сериале ни с кем из тех, кто над ним не работал. Никогда. Если кто-то поднимал эту тему, я от нее открепивалась. Вжимала голову в плечи. Отмахивалась рукой.

Нет, не смотрите на меня. Это лассо? Эти браслеты? Так, ерунда.

Я была в таком восторге от своей работы! Я была влюблена в телевидение. Влюблена в его волшебство. В этот темп, в это возбуждение. В эту креативность. Я писала: «ВНУТРЕННЯЯ ОПЕРАЦИОННАЯ – ДЕНЬ» – и строилась операционная. Волшебство!

В тот день, когда была достроена операционная, я провела в ней всю вторую половину дня. Одна. Играя. Это снова была кладовка.

Я хватала в руки хлопушки и вопила: «Снято!»

Я размахивала руками и выкрикивала: «Проклятие, Ричард, мы должны спасти его! Зажим!»

Сбывшаяся мечта.

Но когда я была не на работе, она словно переставала существовать. Я запихивала ее как можно глубже. Словно это была маленькая грязная тайна. Вспоминается фраза «держать под спудом». Но чем больше я ее прятала, тем грязнее она казалась. И тем несчастнее я становилась.

Я не понимала, как можно радоваться своему успеху перед носом у друзей, которые продолжали бороться с трудностями. Я беспокоилась, что они подумают, что я считаю себя лучшим писателем, чем они. Я заваливала эту проблему горами еды, чтобы справиться с ней. И, кстати говоря, жир создавал отличный баланс. Жирная и успешная – это сочетание казалось гораздо менее угрожающим.

Шли годы. Рождались новые сериалы.

Но вне офиса я продолжала гнуть свое.

«Я всего лишь сценарист».

Я часто это говорила. Это был мой расхожий ответ на все. Мой способ позаботиться о том, чтобы люди знали: я не считаю то, что делаю, особенным. Мой способ не быть гордячкой или зазнайкой.

«Я всего лишь сценарист».

Ни грамма крути.

Никакого намека на кураж.

Я все еще не могла признать, что я влиятельна. Я очень старалась сделать себя меньше. Как можно меньше. Пыталась не занимать слишком много места и не производить слишком много шума. Всякий раз, когда я получала награду, я упорно трудилась, чтобы казаться капельку глупее, милее и проще перед лицом собственного величия.

Я просто хотела, чтобы все остальные чувствовали себя комфортно.

Самое забавное, что никто меня об этом не просил.

Просто казалось, что мне положено так себя вести.

Что так правильно.

«Я всего лишь сценарист».

Если все эти успехи не доставляют мне никакого удовольствия, то – видите? Не такое уж это большое дело. Я не считаю себя особенной. Я не люблю себя.

Ага.

Я НЕ любила себя.

Не знаю, изменилась бы я когда-нибудь, если бы Делорс не произнесла свои шесть слов и не случился бы год «Да».

Так что – да.

Теперь я умею принимать комплименты. Благодарить. Улыбаться.

Но теперь у меня есть эта новая цель. Я ее хочу.

Круть.

Я хочу ощущать, что вольна куражиться сколько угодно.

Я решаю: *да, стремиться к этому – нормально.*

– Если можешь привести доказательства, то это не хвастовство, – каждое утро шепчу я себе, стоя под душем. Это моя любимая цитата из Мухаммеда Али. Али изобрел современный кураж.

Я направляю себя на курс к полномасштабной крути.

Люди вокруг меня мгновенно замечают эту перемену.

Трое моих ближайших друзей с наслаждением ее анализируют.

Скотт говорит мне, что это поразительное зрелище. Он говорит, что я стала больше разговаривать. Что прежде я была молчуньей. Что ему это во мне нравится.

Зола объявляет:

– Твоя энергетика изменилась. Изменилось то, чем ты наполняешь помещение.

Гордон говорит, что я стала выглядеть счастливее. И моложе. Он считает, что у моей клиентки будет больше знакомств.

Я определенно ощущаю разницу. Это и пугает, и веселит. Мысленно я стараюсь быть настолько высокомерной, нескромной и наглой, насколько возможно. Я стараюсь занимать столько места, сколько мне нужно занять. Не умалять себя, чтобы кто-то другой чувствовал себя лучше. Я позволяю себе бесстыдно и комфортно быть самым громким голосом в компании.

Я никогда не бываю просто везучей.

Я очень стараюсь думать, что я особенная, любить себя, быть своевольной.

Я стремлюсь к крути.

Мужчины постоянно это делают. Хватай комплимент и беги. Они не умаляют себя. Они не извиняются за то, что сильны. Они не принижают свои достижения.

Круть, как я выясняю для себя, – это новый уровень уверенности. Теперь я вижу так много замечательных качеств в себе и окружающих меня людях! Словно раньше, прячась, беспокоясь и оставаясь несчастной, я не смотрела на людей вокруг и не видела, насколько они на самом деле одарены и восхитительны. Во мне наверняка не было ничего такого, что могло быть для них позитивным, воодушевляющим или вдохновляющим. Уж точно не тогда, когда я так старательно пряталась и пыталась быть маленькой или вовсе пустым местом.

Я начала думать, что мы подобны зеркалам. Что ты есть, то и отражают тебе обратно. Когда видишь что-то в себе, то можешь увидеть это и в других, а то, что другие видят в тебе, они могут увидеть и в себе.

Это глубокая мысль.

Или глупая.

Какой бы она ни была, все равно все сводится к Чудо-женщине. Встаешь вот так в эту позу – и через некоторое время начинаешь чувствовать себя как Чудо-женщина, и люди начинают смотреть на тебя и ВИДЕТЬ Чудо-женщину. И это заставляет их приободриться, когда они рядом с тобой.

Людям нравится быть рядом с цельными, здоровыми, счастливыми людьми.

Да-да-да.

На днях я лежала на траве, наблюдая, как носятся по двору две мои младшие, Эмерсон и Беккетт. На головах у них были светло-голубые вязаные супергеройские шапочки из «Холодного сердца», которые смастерила для них моя сестра Делорс. Да, я знаю, что никаких супергероев в «Холодном сердце» нет, но я переживала экзистенциальный кризис, связанный с принцессами, феминизмом и нормализацией образов, которые видят мои дочери. Меня мучил вопрос, почему все белье для девочек с супергеройскими мотивами, встречающееся в магазинах, только розового цвета, в то время как ни одного розового костюма у супергероев нет, и...

Слушайте, они носят светло-голубые супергеройские шапочки из «Холодного сердца», потому что я сказала им, что Анна – это юная супергероиня с чернокожей сестрой – но она отсутствует, правя другими странами, потому что, знаете ли, у нее есть работа. Вы воспитываете своих детей по-своему. Я буду делать это по-своему.

Эмерсон издает рев, подражая реактивному самолету. Беккетт все кружится и кружится, потом бежит, вздев свои еще не совсем двухлетние пухленькие ручонки в воздух, кудрявые волосы полощутся за спиной. Потом Беккетт замирает. Смотрит на меня.

– Мама, – говорит она, широко улыбаясь. Беккетт всегда улыбается. – Мама, я *вероятная!*

Эмерсон на секунду останавливается, чтобы выкрикнуть поправку:

– НЕ-вероятная! А зато я – ТРЯСАЮЩАЯ!

А потом?

Они всюду куражатся.

Беккет снова начинает кружиться. Эмерсон снова подражает самолетным звукам. Их голубые шапочки-вуальки пляшут по ветру.

«Вот бы нам всем было по два, по три года», – думаю я.

Они никогда не извиняются за свое величие. Они не умаляют себя ради кого-то. И тоже придумывают собственные слова.

Это трясущая веероносная круть.

Я разразилась хохотом. Я была счастлива.

Я счастлива.

Да-да-да.

Когда приходит время снимать мою роль в «Проекте Минди», я готова. Я собираю весь кураж, сколько его у меня есть.

Я с ног до головы умащаюсь крутью.

А потом направляюсь на съемочную площадку. И дальше – вихрь.

Я стою со своими любимыми актерами в помещении, наполненном дартмутской атрибутикой. Как будто находишься одновременно в колледже и внутри телевизора – ощущение сюрреалистическое. Мне велят проговорить строчку здесь и постоять там. Посмотреть туда и пройти сюда. Двигаться то так, то сяк. Я очень стараюсь быть послушной и делать, что мне сказано. И внезапно ощущаю заново обретенное уважение к тому, насколько трудно играть перед камерой. Я также осознаю, что мне, сценаристке, в общем-то невдомек, что происходит в моих павильонах синхронной съемки. Я получаю удовольствие. Я смеюсь. Все невероятно добры ко мне. Аик Баринхолц, одновременно и главный сценарист, и актер этого сериала, становится моим главным любимчиком. Мне удается сфотографироваться с каждым.

Я ухожу оттуда с улыбкой на лице.

Не думаю, что когда-нибудь снова буду сниматься как актриса. Но если это и был мой единственный подобный опыт, то он был идеален.

Когда серия выходит в эфир, я совершаю самый смелый поступок, полный крути и куража. Я сажусь посреди своей гостиной и включаю телевизор. И в реальном времени смотрю «Проект Минди». Я не дергаюсь, видя себя на экране. Я не думаю: «Да кем она себя возомнила?»

Я меряю себя взглядом с головы до ног и думаю: «А ведь неплохо. Даже, в общем-то, *трясающе и веероносно*».

А потом надеваю свою голубую шапочку из «Холодного сердца» и кружусь.

В смысле исполняю взрослую версию шапочки и кружения. То есть откупориваю бутылку отличного вина и наполняю себе бокал.

Да-да-да.

Примерно в то же время мои ассистенты вручают мне подарок. Они знают, что я политическая фанатка – в том же духе, как некоторые люди бывают футбольными фанатами или бейсбольными фанатами. Я смотрела C-SPAN^[44] и радовалась. Вечер выборов – мой Суперкубок, и я сидела перед телевизором, смотря от А до Я трансляции всех дней инаугурации президентов с тех пор, как была подростком. То, что президент Билл Клинтон был в программе Эллен Дедженерес и говорил ужасно милые вещи о том, как ему нравится все, что я делаю в своей работе на ТВ, было для меня большим событием.

Я срываю обертку с красиво упакованного подарка. Внутри оказывается футболка.

На футболке надпись: «*Биллу Клинтону нравится ВСЕ, ЧТО Я ДЕЛАЮ*».

Большими жирными буквами.

Эта футболка нравится мне настолько, что я даже вскрикиваю от восторга, когда вижу ее. Она совершенна. Она не для слабых духом. Эта футболка – откровенно дерзкая. Для нее требуется мужество. Для нее требуется кураж. Вы бы знали, чего мне стоило надеть эту футболку и выйти в ней из дома! Для этого нужна была вся моя круть.

Я надела ее и ходила в ней весь день. И когда кто-то отпускал насчет нее комментарий – приятный, колкий или еще какой-то, – у меня был на него лишь один ответ:

– Спасибо!

Улыбнуться. Заткнуться.

А теперь, простите великодушно, я должна пойти и запереть «дверь номер два». Видите ли, мне пора. Уже полчаса как настал Час Крути, и я опаздываю к своим аплодисментам.

ПРИМЕЧАНИЕ О ВРЕМЕНИ

«Да» – еще следующим годам «да»

Уже давно начался 2015 год, и вдруг до меня доходит, что мой год «Да» должен был завершиться несколько месяцев назад.

Мысль об окончании года «Да» оставляет у меня сосущее чувство пустоты. Я несколько дней хожу, гадая, уж не заболеваю ли я чем-то. И вот в тот вечер, готовясь ложиться спать, я осознаю, что заболеваю очень тяжелой формой страха.

Я только-только начинаю понимать, что сам этот акт, говорить «да», не просто меняет жизнь – он ее спасает. Теперь я вижу два пути: один трудный и каменистый, что ведет на вершину горы, и славный легкий, который катится под гору. Я могу бороться с каменистым подъемом, набивать синяки, рисковать травмами. А потом постоять на вершине и вдохнуть изумительный воздух на теплом солнышке, упиваясь целым миром, лежащим передо мной. А могу выбрать простой маршрут под землю. Там нет никакого солнца. Нет воздуха. Зато там тепло. Безопасно. О да, и еще там большой запас лопат. Но на самом деле нет необходимости так уж упорно работать. Земля там мягкая и приятная. Если я просто свернусь на ней калачиком, то меня быстро засосет достаточно глубоко, чтобы образовалась моя собственная могилка.

Год за годом, когда я говорила «нет», были для меня безмолвным способом отказа. Безмолвным способом капитуляции. Легким уходом от мира, от света, от жизни.

Говорить «нет» – способ исчезновения.

Говорить «нет» – моя собственная медленная форма самоубийства.

И это безумие. Потому что я не хочу умирать.

Потом, лежа в постели, я понимаю, что не хочу заканчивать свой год «Да». Я – незавершенный проект. Я только что поняла, как это сделать – поймать какой-никакой кураж. Я не могу остановиться сейчас. Я не хочу останавливаться сейчас. Неужели я должна остановиться сейчас?!

То, что началось как подначка со стороны сестры в процессе нарезки лука утром в День благодарения, стало предприятием в духе «жизнь или смерть». Теперь я почти боюсь говорить слово «нет». Я больше не могу отвечать на любой вызов словом «нет». Это слово больше для меня не вариант. Я знаю, что не могу позволить себе говорить его – цена слишком высока. Страх, что я могу снова скатиться к подножию этой горы; знание, как легко было бы это сделать, как комфортна жизнь у подножия этой горы, – это... в общем, этого достаточно, чтобы не позволять слову «нет» слетать с моих губ.

Я могу переживать жизнь – или отказаться от нее.

Что случилось бы, если бы я снова отказалась? Кем бы я стала? Сколько времени мне потребовалось бы, чтобы опять начать карабкаться в гору? Да и *хватило бы* у меня духу, чтобы снова начать карабкаться? Или это была бы моя концовка?

Я к такому не готова. Я не могу закончиться. Это не конец.

Это не финишная черта.

Я не завершена.

И поэтому, как бы мне ни хотелось, я больше не могу позволить себе говорить «нет». Слова «нет» больше не существует в моем словаре. «Нет» – это бранное слово.

Время вышло.

Год окончен.

Но не я.
 Вот так год «Да» превратился из двенадцати месяцев в вечность.
 Я могу это сделать.
 Я могу изменить условия испытания, если захочу.
 Оно мое.
 Кроме того, я все равно больше не завишу от обычного времени.
 Вы сверялись с моими часами?
 Я секунда в секунду совпадаю со временем по Куражу.
 Говорить «да»...
 Говорить «да» – это мужество.
 Говорить «да» – это солнце.
 Говорить «да» – это жизнь.

11

«Да» – слову «нет», «да» – трудным разговорам

Когда мне было пятнадцать, я впервые пришла учиться водить машину.

Я пребывала в радостном возбуждении. Я выучила правила дорожного движения. Разрешение было аккуратно вложено в мой кожаный бумажник. Я всем сердцем желала получить водительскую лицензию: как только я это сделаю, папа позволит мне самостоятельно ездить в школу на «Рено Альянс» цвета сливочного масла, который стоял на нашей подъездной дорожке. Вождение означало свободу. Вождение означало, что однажды – и это однажды случится очень скоро – я смогу выехать из предместий прямо туда, где мне предназначено быть. К примеру, в Париж.

(Не перебивайте меня сейчас своим «ты что, не знаешь, что тебе пришлось бы переехать океан, тупица?»). Вы испортите весь момент. Это был мой первый урок вождения. Все мои мечты сбывались. Дайте же мне насладиться и этой.)

В тот день мама высадила меня у общественной автошколы, где обучали вождению. Я терпеливо дожидалась своего инструктора и, когда он пришел, смогла впервые в жизни сесть за руль машины.

Это было потрясающе. Совершенно. Абсолютно.

Бабочки метались у меня в животе, когда я смотрела на инструктора. Терпеливый и добрый, слегка лысеющий, он был известен как приятный человек. Он успокаивающе улыбнулся мне. Я улыбнулась в ответ и спросила, что он хочет, чтобы я сделала.

После этого я почти ничего не помню.

Оказывается, он хотел, чтобы я завела машину и выехала со стоянки на дорогу, потом на эстакаду и прямо на скоростное шоссе.

На скоростное шоссе.

Намного позднее, когда он прижимал насквозь мокрое бумажное полотенце к моему заплаканному лицу и объяснял, почему не нужно рассказывать эту историю моей матери (моя мать, по сравнению с которой кхалиси и ее драконы^[45] покажутся Винни-Пухами, оторвала бы ему конечности), я узнаю, что инструктор перепутал расписание. Он по ошибке решил, что я – другая, более опытная ученица.

Прямо перед приездом мамы я спросила его, что с нами было.

– Я во что-нибудь врезалась?

Знайте, фраза «*кровь отхлынула от лица*» – не преувеличение. Я видела, как это случилось с моим инструктором. И впервые до меня дошло, что я буквально перепугалась до потери сознания.

Это первый раз, когда страх превратил мой мозг в пустую страницу.

Это первая картина, снятая с моей стены.

И теперь, вспоминая об этом, единственное, о чем я могу думать, это...

...почему я позволила этому случиться?

Когда инструктор автошколы велел мне повернуть на эстакаду, которая вела к шоссе, почему я не вдавила педаль тормоза, не отвела машину на обочину, не посмотрела на него и не произнесла то единственное слово, которое изменило бы все? То единственное слово, благодаря которому мои картины остались бы в целостности и сохранности?

Одно. Слово.

НЕТ.

«Нет» – сильное слово. Для меня это уникальное сильнейшее слово в английском языке. Произносимое четко, веско, с достаточной частотой и силой, оно способно изменить ход истории.

Хотите пример?

Роза Паркс.

Давайте представим себе «эффект бабочки» в исполнении Розы Паркс.

Что, если Роза Паркс не говорит «нет»? Что, если Роза Паркс говорит: «Ага, ладно, хорошо, черт с вами, я освобожу свое место и пересяду в задний конец этого автобуса»? У бойкота автобусных линий в Монтгомери больше нет его идеального героя – милой воспитанной леди, доброй и твердой, леди, которая захватывает воображение и сознание Америки, – и он, возможно, так и не случается.

Родители моего отца родом из Алабамы. Как и некоторые мамины родные. Если автобусный бойкот не случается, изменяется ли от этого направление их жизней? Они никогда не встречаются в Чикаго? И я никогда не рождаюсь? Разве сидела бы я сегодня в своем доме в Лос-Анджелесе, в Калифорнии, работая над этой книгой?

Ну что, привет, нарциссизм. Сколько страниц мы с тобой не виделись! Как ты, должно быть, скучал по мне!

Да. Да, я только что предположила, что Роза Паркс говорила «нет» в этом автобусе ради меня. Я вы думали, я не найду способа снова свести все к себе, любимой?

Если я не могу свести все движение за гражданские права к себе, любимой, ну... тогда какой смысл быть эгоцентричной американкой? Разве я говорила *вам*, что вы должны свести восхитительную жертвенность Розы Паркс к себе, любимым?

Нет.

Нет, я этого не делала.

НЕТ.

Самое сильное слово в английском языке.

Видите, вы пытались рассказать мне о моем абсурдном эго, а я попросту заткнула вас.

Словом НЕТ.

Айда со мной, друзья.

Хотите еще пример?

Когда я делала пилотную серию «Анатомии страсти», нам повезло работать с настоящим блестящим кастинг-директором по имени Линда Лоуи. Линда, которая, между прочим, входит в число моих любимых людей, обладает талантом просто *знать*, какой актер будет тем ключиком, который идеально подходит к замочку, поворачивающему историю в моем мозгу. Линда и ее партнер Джон подбирали актерские составы всех сериалов, с которыми я когда-либо работала. Теперь у нас есть кодовый язык.

– Линда, – говорю я ей, – мне нужен мужчина.

Линда, рафинированная и элегантная, не говорит того, что сказал бы мой друг Гордон. А именно: «Всем нужен мужчина, но тебе он нужен особенно. Посмотри, как ты взвинчена. Немедленно свози свою клиентку на встречу!»

Линда задает пару уточняющих вопросов, выясняя, какого рода мужчину я ищу в состав и для чего, потом вешает трубку и примерно неделю спустя перезванивает, говоря, что нашла мне мужчину.

И этим мужчиной будет Джеффри Дин Морган. Или Эрик Дейн. Или Джесс Уильямс. Или... я могла бы продолжать вечно.

Когда мы с Линдой познакомились, я была новичком на ТВ. Я была новичком в кастингах. Черт, мне было внове даже просто снимать по будням пижаму и выходить из дома, потому что вплоть до пилотного выпуска «Анатомии страсти» я работала дома. И я была так чертовски счастлива оказаться в сияющем мире TV – с глазами враспырку, закормленная попкорном и бурлящая от этого всего. Все вводили меня в курс дела, а я просто присутствовала за компанию.

В процессе кастинга для «Анатомии» был момент перед тем, как мы успели положить глаз на Сандру О, когда все подбивали меня отобрать на роль Кристины одну актрису, которую единогласно считали великолепной. Честно говоря, я не помню, что это была за актриса, но Бетси считала ее великолепной, студия считала ее великолепной, все считали ее великолепной. И она *была* великолепна. Я тоже считала ее великолепной. Но я не хотела ее брать. Теперь я знаю то, чего не знала тогда: на этом уровне все актеры великолепны. Нет плохих актеров, есть только актеры, которые не вписываются в твоё представление. Эта актриса была просто... ключиком, который не подходил к замочку, который поворачивал историю в моем мозгу. Но в то время я не знала, в чем проблема. В то время я не хотела брать ее на роль.

Все давили на меня. Бетси давила. Студия давила. Я уклонялась от телефонных звонков. Я отвечала туманными словами. Я говорила, что мне нужно подумать.

Это были самые первые дни, еще до того, как мы отсняли первый кадр материала. Я была невероятно возбуждена, но интроверт во мне сожалел о том, что стал эпицентром производства. Все то и дело спрашивали меня, что я хочу делать. В те первые дни мне страшно было иметь какое-то свое мнение, потому что я боялась иметь мнение, отличающееся от мнения остальных.

Бетси все время озадаченно смотрела на меня. Кто, черт возьми, подменил Шонду какой-то странной конформисткой? Потому что Шонда, которую она знала в процессе написания сценария, была энтузиасткой со своим мнением. Теперь же я, казалось, тускнела на глазах. Я ходила с опущенной головой и избегала на нее смотреть.

Однажды утром мне домой позвонила Линда. Я к тому моменту была знакома с ней от силы несколько недель. Я совершенно уверена, что она считала меня тупицей, не умеющей разговаривать, потому что я лишь мямлила фразы вроде «еще печенья», «не знаю» и «мне нужно пойти еще кое-что написать», а потом смывалась из комнаты.

Линда отловила меня по телефону.

– Шонда, – твердо сказала она, – ты зря теряешь время. Ты зря тратишь ресурсы. Актеров каждую вторую минуту переманивают в другие проекты. Мы застряли на мертвой точке, потому что ты не желаешь сказать, чего ты хочешь. Ты и я обе знаем, что ты не хочешь брать эту актрису. Значит, тебе нужно сказать «нет», чтобы мы могли двигаться дальше и выбрать кого-то, кого ты по-настоящему захочешь. Это твой фильм, и, если ты возьмешь человека, которого не хочешь брать, это будет не твой фильм. Тебе нужно сказать всем «нет».

Мы позвонили всем остальным. Пока все они излагали свои соображения, по которым именно эта актриса будет идеальной Кристиной, я чувствовала, как Линда дышит в трубку. Она ждала, чтобы я высказалась. «Если я скажу «нет», они могут решить, что я не понимаю, что делаю, и отобрать у меня проект, – беспокоилась я. – Если я скажу «нет», они могут просто все равно сделать то, что хотят».

Наконец я выпалила:

– Нет!

Молчание.

Я никогда прежде не самоутверждалась. Возникла пауза.

Бетси пыталась урезонить меня. Уверена, я ей казалась малость чокнутой. Я так мямлила и так старалась всем угодить, что никогда не говорила ни слова. Насколько ей было известно, мне нравилась эта актриса.

– Но, Шонда...

– Нет. Я ее не хочу. Я не хочу писать для нее. Нет. Нет. НЕТ.

Пауза. Потом я услышала, как тон Бетси наполнился энергией. Теперь-то я знаю, что эта энергия рождается радостным возбуждением. Бетси как продюсеру больше всего нравятся люди, которые действительно обладают творческим видением и не боятся за него драться.

– Ладно, – сказала она. – «Нет» этой цыпочке. Хорошо!

Я также слышала в ее голосе облегчение. Шонда вернулась.

Мое облегчение было не меньшим. Это было мое самое первое «нет» на работе. Мой первый момент самоутверждения как лидера, капитана суденышка, которое, как мы все считали, будет крохотной яхточкой под названием «безмянный пилотный выпуск Шонды Раймс», но оказалось гигантским океанским лайнером под названием «Анатомия страсти».

Мое первое НЕТ.

И мое любимое НЕТ.

Благодаря этому НЕТ я решила, что теперь я стою за штурвалом этого судна. И начала именно так себя вести. Я начала вести себя так, словно та штука в моем мозгу была нашим единственным истинным севером. И что мы будем ориентироваться по нему, что бы ни случилось.

Что произошло благодаря этому НЕТ?

Сандра О переступила порог студии на следующий же день. Замочек в моем мозгу нашел свой ключик. Родилась Кристина Янг.

Да-да-да.

«Нет» – слово мощное. Это тяжелое вооружение, которое стоит иметь в своем арсенале. Но это оружие, очень трудное в развертывании.

Все знают, как трудно говорить «нет».

Это одна из причин, по которым люди ничтоже сумняшеся просят вас об одолжениях, просить о которых не имеют ни малейших оснований. Они знают, как вам трудно сказать «нет».

«Сможешь приглядеть часок за моими детьми?»

«Можно мне поносить твои бриллиантовые сережки?»

«Дашь мне на время свою машину?»

Или дают вам указания, давать которые – совершенно не их дело.

«Мне понадобится, чтобы ты отработала мою смену».

«Мне нужно, чтобы ты одолжил мне сотню долларов».

Кстати, ответом на все это должно быть «нет» – если только человек, обращающийся ко мне, не один из моих близких друзей и не ближайший родственник. Честно говоря, если это не ближайший друг и не родственник, у них нет ни малейшего основания даже задавать подобные вопросы. Нет. Нет. Нет.

Но говорить «нет» трудно.

Несмотря на то что я стала мастером в умении говорить «нет» на работе, личная жизнь – это другое дело. В личной жизни все иначе. На работе я прикрываюсь щитом целесообразности для сюжета, сериала, актерского состава, съемочной группы, сотрудников. Вне работы я выступаю от лица того, что лучше для меня.

А кто я такая?

Мне прекрасно удается заботиться о других людях. Так почему же я совершенно не умею заботиться о самой себе? Почему я настолько не готова обращаться с собой с такой же добротой и предупредительностью, давать себе такие же послабления, окружать себя такой же защитой и заботой, какие я обеспечила бы любому другому человеку?

Эта проблема никуда не делась, когда я стала успешнее на своей работе.

Только усугубилась.

Год «Да» без устали снабжал меня новыми открытиями, пока я слой за слоем шелушила себя, словно луковицу. Когда я добралась до этого «да», до своего желания не быть прикроватным половичком, говорить «да» слову «нет», телевизионные предпросмотры^[46] только-только завершились. Я только что стояла на сцене в Линкольн-центре рядом с Виолой Дэвис, в то время как *ABC* объявила миру, что наиболее ценный

участок телевизионной «недвижимости» будет закреплен за мной. Что компания заполнила весь вечер четверга продукцией «Шондалэнда». Не один какой-то сериал. Все разом. «Анатомия страсти» в восемь, «Скандал» в девять, «Как избежать наказания за убийство» – в десять.

Тринадцать лет назад, говоря своему агенту Крису о том, что хочу переключиться с киносценариев на телесценарии, я шутливым тоном ляпнула: «Хочу захватить мир через телевидение». Я еще не раз повторяла это, все тем же шутливым тоном, – друзьям, сестрам, всем.

К чему ты стремишься?

Хочу захватить мир через телевидение.

Я говорила это шутливо. Но я не шутила. Никогда не шутила.

И вот теперь это происходит. На сцене Линкольн-центра, и рядом со мной стоит Виола Дэвис^[47].

Моя мечта становится явью.

Знаете, что случается, когда все ваши мечты становятся явью?

Ничего.

Я осознала одну очень простую истину: все эти успех, слава, «сбыча мечт» не исправят и не улучшат меня. Это не мгновенно действующее зелье для личностного роста. Реализация всех моих мечтаний, казалось, лишь усилила те качества, которыми я уже обладала.

Так как там насчет моей неспособности быть акулой? «УконтраПоупить» кого-то? Решать, управлять?

Говорить «нет»?

На работе, в интересах моих сериалов и моих сотрудников – сколько угодно. В «Шондалэнде» я была истинным гладиатором. Я была бесстрашна. Я сражалась с неиссякаемой энергией.

А вне офиса? В собственных интересах?

Я каким-то образом снова все время оказываюсь в кладовке.

Дайте мне знать, если вам понадобятся какие-то консервы.

Я была как беспомощный ягненок, ждущий заклания.

Совершенно взрослый, создающий телевизионные сериалы, беспомощный ягненок.

Самая безумная черта в достижении успеха – то, что всевозможные люди решают, что ты разбогатела. И не просто разбогатела. Они решают, что ты – банк. Кстати, никто ведь не знает, какова *на самом деле* твоя ситуация, и предположение о том, что у тебя денежек куры не клюют, так им и остается – предположением. И не всегда верным.

Если бы я была по-настоящему богатой – я имею в виду, воистину-взаправду богатой, настолько, что хватило бы на несколько поколений, – я жила бы в Вермонте. Варила варенье. И писала романы. А в это время мой мускулистый бойфренд – мастер на все руки, которого звали бы Фицем, Дерекком, Джейком или Берком, рубил бы дрова и запекал на гриле ужин.

Вы же видите, что я не в Вермонте, верно? Вы видите, что я не варю варенье? И что единственные мои Фицы и Дерекы – вымышленные?

Вы видите это, потому что вы здесь, тусуетесь со мной. Но другие... у них в их мультяшных глазах мелькают те самые мультяшные долларовые значки.

В тот момент, когда я выпустила в эфир первую серию своего первого сериала, на свет божий стали вылезать люди.

Люди, которых я когда-то знала.

Люди, с которыми я не общалась годами.

Люди, с которыми я была знакома лишь шапочно.

Люди, которые, возможно, были знакомы с кем-то из знакомых моей мамы.

Люди, которых связывали со мной тончайшие из всех возможных нитей...

Рабочие места, возможность погостить в моем доме, деньги, сценарии на прочтение, роли в сериалах, просьбы о прослушивании, деньги на обучение, фильмы на финансирование,

знакомства со знаменитостями, вложения в компании, встречи с детьми их друзей – нет такой просьбы, с которой бы ко мне не обращались.

Поначалу я просто не могла в это поверить. Вот не могла, и все.

А еще я не могла сказать «нет».

Я мямлила, что попытаюсь. И пыталась. А потом ловила себя на том, что нервно мямлю какую-то отговорку и загоняю себя в порочный круг, который каким-то образом всегда заканчивался тем, что я говорю «да».

Мама смотрела на меня неверящим взглядом. Взбешенная вместо меня.

– *Кто-кто* тебе позвонил и *чего* попросил?! Мы что, знаем этого человека? Дай мне его номер, и я об этом позабочусь.

Разговор, оканчивавшийся словом НЕТ, был для меня ЧП на пять брауни. При той частоте, с которой поступали ко мне просьбы и требования, вскоре понадобился бы автопогрузчик для доставки меня в специальное медучреждение. Не смейтесь. Перспектива автопогрузчика вовсе не шутка – это моя темная сторона.

Но потом, к счастью, лавина просьб – так же внезапно, как и нахлынула, – начала постепенно убывать, оставляя тонкую струйку. Годы спустя я узнала, что моя сестра Сэнди мастерски научилась вмешиваться и отфутболивать безумные просьбы об одолжениях еще до того, как я о них узнавала.

У меня хорошие сестры.

Гордон, Зола и Скотти говорили мне, что тоже разбирались с этими просьбами. Мои родители захлебывались в них. Эти просьбы дожимали всех, кто меня окружал. И окружающие добровольно действовали как живые щиты. Оттесняя орды чудаков и наглых охотников за деньгами.

Но они не могли оттеснить людей, которых я считала друзьями. Людей, которых я считала близкими. Людей, с которыми я по наивности встречалась. Лис в моем курятнике.

Вскоре после начала года «Да» одна женщина, которую я хорошо знала и очень любила (какое бы подобрать для нее имечко... например, Лора), попросила ссудить ей большую сумму денег. Очень большую сумму денег. Больше, чем мне пришло бы в голову потратить за один раз. Лора просто небрежно попросила об этой сумме, как будто ей нужно было каких-то пять долларов.

Я родом со Среднего Запада. Я с вами поругаюсь, если вы станете убеждать меня покупать дорогущий сыр, – от обычного сыра тоже никто не умирал. Ну и что, что дешевая туалетная бумага обдирает задницу? По ней-то как раз и поймешь, что вытерлась дочиста.

Понимаете, к чему я?

Я не смогу нормально чувствовать себя, расставшись с такой суммой денег.

Мы с Гордоном, Золой и Скоттом ужинали.

– Скажи «да» слову «нет», – уговаривали они меня. – Никто не должен просить у тебя таких деньжищ. Это твои деньги. Ты заработала эти деньги. Ты вкалывала ради этих денег. Ты никому их не задолжала. Да будь хоть квинтиллиардершей – ты не обязана никому отдавать и гроша из своих денег.

– «Нет» – это полное предложение, – поучает меня Сэнди. – Говоришь «нет», потом «до свиданья». Ты не обязана никому ничего объяснять.

«Нет» – это полное предложение.

Я много-много раз слышала это клише.

Итак, я решила обращаться со словом «нет» так же, как обращаюсь со «спасибо». Говорить «нет» – и больше ничего не добавлять.

Я придумала три разных четких способа говорить «нет».

- «Я не смогу этого сделать».
- Подсказанный Золой: «Это мне не подойдет».
- И еще простое: «Нет».

Я выписываю эти варианты на отрывные самоклеящиеся листочки. Потом наклеиваю один на лицевую часть компьютерного монитора, чтобы он торчал сбоку, как флажок. Смотрю на него, звоня Лоре. Лоре, которую много лет считала подругой. Руки у меня дрожат. В мыслях пусто. Мне приходится безотрывно смотреть на надпись на листочке, чтобы выговорить эти слова.

– Насчет денег, – тихо говорю я. – Я не смогу этого сделать.

Брань, раздающаяся в мой адрес из-за того, что я не желаю отдать ей эти деньги, погружает меня в оцепенение. Слушая – *и ведь действительно сижу и слушаю*, – я чувствую, как меня захлестывает невероятное чувство облегчения.

И в этот момент я освобождаюсь.

Причина, по которой мне так страшно было говорить «нет», ясна. Я тревожилась: «Что, если она рассердится? Что, если она больше не захочет быть моей подругой? Что, если она примется орать и получится некрасивая сцена?»

И вот это все происходит на самом деле. И единственная моя мысль: «Хорошо. Теперь я знаю». Худшее, что могло случиться, уже происходит, и... и что? Не так уж это ужасно. Я становлюсь счастливее, узнавая, что она на самом деле за человек, чем раньше, когда я этого не знала. Мое «нет», которое я *на самом деле* хотела сказать, позволило Лоре разоблачить себя, заставив ее сказать то, что она на самом деле хотела. А хотела она сказать, что использует меня ради того, что я могу ей дать. Что я ее раздражаю. Что я – ее банкомат.

И знаете, что я скажу на это?

Черта. С. Два.

Лора делает паузу в своей тираде. «Вот, – думаю я, – тот самый момент, где мне полагается извиниться и предложить ей взять эти деньги».

Потом Зола скажет мне, что, хоть я этого, возможно, и не понимаю, но полугодом раньше я бы извинилась и отдала эти деньги, чтобы избежать всяческих драм, боли и конфликтов. Так Зола мягко намекнет, что я прежде была половичком.

Но теперь я слышу, как моя старая подруга Лора дышит в трубку. И спокойно заполняю паузу:

– Это. Мне не подходит. Нет. Пока.

Прощай, Фелиция^[48].

И вешаю трубку.

Я бегаю по комнате – буквально. Порой со мной такое бывает. Когда я возбуждена сверх меры, я бегаю по комнате. Я бегала по комнате во время сцены «красной свадьбы» в «Игре престолов». Я бегала по комнате, когда пилотный выпуск «Анатомии страсти» выбрали для создания сериала. Я бегала по комнате в тот момент, когда мне позвонили и сообщили, что вот-вот родится Харпер.

Я ощущаю фантастический приток энергии. Бодрость духа на несколько дней обеспечена. Я рассказываю эту историю всем, кто готов меня слушать. Люди пытаются утешать меня в связи с потерей подруги.

Но они не понимают. Я не потеряла подругу. Я обрела вторую суперспособность.

Я умею придумывать. И умею говорить «нет».

Погодите-ка!

Я умею говорить *не только* «нет».

Я умею говорить *что угодно*.

Я умею придумывать. И я умею говорить *что угодно*.

Я могу сказать *что угодно кому угодно*.

Любой трудный разговор, любая трудная тема, сидящая у меня в печенках, любые невысказанные исповеди, любые колкие обидки и неприятные задачи?

Я могу об этом говорить.

Я *хочу* об этом говорить.

Потому что, каким бы трудным ни был разговор, я знаю, что по другую сторону этого трудного разговора будет покой. Ответ получен. Характер проявлен. Договоры сформулированы. Непонимания разрешены.

Там, за полем трудного разговора, лежит свобода.

И чем труднее разговор, тем прекраснее эта свобода.

Когда кто-то говорит что-то мелочное или мерзкое, произносит одну из тех мелких пассивно-агрессивных фраз, которые прежде просто язвили меня по нескольку дней, я теперь не хлопаю дверью и не бегу плакаться всем, кто готов меня выслушать. Что теперь? В тот момент, когда такая фраза сказана?

– Что вы имеете в виду? – спокойным тоном спрашиваю я.

Это ошарашивает собеседника. До меня доходит, что большинство из нас не привыкли, чтобы разговаривали *С НАМИ*. Мы привыкли, что говорят *О НАС*. Мы привыкли избегать всех конфликтов. И, разумеется, единственное, что мы делаем, избегая, – это порождаем еще больше драмы.

Одна моя хорошая подруга была непревзойденной мастерицей бормотать себе под нос.

– Что ж, тем хуже для тебя, – пробормотала она, когда я рассказала ей о какой-то мелочи, из-за которой у меня выдался трудный день на работе.

– Что ты имеешь в виду?

Она подняла голову.

– Что?

– «Что ж, тем хуже для тебя». Вот что ты сказала. Что ты имела в виду?

Она чуть со стыда не сгорела. Она и не сознавала, что кто-то другой сумеет расслышать ее бормотание. Она не знала, что ее внутренний язвительный монолог слышен миру. Ее извинения были искренними. Работа, которую ей предстоит провести над собой, – ее личное дело.

Когда что-то идет не слишком хорошо, когда возникает конфликт, когда кто-то расстроен или труден в общении, моя более интровертная составляющая так и жаждет сбежать в надежде, что все закончится само собой. Новая я ныряю прямо в глубокую часть бассейна и спрашиваю: «Что случилось?»

Да-да-да.

До сих пор все получалось неожиданно прекрасно. Простая готовность вести диалог действовала как своего рода волшебное заклятие. Словно какое-то зелье подмешали к эфиру вселенной. Потому что в тот момент, когда я сказала «да» этой трудности, в тот момент, когда я раскрылась навстречу диалогам, в тот момент моя жизнь мгновенно и внезапно изменилась.

Я стала мужественнее.

Я избавилась от стеснительности, отчасти – от неуклюжести, отчасти – от боязни общества. Всякий раз, говоря «да», я заводила новых друзей, получала новые впечатления и ловила себя на том, что ввязываюсь в проекты, участвовать в которых даже не мечтала.

Я стала чаще смеяться. Стала храбрее. Стала наглее. И, несмотря на всю мою занятость, возникло ощущение, будто теперь у меня больше свободного времени, чем когда-либо прежде. Я осознала, что тратила огромное количество энергии на жалобы и жалость к себе, на мрачность и травмированность. Мне стало не интересно быть таким человеком. Теперь – когда можно просто открыть рот и заговорить.

Да-да-да.

Я сделалась чуть ли не одержима трудными разговорами. В основном из-за того, какой спокойной становится жизнь, когда ты к ним готова. А еще из-за того, насколько легче не хвататься за торт, если не измотана стрессом, не затаила ни на кого обиду и не полна уязвленных чувств.

Я наклеиваю на зеркало в ванной листочек со словами: «Я могу либо сказать это – либо заесть». Как бы пошло эта фраза ни звучала, она верна. Жаль, что я не научилась говорить «да» двадцать пять лет назад. Сколько времени было зря потрачено на сидение на диетах и вечное замалчивание своих мыслей!

Но я наверстывала упущенное. Многочисленные «да» давали кумулятивный эффект. Кураж, игра, «спасибо», трудные разговоры, снижение веса – я становилась другим человеком.

За одним из наших еженедельных совместных обедов три моих ближайших друга сообщили мне об этом.

– Ты ведешь себя как совсем другой человек. Даже ощущения от тебя другие, – сказала мне Зола.

Скотт и Гордон поддержали ее.

– У тебя походка стала горделивой, – заметил Скотт. – Ты теперь светишься.

– Раньше ты была вся сгорбленная, – добавил Гордон. – Такая вся депрессивная и «не смотрите на меня». Этой девочки больше нет.

Нет. Девочки.

Да-да-да.

Когда говоришь то, что думаешь, и прыгаешь в глубокую часть бассейна, это не всегда приводит к счастливой концовке. Трудные разговоры – своего рода азартная игра, и нужно быть готовым принять ее результат. И нужно знать, где ты проведешь черту.

Нужно знать, *когда* в разговоре ты собираешься сказать «нет».

Нужно знать, когда сказать: «Это мне не подходит».

Нужно знать, когда сказать: «С меня хватит».

Нужно знать, когда сказать: «Это того не стоит».

«Ты того не стоишь».

Чем больше я говорила то, что думаю, чем больше я была готова нырять в трудные диалоги, чем больше я была готова говорить «да» *себе*. Тем меньше была моя готовность общаться с людьми, которые делали меня опустошенной, несчастной и незащищенной.

Моя подруга, просившая у меня деньги, – не единственный человек, от которого я ушла в этот год «Да».

Нет. Не единственный.

Нет.

12

«Да» людям

Когда Крис номер один сказал мне, что Кампания за права человека^[49] награждает меня премией «Союзник в борьбе за равенство», я больше обеспокоилась вопросом платья, чем будущей речью. Теперь при известии о том, что мне нужно где-то выступить, я и глазом не моргну. Мне, конечно, было не все равно, что я стану говорить. Но я больше не боялась в этом признаться.

Я заворачивала на последний, как мне казалось, отрезок своего «да-забега». Мне становилось все проще и легче. Я набила руку во всех этих «да». Я освоила их. Я была полна самодовольства и самоуверенности на этот счет. О, высокомерие, *вот* ты где!..

Мне просто казалось, что все у меня под контролем. Я, точно газель, мчалась к финишной черте.

А потом, как и в любой длительной гонке, этот последний отрезок сделался трудным. Я врзалась в стену. Оказывается, легким было как раз начало. Самое трудное ждало меня впереди.

Я еще не умела высказывать свое мнение. Постоять за себя. Сражаться за себя. Вот ведь ирония!

Одно дело – сбрасывать вес.

Другое – «сбрасывать» людей.

Я только что «сбросила» подругу. Близкую.

Я никогда не чувствовала себя более одинокой.

Я боролась с желанием залечь в кровать с «Доктором Кто» и коробкой шоколадно-мятного печенья. Мне хотелось «телячьей практики». Впервые за долгое-долгое время мне захотелось бесчувственности.

Когда пришло время мерить платье для грядущего вечера, Дана стояла надо мной, а я лежала, свернувшись клубочком, на диване.

– Кажется, я не смогу этого сделать. Я больна. Я умираю.

Дана ничего не сказала. Ни слова. Она постояла надо мной, а потом – как раз когда я начала думать, не начинает ли Крис номер один вести семинары по теме «Как заставить Шонду шевелить задницей», – начала распаковывать платье. Поразительно прекрасные вечерние платья.

Нет необходимости в семинарах. Оказывается, именно так можно «заставить Шонду шевелить задницей».

Позднее на той же неделе. Платье висит на дверце шкафа. Я пытаюсь вспомнить, как проводится «телячья практика». Говорю Сэнди, что не могу поехать на вручение. Мне слишком одиноко. Она говорит мне, что я поеду. А потом советует позвать еще людей. Позвать *своих* людей. *Собрать вместе своих людей*.

– «Одиноко!» – фыркает она и качает головой, дивясь моей глупости. Словно хоть когда-нибудь в моем случае можно было говорить об одиночестве.

Утром перед торжественной церемонией в КПЧ я пишу свою речь. Вечером чувствую себя уязвимой, стоя на сцене. Ощущение такое, будто я вырвала станицу из своего дневника и читаю ее вслух. И все же именно эти слова я и хочу сказать.

Вот она, эта речь.

РЕЧЬ ДЛЯ «КАМПАНИИ ЗА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА»

14 марта 2015 года

Лос-Анджелес, Калифорния

ВЫ НЕ ОДИНОКИ

Я была писателем еще до того, как выучила буквы.

Я записывала истории на диктофон, который включала моя сестра Сэнди. Потом пыталась заставить маму напечатать их. Было мне тогда, пожалуй, года три. А уж когда я выучила буквы – сочинительство открыло передо мной *миры*.

Ничто иное не создает этого уникального гула в моем мозгу, этого особенного путешествия в страну воображения. Сочинительство было... ну, для меня это было все равно что впервые сесть за рояль и осознать, что я всегда умела играть. Сочинительство было моей мелодией. Сочинительство было мной. Сочинительство – это была *Я САМА*.

В школьные годы я день за днем вела дневники. Они у меня сохранились. Маленькие книжечки в тканевых обложках, потрепанные и полинялые. Они лежат в коробках у меня на чердаке – штук двадцать. Кажется.

Книжечки, заполненные надеждами, мечтами, историями и болью.

Позвольте мне описать себя в детстве: очень умненькая, слишком пухленькая, невероятно чувствительная, ботанистая и болезненно застенчивая. Я носила очки со стеклами толстыми, как бутылочное донышко. Две туго заплетенные косички свисали по бокам моей головы – эта прическа мне совсем не шла. И вот главное условие: часто я была единственной чернокожей девочкой в своем классе.

У меня не было друзей.

Нет ничего злее, чем стая человеческих существ, которая сталкивается с тем, кто от них отличается.

Я была очень одинока.

Так что...

Я писала.

Я создавала себе друзей. Я давала им имена и выписывала их портреты во всех подробностях. Я придумывала для них истории, дома и семьи. Я писала об их вечеринках, свиданиях, друзьях и жизни, они были для меня настолько реальными, что...

Видите ли, «Шондалэнд», воображаемая страна Шонды, существовала с тех пор, как мне исполнилось одиннадцать лет.

Я построила ее в своем сознании как место для хранения моих историй. Безопасное место. Пространство для существования моих персонажей. Пространство, где могла существовать Я САМА. До тех пор, пока я не покончу с этим клятым подростковым возрастом и не смогу сбежать в большой мир и быть собой.

Менее изолированной, менее маргинальной, менее невидимой в глазах своих сверстников.

До тех пор, пока я не смогу найти своих людей в реальном мире.

Не знаю, заметил ли это кто-нибудь, но я всегда пишу только об одном – об одиночестве. О страхе быть одиноким, о желании не быть одиноким, о попытках найти своего человека, удержать своего человека, убедить своего человека не оставлять нас в одиночестве, о радости быть со своим человеком и, таким образом, больше не быть одиноким. О трагедии, когда тебя оставляют в одиночестве. О потребности слышать слова: «Ты не одинок».

Фундаментальная человеческая потребность одного человека – слышать, как другой человек говорит ему: «Ты не одинок. Ты видим. Я с тобой».

Репортеры и «твиттеры» часто спрашивают меня, почему я так рьяно вкладываюсь в «разнообразие» на телевидении.

«Почему так важно присутствие разнообразия на TV?» – спрашивают они.

«Почему так важно добиваться разнообразия?»

Право, я терпеть не могу слово «разнообразие». Оно предполагает нечто... иное. Словно это нечто... особенное. Или редкое.

Разнообразие!

Словно есть что-то необычное в том, чтобы рассказывать на TV истории с участием женщин, цветных и ЛГБТК-персонажей.

У меня есть другое слово: *НОРМАЛИЗАЦИЯ*.

Я нормализую TV.

Я заставляю TV выглядеть так, как выглядит мир. Женщины, цветные, с психическими отклонениями, составляют НАМНОГО больше 50 процентов населения. То есть это не что-то необычное. Я заставляю мир телевидения выглядеть *НОРМАЛЬНЫМ*.

Я *НОРМАЛИЗУЮ* телевидение.

Вы должны иметь возможность включать телевизор и видеть свое племя. Вашим племенем могут быть люди любого рода, любые, с кем вы отождествляетесь, кто кажется похожим на вас, кто ощущается как семья, как истина. Вы должны включать ТВ и видеть свой народ, кого-то, похожего на вас.

Видеть, что они есть, они существуют.

Чтобы вы в свой самый темный день знали, что, когда вы пускаетесь бежать (метафорически или физически *БЕЖАТЬ*), где-то есть кто-то, К КОМУ вы можете прибежать. Ваше племя ждет вас.

Вы не одиноки.

Цель в том, чтобы все люди могли включить телевизор и увидеть кого-то, кто выглядит как они и любит как они. И, что так же важно, все должны включать телевизор и видеть кого-то, кто выглядит *не*как они и любит *не* как они. Потому что, возможно, тогда зрители чему-то у них научатся.

Возможно, они не станут их изолировать.

Маргинализировать.

Вычеркивать.

Вероятно, они даже начнут узнавать в них себя.

Вероятно, они даже научатся их любить.

Думаю, когда вы включаете телевизор и видите любовь – чью угодно, с кем угодно, к кому угодно, – *настоящую любовь*, вам оказывают услугу. Ваша душа как-то развивается, ваш разум как-то растет. Ваше сердце приоткрывается чуточку шире. Вы что-то переживаете.

Сама мысль, что любовь существует, что она возможна, что у человека может быть «человек»...

Вы не одиноки.

Ненависть сокращает, любовь расширяет.

Я много говорю в кабинетах своих сценаристов о том, какое значение имеют образы. Образы, которые вы видите на телевидении, имеют значение. Они рассказывают вам о мире. Они рассказывают вам, кто вы. Каков этот мир. Они формируют вас. Мы все это знаем. На эту тему есть исследования.

Так что же происходит, если вы никогда-никогда не видите на TV Сайруса Бина?^[50] Или Коннора Уолша? Или не слышите монолога Эрика Хана? Если вы никогда не видите на TV никого из этих людей...

Что вы узнаете о своей важности в ткани общества? О чем это говорит молодым людям? С чем это оставит их? С чем это оставляет любого из нас?

Всякий раз все это сводится к одному.

Вы не одиноки.

Никто не должен быть одиноким.

Поэтому.

Я пишу.

Наконец, я хочу сказать следующее.

Если ты – ребенок где-то там, в этом мире, и ты отличаешься излишней полнотой и не блещешь красотой, зато ты «ботаник», стеснительный, невидимый и терзаемый болью, какой бы ни была твоя раса, каким бы ни был твой гендер, какой бы ни была твоя сексуальная ориентация, – я стою здесь, чтобы сказать тебе: ты не одинок.

Твое племя – оно есть в этом мире. Ждет тебя.

Как я могу быть в этом так уверена?

Потому что... мои люди...

...сидят *вон там*, за этим столом.

Спасибо.

13

«Да» – выплясыванию (с подходящими людьми)

Я сижу в монтажной Prospect Studios со своим мастером монтажа, Джо Митацеком. Мы спорим, какую песню использовать. Эти дебаты бушуют уже не одну неделю. Монтируется заключительная серия десятого сезона «Анатомии страсти». Сцена культовая: Мередит и Кристина в последний раз самозабвенно выплясывают в ординаторской. Песня, под которую мы будем смотреть их танец, имеет эпическое значение для меня и для фанатов, которые наблюдали, как эти персонажи росли и развивались – становились из интернов врачами, из осторожных молодых женщин – ходячими электростанциями. К этому моменту мы уже провели с ними более двух сотен серий. Больше десяти лет жизни – нашей и их. Это последний раз, когда зрители увидят Кристину Янг на экране. Эта сцена, эта песня, монтаж – все должно быть сделано правильно.

Когда эту сцену снимали, была использована великолепная песня в стиле хип-хоп, чтобы воодушевить актрис и придать им энергии. Теперь, в монтажной, мнения сыплются со всех сторон. Все, кто был там во время съемок, полагают, что на фоне любой музыки, кроме быстрой танцевальной песни, Сандра и Эллен будут выглядеть как плохие танцовщицы.

Я считаю, что это чушь.

Я не считаю, что Сандра или Эллиен *хоть когда-нибудь* могли бы показаться плохими танцовщицами. Это невозможно. Сандра обладает свойственной рок-звездам и «нации ритма»^[51] хэппенинговостью, а в Эллиен есть живость и прыгучесть, какая-то одновременно сияющая и неизменно «гангстовая». Они вдвоем умеют «зажигать» с потрясающе неповторимой индивидуальностью и при этом транслировать редкостные родство и гармонию – вот что изначально вдохновило всю концепцию их плясок.

Они делали это десять сезонов.

Это никакой не монтажный трюк, народ.

Эти женщины умеют *двигаться*.

Я не присутствовала на съемках – я никогда не присутствую на съемках (ну, почти никогда), потому что не умею находиться в пяти местах одновременно. На сей раз меня не **было** потому, что я сидела на родительском собрании. Я пропустила живое исполнение. Так что на мое представление ничто не повлияло.

И в любом случае мне все равно.

Я не хочу быструю песню.

Быстрая песня ощущается неправильно.

Быстрая песня меня раздражает.

Быстрая песня – это полное...

Джо желает знать, почему она мне не нравится.

Резонный вопрос.

Вот только я не могу на него ответить.

У меня нет способа объяснить, почему мне это не нравится.

Я не знаю *почему*.

Мне просто не нравится.

У меня от нее свербит в моих истинно-северных извилинах.

Мы спорим. Мы дебатлируем. Мы ссоримся.

Не бывает бесполезных упражнений. Я хочу, чтобы мои монтажеры ссорились со мной. Мне нравится, когда мне бросают вызов. Мне нравится, когда мне доказывают, что я не права.

Мгновенное согласие вызывает у меня глубокие подозрения.

Мгновенное согласие пугает меня.

Джо работает здесь на окончательном монтаже почти все время жизни этого сериала. За эти годы он поднялся от помощника монтажера до ведущего мастера монтажа. Он на этом собаку съел. Он знает, как проходят эти споры в монтажной. Он знает, что у него есть право на попытку добиться своего, если он сумеет заставить меня взглянуть на историю под другим углом, с другой точки зрения. Если он сможет самую малость наклонить горизонт...

Поэтому мы сражаемся не на шутку.

Да-да-да.

Когда я сказала «да» трудным разговорам, когда я сказала «да» слову «нет», меня ожидало интересное открытие. Вот какое: счастливые, цельные люди тянутся к счастливым, цельным людям, но ничто не может сделать отравленного злобой человека более несчастным и деструктивным, чем счастливый, цельный человек. Несчастливые люди не любят, когда их несчастные собратья становятся счастливыми.

Я абсолютно уверена, что это так.

Потому что я когда-то была несчастным человеком.

И ничто не расстраивало сильнее, чем видеть, как такой же озлобленный, изнуренный, отравленный, мрачный и травмированный друг находит свою дорогу к солнцу. Как вампир, пытающийся спасти соплеменника, ты жаждешь утащить его обратно во тьму. Искренне считая, что поступаешь правильно. Я цеплялась за безысходность. Это было единственным, что я знала. Я в этом нуждалась. Я нуждалась в этом так же, как нуждалась в жирдяйстве. Это было легче, чем пытаться. Мрачность и травмированность давали мне разрешение не хотеть ничего большего, чем безысходный статус-кво. Никогда не надеяться, никогда не быть

оптимисткой. Мрак и травмированность занимали время и пространство в моей голове. Это своего рода карт-бланш: я не обязана ничего делать со своими проблемами, если я занята жалобами и жалостью к себе.

Теперь же я была той, кто стоит на вершине горы с ясной солнечной панорамой. И я видела, что здесь нет места травмированности.

Да-да-да.

До года «Да», если бы вы спросили меня, кто мои близкие друзья, я бы уверенно оттабанила список имен людей, которых я любила, людей, которых я знала много лет. Людей, ради которых я сделала бы что угодно.

Мой народ. Мой отряд. Мое племя.

Мои Бонни и мои Клайды.

Мой список «вместе до смерти»^[52].

Список «вместе до смерти» – это не шутки.

Я имею в виду, передо мной никогда не стоял выбор «быть вместе или умереть», и я – девочка из среднего класса, которая тусовалась в кладовке в предместьях, где единственной знакомой мне Бонни была помада-блеск для губ «Бонни Белл», но, вы понимаете...

Мой список «вместе до смерти» перед годом «Да» был очень конкретным. Определенным. Я могу назвать эти имена даже во сне.

А что теперь, когда я пишу эту книгу о годе «Да»?

Этот список «вместе до смерти»? Как он выглядит?

Это в точности тот же самый список. Все те же имена. Без вычеркиваний. Вот только не все в этом списке...

...существуют.

В смысле существовать-то все они *существуют*.

Просто не все они – реальные.

В последние одиннадцать лет в моем списке «вместе до смерти» было одно имя, которое существует только в пределах стен «Сиэтл Грейс Мерси Вест/Грей-Слоан Мемориал». Я не сумасшедшая. Я знаю, что она не реальна.

Мне просто наплевать.

Кристина Янг всегда будет одной из моего списка «вместе до смерти».

Да-да-да.

Люди думают, что основа телефильма – это слова, которые я пишу на бумаге. Нет. Основа телефильма – это персонаж. Для меня персонажи могут *начинаться* со слов, которые я пишу на бумаге, но они – плоские. Как не надутые воздушные шарик, которые вываливаешь из пакета. Актер вдыхает в слова воздух – и внезапно то, что было плоским, становится трехмерным и живым. Более забавным или печальным, жестоким или ранимым. Я написала, а Сандра О вдохнула, и то, что взлетело, стало Кристиной. НАШЕЙ Кристиной. Той, которую мы с Сандрой создали вместе.

Вот кто была Кристина. Кусочек моей души и кусочек души Сандры, сплетенные вместе и помещенные на телеэкран. Человеческое сотрудничество в сфере воображения.

Та Кристина, которую мы создали, была откровением. Ее невозможно было заставить молчать. Она никогда не была «маленьким человеком». Никогда не была слишком закомплексованной, чтобы доказывать свои природные таланты. Эта Кристина нашей коллективной мечты колоссальна и уверена в своей гениальности. И в то время как другие боялись, нарисованная нами Кристина оказалась способна одолеть свои страхи чистой силой воли. Она принимала смелые решения. Она была бесстрашна, даже когда испытывала ужас.

Неудивительно, что я так налегала на Кристину, писала ее красноречивее, расцветчивала ее ярче, выходя за границы ее образа. Пусть делает, думает и живет, озвучивая мои мечты. Она не хотела выходить замуж. У нее был талант, который она развивала. Она любила свою работу. Я подарила ей пронзительное желание не заводить детей, потому что, хотя я детей обожаю, мне хотелось наблюдать, как она будет сражаться в своей феминистской битве и победит.

Я хотела, чтобы мы смотрели и восхищались женщиной, которая не хотела тех вещей, которых всем женщинам – как нам твердили – полагается хотеть.

Я хотела, чтобы мы подружились с женщиной, которая выбрасывала за борт волшебные сказки и писала собственную историю. И с каждым ее законченным портретом я позволяла себе уделять немного меньше внимания своей собственной выцветающей галерее.

Я отступила на задний план, где могла безопасно стоять в тени Кристины. Где я могла на цыпочках идти по следам, оставляемым Кристиной и Мередит на земле, когда они уверенно ступали по ландшафту.

Кристина переживала такие обстоятельства, которых не пережили бы большинство других персонажей. Она проводила хирургическую операцию с приставленным к виску пистолетом. Исцелялась, поймав гигантскую рыбину и держа ее в руках. В мои самые темные часы, в мои самые печальные тихие моменты, в мои самые одинокие времена работа над образом Кристины придавала мне сил.

Тот пистолет, приставленный к ее голове, и та рыба у нее в руках? Я написала эти истории не без причины. Эти истории заставляли меня верить, что нет ничего невозможного. Эти истории были доказательством того, что я могу пережить что угодно, а Сандра, игравшая эти моменты, вдыхавшая жизнь в эти слова, в Кристину, создавала ощущение, что я смогу выжить и выстоять. Кристина Янг была живым обоснованием моих мечтаний.

Что это было для ботанистой сценаристки с нервным тиком, которая едва осмеливалась высказывать собственное мнение? Позвольте сказать вам, дорогие друзья: это было волшебство. И этот вид волшебства – до безумия необыкновенный.

Время, которое мы с Кристиной провели вместе, было для меня невероятно реальным. Когда произносишь эти слова вслух, они кажутся глупостью. Но это правда.

Я проводила с Мередит и Кристиной больше времени, чем со своими друзьями в реальности. Час за часом в монтажных, час за часом в кабинете сценаристов, час за часом в одиночестве над сценарием. Смотря телевизор, Даже если вы проводили с Кристиной всего по часу в неделю, смотря на экран телевизора, вы, вероятно, провели с ней больше времени, чем с большинством реальных людей.

Так что эти отношения были настоящими.

Те рельсы, которые я укладывала, тот поезд?

Они были настоящими.

Тот поезд несся по тем рельсам, никогда не опаздывая, всегда доставляя удовольствие.

Но теперь он направляется к своей последней станции.

Мы почти добрались до конца сюжетной линии Кристины.

Сандра О покидает наш фильм. Вскоре она уйдет. И когда уйдет она, вместе с ней уйдет Кристина.

Я буду скучать по мисс Кристине Янг.

Я не имею в виду Сандру О. Разумеется, я буду скучать по Сандре. Но с Сандрой я смогу повидаться, я знаю, где Сандра находится.

Нет.

Я имею в виду, что я буду скучать по Кристине Янг так сильно, что сердце зайдет.

В году «Да» это одна из вещей, которые меня тревожат сильнее всего. Я не уверена, что справлюсь.

Да-да-да.

А потом кое-что случается с одним человеком из моего списка «вместе до смерти» (назовем ее... к примеру, Пэм?). Пэм – моя подруга, которую я описала бы как воистину удивительного человека. Сильная и по-настоящему веселая. Остроумная. Добрая. Непринужденная. Верная. Любительница приключений. Но когда я кидаюсь с головой в этот трудный год «Да» и совершаю первые робкие неуверенные шаги к счастью, Пэм становится ледяной стеной. Я все чаще и чаще оказываюсь в ситуациях, когда Пэм все больше сердится на меня. В начале года «Да» случается один особенно некрасивый инцидент. Потом, пару месяцев спустя, некрасивая ссора. Я подолгу размышляю, пытаюсь понять, не стала ли я

внезапно сверхчувствительной. Или, быть может, каким-то образом спровоцировала такое поведение. Я ловлю себя на том, что осторожно расспрашиваю Пэм о некоторых ее замечаниях или поступках, которые кажутся мне попросту подлыми. Она уклоняется от любого конфликта. Я не понимаю, каким образом моя добрая, уверенная в себе подруга стала такой. Я обеспокоена. Но когда подобное случается снова, в показной и пассивно-агрессивной манере, я уже слишком далеко зашла по линии года «Да», чтобы с этим мириться. Теперь, всей душой готовая бросаться в трудные разговоры, я приступаю к ней с вопросом – что происходит? И разговор складывается нехорошо.

Я поступаю так, как всегда поступаю, когда хочу, чтобы мне сказали правду без прикрас. Я созываю свой внутренний круг «вместе до смерти»: Золу, Гордона и Скотта. Я знаю, что они не промолчат, если я не права, если я поступила неправильно и не обращаю на это внимания. Мы собираемся за ужином. Я рассказываю им все. Они молча слушают.

Я жду, когда же кто-то из них выступит, начнет говорить мне правду. Даст мне знать, что они думают.

Ничего. Они переглядываются. Их брови ведут между собой безмолвные дебаты. Но я в них не участвую.

– Что?! – в раздражении рявкаю я. Круг «вместе до смерти» никогда ничего не утаивает. – Скажите уже.

Наконец один из них решается.

– Мы все гадали, когда же это случится. Когда ты наконец заметишь, как с тобой обращается Пэм.

О чем это они?

Они говорят мне, что всегда подозревали Пэм. На их взгляд, Пэм не радуется то, что я счастлива. Она страдает, потому что я изменилась, и они это заметили. Я больше не желаю быть прикроватным половичком, так что у Пэм больше нет никакой полезной функции. Они очень мягко объясняют мне, что *Пэм никогда не была тем человеком, которым я ее считала.*

У меня нет слов.

– Пэм? ПЭМ?!

Я ошеломлена. Я в ужасе. Я...

Я минуту сижу, закаменев. Закрываю глаза. И начинаю вспоминать все, что на самом деле знаю о Пэм. Все, что я на самом деле видела сама или слышала о поступках Пэм за те годы, что знаю ее. Не могу припомнить никаких случаев, когда она была бы «сильной» или «веселой». Она всегда на взводе – никакой непринужденности. Мне случалось видеть, как она была и мелочной, и злобной, и сплетницей, так что «верная» – это совсем не то слово. Но... она ведь никогда не была такой на самом деле? Верно? *Верно?*

И тут я громко ахаю.

Потому что это первый раз, когда я начинаю что-то понимать.

Те друзья, которых я создавала в своих дневниках, когда мне было одиннадцать лет? Те личности, и биографии, и качества, которыми я их наделяла? Те истории, которые я сплетала, чтобы создать мир, в котором у меня были свои люди? Люди, которые привечали пухлую девочку-аутсайдера в очках с толстыми «бутылочными» стеклами и некрасивыми косичками? Персонажи, которых я сотворила, чтобы у меня было свое племя?

Я делаю это до сих пор.

Прямо сейчас.

Я понятия не имею, какова Пэм на самом деле. Потому что... все до единого качества, которые я упоминала в прошлом, говоря о ней, – это всего лишь рельсы, уложенные мною. Посиделки у костра.

Я плету небылицы и тем зарабатываю на жизнь.

Я придумала Пэм.

Роль Пэм *играет* кто-то по имени Пэм.

Я потратила не один год на дружбу – прекрасную, совершенно изумительную дружбу – с человеком, который является лишь заменой плода моего воображения.

Сижу. Осознаю, что состою в дружеских отношениях с воображаемой реальностью.

Я даже не уверена, что мне *нравится* эта настоящая Пэм.

Я даже не думаю, что *знаю* Пэм. Она была просто...

– Аватаркой, – подсказывает Скотт. – Она была аватаркой.

Да!

Я расстроилась. Еще сильнее я расстраиваюсь, когда это случается уже со вторым человеком из моего списка – назовем его... Кеном? Я могла бы подробно рассказать о Кене, но... Второй куплет? Такой же, как и первый. В этом все дело: нет необходимости детально рассказывать, что произошло с Кеном, потому что, в сущности, *это та же самая история*.

Кружок «вместе до смерти» находит эту тему увлекательной. Мы не можем перестать обсуждать ее.

– Неужели я просто *переписывала* личности людей, чтобы они были лучше, чем настоящие люди? *Создавала* их, чтобы они служили той цели, которая мне была нужна? – ахаю я. – О боже мой, неужели я заваливала проблемы не только едой, но и *персонажами*?

В ту ночь я не могу уснуть.

Я видела то, что хотела видеть. И сейчас – как и в случае с едой, теперь мне это ясно, – я больше не считаю нормальным просто плюхнуть порцию вымысла поверх реальности людей, присутствующих в моей жизни.

И дело даже не в том, что мне это больше не кажется нормальным.

Я больше не способна делать это. Даже если бы захотела.

Теперь, увидев это, я не могу это развидеть. Все кристально ясно. Я снова осталась с глупыми эльфами Санты. И мне не нравятся Неуклюжий и Дерганый. Я не хочу видеть их в своем доме.

Я в печали. Я скорблю. Я сознаю, что теряю не только Кристину. Я теряю Пэм и Кена. Три придуманных друга уходят. Теперь, когда я вижу за кулисами Шонду, теперь, когда я вижу уложенные рельсы, я больше не вижу свою Пэм и своего Кена. Я просто вижу, как по планете бродят люди, которые похожи на них. Мои Пэм и Кен мертвы. Воистину мертвы. Я не могу их вернуть. Эта утрата болезненна.

Что ж, по крайней мере, у меня еще есть немного времени с Кристиной.

Да-да-да.

У нас с Сандрой сложились глубоко личные, странно переплетенные, интимные, холодноватые, близкие, далекие, яркие отношения. Единственный род отношений, возможный для двух людей, настолько эмоциональных, как мы, настолько психологически любопытных, как мы, и настолько творческих, как мы, когда мы проводили вместе эти десять лет как две половинки одного человека. Мы словно близкие родственницы. Я вижу ее – и кажется, будто времени не прошло нисколько. Мы плачем вместе, мы смеемся вместе, мыверяем друг другу мрачные тайны. Мы сидим в ресторанах и шепчемся на языке, который можно переводить только в контексте этого уникального общего опыта. Это было серьезно – и таковым остается.

Вымышленный персонаж, который создали Сандра и я, – фигура прекрасная и устрашающая. Выставьте Кристину против любого реального человека – и никакого состязания не будет. Ни у кого нет ни единого шанса. Это несправедливо и ужасно. И это не может быть мерилom для реального человеческого существа.

И все же. Какая, черт возьми, разница?!

Она – цель. Она – свобода.

Потому-то я ее и создала. И, думается мне, потому-то ее создала Сандра. Для меня она была не только тем, что я воображала. Она была тем, что было мне нужно.

Я с благодарностью слышу от множества женщин, что Кристина была тем, что нужно и им тоже. Я не одинока.

Как-то раз я сказала кому-то, что Кристина – одна из моих ближайших подруг. Моя собеседница чуточку расстроилась.

– Кристина – ближайшая подруга всей Америки, – наставительно сказала она. – Ты ведешь себя так, будто в тебе есть нечто особенное.

Я терпеливо киваю.

– Да, я знаю, что она – ближайшая подруга всей Америки. Но я – та, кому приходится писать слова, которые говорит наша ближайшая подруга, и решать, что она делает и куда идет.

Погодите-ка, я что же, все еще в кладовке? Похоже, что да.

Я травлю байки и тем зарабатываю на жизнь. Да.

Но на самом деле я травлю байки, чтобы жить.

Чтобы жить. Чтобы не переставать жить.

Время, проведенное с Кристиной, каким-то образом спасало меня.

Кристина Янг воздевала свой меч и отсекала головы всех демонов на моем пути. Позволяя мне чувствовать себя в безопасности. Защищая меня. Она первой испытывала все способы, какими можно было убить каждого демона. Она по любому пути шла первой, она первой испытывала любое оружие, она первой пробовала всякий заковыристый маневр.

Она была П.Е.И. Первая. Единственная. Иная.

И я бежала вслед за ней, получая все ее вторые шансы.

Она делала это для меня.

Теперь я знаю, что те демоны были какой-то версией меня самой. Я сознаю, что я сама – единственная, кто меня преследовал, загонял меня, кусал меня за ноги. Пытался откусить мне голову. Пора бы стать лучшим другом для самой себя.

Однако мои демоны меня не тревожат. Кристина сходит с поезда, но оставляет мне свой меч. Теперь я буду сносить демонам головы с плеч сама.

Я не боюсь.

Кристина Янг сделала меня храброй.

Вместе до смерти.

Я люблю вымышленного персонажа, и мне плевать, что кто-то об этом узнает.

Она была не только человеком Мередит, но и моим собственным.

Я уложила эти рельсы.

Я сплела эту небылицу, чтобы жить.

Вот подходит поезд.

Давайте спляшем. Но вначале нужно спеть песню...

Да-да-да.

Я наконец могу описать, почему та, другая музыка кажется мне неправильной.

– Я хочу, чтобы она парила, – говорю я Джо. – Я хочу, чтобы нам казалось, что они летают, когда танцуют. Я хочу, чтобы в этом танце ощущалось то же чудо и та же радость, которые они ощущают в операционной. Я хочу охватить десять лет выдающейся дружбы, истинной заботы, воительниц одного племени, «вместе до смерти». Я хочу охватить великолепие Кристины Янг, и всего, что она значит для себя, и всего, что она значит для Мередит, и всего, что она значит для нас. В одной песне, в одном танце, в одной сцене.

Джо долго-долго сидит и молчит. Потом повторяет:

– В одной песне. В одном танце. В одной сцене.

Я киваю. Джо кивает в ответ.

Мы долго-долго сидим и молчим.

И произносим это почти одновременно:

– Первый сезон.

И битва за музыку заканчивается. Победителей нет. Победили все. Нам нужно найти песню из первого сезона. И это должна быть песня, которая передает чувства радости и новизны двух интернов, только-только начинающих познавать хирургию и друг друга.

Результат идеален.

Гимническая песня Тигана и Сары «Where Does the Good Go». Песня, которую мы использовали в начале первого сезона, еще тогда, когда все мы думали, что ограничимся

несколькими эпизодами, получим немного удовольствия и разойдемся. Теперь мы все переплелись. Я держала на руках малышей Джо. Моя дочь Харпер училась ходить в коридорах этих монтажных. Эта песня вызывает томление, и ностальгию, и радость, и любовь, и она не слишком медленная и не слишком быстрая. Она парит.

Мы с Джо находим идеальный момент, чтобы перевести их пляску в замедленное воспроизведение. Мы хотим выпрыгнуть из реального времени – и потом переключиться на потолочную камеру, как раз когда Тиган и Сара добираются до припева. Мы играем с ним. Никак не получается идеально правильно, никак не получается совершенно. И все же это безупречно. Как раз этого мы и хотим добиться.

А потом, поскольку мы не можем позволить этому мигу пройти слишком быстро, поскольку мы не хотим расставаться с этими друзьями раньше, чем придется это сделать, мы с Джо делаем то, что редко происходит в монтажных.

Мы даем полную минуту непрерывного экранного времени на наблюдение за тем, как Кристина и Мередит выражают себя наилучшим образом, каким могут выразить себя без скальпеля в руках эти две блестящие женщины: мы смотрим, как они выплясывают.

Слезы наворачиваются на глаза, когда я впервые это вижу. Эти мрачные и травмированные сестры прошли тот же путь, что и я. И тоже перестали быть мрачными и травмированными.

Этот танец радостен. Этот танец триумфален.

Этот танец – прославление того, чем может стать человек.

Он стал всем, чем я хотела его видеть.

Они летают.

Да-да-да.

Мои чувства полны теплоты к Пэм и Кену. К их вымышленным версиям. Я на них не обижаюсь. Я им благодарна. Они были прекрасными друзьями, когда я нуждалась в них. И вне зависимости от того, были ли на самом деле истинными эти дружеские отношения, для меня они *были* истинными. Такими же истинными, какой была для меня Кристина. Такими же истинными, какими были истории, которые я записывала в блокноты в средней школе. Такими же истинными, какой была для меня кладовка. Они в то время обеспечивали меня кое-чем необходимым. Я ощущала поддержку их дружбы. Их верности. *Мысли* о том, что у меня были эти восхитительные друзья, эти члены моего племени, эти гладиаторы, прикрывавшие мне спину. Вместе со мной до смерти. Как и Кристина, они делали меня храбрее, быстрее, сильнее.

Я плету небылицы, чтобы жить.

Некоторое время Пэм и Кен являлись тем, что было необходимо мне, чтобы жить. Кристина тоже. Но больше они мне не нужны.

Положительной стороной выбраковки людей из моей жизни стало то, что мой фокус сделался очень четким. Мое зрение стало острым, как бритва. Теперь я работаю, чтобы видеть людей не такими, какими я бы их *переписала*, но такими, какими они написали себя сами. Я вижу их такими, каковы они есть. И вижу, какова я с ними. Потому что дело не просто в том, чтобы окружить себя людьми, которые хорошо со мной обращаются. Нужно еще и окружить себя людьми, чьи самооценка, самоуважение и ценности вдохновляют меня совершенствовать собственное поведение. Людями, которые требуют, чтобы я оставалась правдивой, доброй и не полностью сумасшедшей. Не лопала все, что попадет на глаза. Не пряталась. Не говорила «нет». Мне нужны такие «вместе до смерти», которые заставляют меня хотеть быть лучшим человеком.

Мне больше нет нужды их придумывать. Я окружена ими.

Мои друзья – не какая-нибудь там подделка.

Племя, которое есть у меня сейчас, настоящее, живое, из плоти и крови, «вместе до смерти» племя, которое было со мной всю дорогу, – оно настоящее. Мой мир был просеян до самых мельчайших индивидуумов. Мои сестры. Мой Скотт, мой Гордон, моя Зола. Мой Кристофер. Небольшая горстка других. Они меня подбадривают. Они держат меня за руку.

Они выпихивают меня вперед, когда меня так и подмывает спрятаться. Они всю дорогу советовали мне говорить «да».

Они не делают меня храбрее, быстрее, сильнее. Они говорят мне, что я уже *стала* храбрее, быстрее, сильнее.

Они не преследуют моих демонов и не рубят им головы вместо меня. Они говорят мне, что я сама способна крушить собственных демонов.

Они не сражаются за меня. Они говорят мне, что я могу сражаться за себя сама.

Они – круть-команда.

Все, что я должна делать каждый день, – это верить им.

И не опаздывать на свои аплодисменты.

Это удовлетворяет меня больше, чем целая *нация*, состоящая из воображаемых Кристин, у меня за спиной.

«Да» – реальным людям. «Да» – истинным друзьям. «Да» – отсутствию потребности уложить хотя бы один отрезок рельса.

Вместе до смерти.

Каждый раз.

Вместе до смерти.

Да-да-да.

Наконец танец окончен. Мередит и Кристина улыбаются друг другу. Кристина разворачивается, чтобы уйти, а потом, у двери, поворачивается обратно. Произносит свои последние слова. Дает свой последний совет женщинам Америки.

– Не позволяй его желаниям затмить твои нужды. Он очень сказочный, – говорит она. – Но он – не солнце. Солнце – это ты.

Ее последний совет, понимаю я, адресован не только женщинам Америки, но и мне.

14

«Да» – той, кто я есть

Конец 1970-х. Мне шесть лет, я иду по проходу между гостями, держа шлейф платья своей старшей сестры. Это день свадьбы Делорс. Прекрасный день, и церемония проводится на воздухе, в саду. Весь путь к алтарю сквозь музыку свадебного марша я слышу шепот сестры:

– Я не справлюсь, я не справлюсь.

Видите ли, она идет по траве, ее каблук утопают в земле, платье весит больше, чем я, и она нервничает. Довести ее до алтаря становится геркулесовой задачей.

– Я не справлюсь. Я не справлюсь.

Рядом с ней, накрыв ее ладонь своей, – спокойный голос, ровная походка – мой отец помогает ей делать каждый шаг вперед.

– Шаг за шагом, шаг за шагом, – приговаривает он.

Всякий раз как она шепчет «я не справлюсь», он отвечает ей «шаг за шагом».

– Я не справлюсь.

– Шаг за шагом.

– Я не справлюсь.

– Шаг за шагом.

Я несла шлейф сестры, когда была ребенком, примерно тридцать пять лет назад. До этого, в свои четыре года, я была девочкой-цветочницей на свадьбе моей тети Кэролин. Дважды была подружкой невесты. Однажды – шафером. За множество сезонов «Анатомии страсти» и «Частной практики» я успела поработать с нашими постановочными командами над планированием более чем четырнадцати свадеб – я до сих пор выбираю каждое платье, каждое обручальное кольцо и обсуждаю тематику каждого свадебного банкета.

В 2009 году, когда Бетси Бирс выходила замуж в Венеции, с видом на Гранд-канал, на ее свадьбе у меня не было никакой определенной роли. Но поскольку я, в сущности, скрутила ее, нацепила наручники и оттащила в студийную костюмерную, забитую свадебными

платьями, чтобы не дать ей «просто накинуть что-нибудь темно-синее», как она планировала, я сочла свою роль самой важной из всех. У Бетси гибкая фигурка манекенщицы; призвав в свидетели Веру Вонг, я была намерена заставить Бетси этим воспользоваться. Более высокого призвания просто не бывает. Единственная женщина, которой предстояло выйти замуж в музее Пегги Гугенхайм на фоне ее любимой картины, изображавшей закат солнца над венецианским Гранд-каналом, *будет* одета в платье «от кутюр», или я умру, пытаюсь заставить ее это сделать. Добро пожаловать, Италия!

Пока я заставляла ее примерять одно за другим платья, лично отобранные стильными ручками Мими Мелгард, Бетси то и дело косилась на меня, в равной степени развлекаясь и ужасаясь при виде мечтательной радости на моем лице.

Мы с Бетси работали вместе почти пятнадцать лет. Мы думали, что секрет нашей способности проводить столько часов вместе без единой попытки смертоубийства заключается в том, что мы с ней полные противоположности. Она высокая, тоненькая, белая и протестантка. Я низкорослая, фигуристая, чернокожая и католичка. Чем больше меня раздражает гнев, тем спокойнее я становлюсь. Чем больше сердится она, тем становится громогласнее. Она обладает энциклопедической памятью на TV, фильмы, литературу, поп-культуру, музыку – что угодно. Я часто не помню, где мои часы, пока кто-нибудь не укажет, что они у меня на руке. Мы – противоположности. И все же ее смущает моя головокружительная одержимость пышными белыми платьями. С ее точки зрения, концепция белого платья – варварская жестокость. Тот факт, что белое платье может вскружить мне голову – что я могу испытывать *настолько* иные чувства к свадьбам, чем она, – смущает ее.

После того как я в очередной раз дохожу до грани спонтанного взрыва от возбуждения, ее терпение лопається.

– Как можешь ты так перевозбуждаться, что вот-вот описаешься? – спрашивает она, сдирая с себя очередной кружевной воздушный туалет, который смотрелся бы нелепо на любом человеческом существе.

– Это потому что я обожаю свадьбы! – пронзительно взвизгиваю я. Близость ко всем этим свадебным платьям дарит мне своего рода странный контактный «приход». Такое же чувство я испытываю, когда вот-вот разобью кого-то наголову в скребл. Или в бадминтон. Или в вязании.

В смысле я *обожаю* свадьбы.

Я обожаю свадьбы.

Еще бы! Это же вечеринки. А я люблю вечеринки.

Но свадьбы я просто *очень* люблю.

ЛЮБЛЮ их. ОБОЖАЮ их.

Цветы, свечи, обеты, темы, платья.

Ими невозможно пресытиться.

Я могу точно рассказать вам, какой была бы моя свадьба, как выглядело бы мое свадебное платье, какой была бы еда на банкете... о, я спланировала достаточно свадеб, чтобы точно знать, какую свадьбу я хотела бы.

Есть только одна проблема. И в этот день, когда Бетси выходит из костюмерной, безупречно неся на себе безупречное свадебное платье, она озвучивает ее.

– Не понимаю, как ты можешь так сильно любить свадьбы – и не хотеть выйти замуж.

О да! Вот она.

В 2009 году я не хочу выходить замуж.

Это некоторая проблема. Ну... на самом деле – нет. Это не проблема.

Проблема в том, что теперь 2014 год. Проблема в том, что этим летом я вроде как собираюсь выйти замуж. Примерно через восемь месяцев от того момента, когда я начала год «Да».

А я до сих пор не хочу выходить замуж.

Не думаю, что мне когда-нибудь захочется выйти замуж.

ВОТ в чем проблема.

Да-да-да.

Я всегда знала, что хочу быть матерью. Я всегда знала, что хочу приемных детей. Я знала это со стопроцентной уверенностью. Как вы знаете о рассвете. Или о временах года. Это были факты. Так же, как я всегда знала, что буду стареть красиво.

Как я знала, что я – писатель. Материнство внутренне ощущалось во мне вещью настолько правильной, что мне и в голову не приходило в нем сомневаться.

Наверное, некоторые люди так же ощущают брак. В смысле я так думаю.

Я – не ощущаю.

И никогда не ощущала.

В детстве я не так много играла, а вот Сэнди играла, и помногу. Поскольку мы были единственными маленькими детьми, росшими в доме, полном подростков, Сэнди была просто вынуждена превратить меня в партнершу по играм. Старше меня на два года, она вытаскивала меня из кладовой или забирала у меня из рук книгу. И заставляла играть с ней. Но она играла не так, как любят играть другие дети. Сэнди не хотела ни пинать мячик, ни носиться на велосипеде, ни копать в земле, ни с визгом гоняться за мальчишками вместе с другими девочками. Нет. Сэнди интересовали затейливые ролевые игры.

Ну...

Затейливые ролевые игры, когда она понарошку была моей матерью.

Она брала строительный картон и карандаши и мастерила свою собственную маленькую кухню, а потом мы играли в «приготовь ужин и помой посуду». Когда наша мама заметила, какая Сэнди настойчивая, Сэнди получила крохотный фартучек, крохотный чайный набор и настоящую крохотную форму «бундт», в которой мама позволяла ей печь настоящие крохотные кексы в настоящей духовке. Раз в неделю Сэнди тщательно раскладывала нашу обширную коллекцию кукольной одежды на кухонном столе. К каждому предмету были приклеены клейкой лентой сделанные вручную ценники. Потом мы стояли на улице у москитной двери, глядя на часы, пока одна из наших старших сестер не оказывала любезность, крикнув: «Магазин открыт!» Это был сигнал, по которому надо было поторопиться внутрь и быть первыми, чтобы добраться до продавщицы. В какой-то момент продавщица понарошку говорила Сэнди что-то очень снобское, что-то со слегка расистскими обертонами. И Сэнди давала продавщице понарошку отповедь, такую свирепую и остроумную и с таким достоинством, что продавщица, доведенная до слез, в итоге гонялась за Сэнди по магазину, предлагая продать ей платье со скидкой. Это всегда приводило к тому, что Сэнди требовала дать ей поговорить с воображаемым менеджером. Эта игра называлась «мама на шопинге в универмаге».

Однажды на Рождество Сэнди подарили крохотную бело-розовую швейную машинку «Зингер», которая, как мне казалось, должна была быть игрушкой, но в руках Сэнди стала мини-набором инструментов для ее собственного проекта «Подиум». Она шила одежду для наших кукол – действительно впечатляющую, модную, хорошо сшитую одежду. Она объясняла мне, как важны качественные товары и почему дешевые вещи в торговом центре не стоят своих денег. Эта игра называлась «мама шьет».

Долгое время я послушно играла с ней, идя у нее на поводу. Но когда я стала старше, все контракты оказались разорваны...

Моя кукла Кара – потому что в семидесятых, если у тебя была чернокожая Барби, ее обязательно звали Кара и у нее были короткие волосы, а потом, в восьмидесятых, ее звали Кристи и у нее были длинные волосы с золотистым мелированием... В общем, моя Кара проводила большую часть времени, тусуясь в колледже со своей подругой Карой Второй (которая по случайному совпадению выглядела точь-в-точь, как Кара Первая). Они обсуждали планы поехать кататься на горных лыжах в Гштааде (Гштаад – это название всегда казалось мне невероятно крутым), и Кара Первая пыталась сделать выбор между карьерой гувернантки и путешествиями с богатой тетусшкой в качестве компаньонки (моим тогдашним страстным увлечением были «Маленькие женщины»). В какой-то момент неизбежно объявлялся Кен и приглашал Кару на свидание. Кара никогда не хихикала в ответ

и не надевала то крохотное невестино платьице, которое со всем старанием сшила для нее моя сестра. И никогда не ходила на свидания с Кеном.

Едва получив в подарок Кена, я обстоятельно его осмотрела. На меня произвел странное впечатление его непонятный гладкий квадратный пах и нарисованные волосы. А его голова... это решило судьбу Кена.

Кара никогда не встречалась с Кеном. Вместо этого она отрывала Кену голову и укладывала свои многочисленные тувельки на хранение внутрь его полого черепа, чтобы они не растерялись. Потом она нахлобучивала его голову обратно и заставляла Кена везти ее в шпионскую организацию, которой она тайно руководила вместе со своей архиврагиней Нэнси Дрю. Пустая голова Кена была *и* функциональна, *и* орнаментальна.

Я не хотела печь крохотные бундт-кексы или шить платьица. Или носить фартучки, или ходить по магазинам. Мне было не интересно играть в реальность. Я хотела тратить свое время, ну... на придумывание. На плетение небылиц. На жизнь в моем воображении. Но брак в это не вписывался.

О, но невесты...

Невесты стали для меня всем с того самого первого раза, когда я увидела Марию в «Звуках музыки». Она ушла из монастыря, у нее *был* миллиард детей, тот чувак-капитан *был* горячей штучкой, а ее свадебное платье выглядело *сногшибательно*.

Я обожаю романтику. Обожаю любовь.

Обожаю ходить на свидания с не-Кенами этого мира, мужчинами, у которых в головах есть нечто большее, чем воздух. Обожаю состоять в отношениях. Обожаю интересных мужчин.

Обожаю, когда моя клиентка проводит встречи. М-м-м...

Но.

Замуж?

Да ну на...!

– Но, Шонда, а если он – Единственный? Что, если вы СДДД? Что, если он – твоя родственная душа?

О-хо-хо...

Да-да-да.

Вот как хорошо подходят друг другу мои родители.

В 1994 году я заканчиваю с дипломом магистра искусств киношколу Южно-Калифорнийского университета, и мои родители прилетают на церемонию вручения.

Я настаиваю, чтобы они ночевали вместе со мной в моей маленькой квартирке в одном из не самых лучших районов Лос-Анджелеса. Они храбро соглашаются. В ту ночь я уступаю им свою кровать и ложусь спать на полу.

Тихо, темно. Все мы лежим так, наверное, минут тридцать или сорок. Я думаю, что они спят. Я сама почти уснула. А потом из темноты доносится мамин голос.

– Ты знаешь, я тут думала, – говорит она.

Не вопрос. Утверждение.

И папа отзывается сразу же. Я ошибалась, думая, что они спят.

– О чем?

И мама говорит...

Погодите-ка. Давайте внесем ясность: я могу совершенно неправильно передать ее слова, потому что НИЧЕГО не смыслю в этой теме, понятно? В общем, так...

...моя мама говорит что-то вроде:

– Я тут думала о теории психосексуальной репрезентации Маслоу и о том, как она связана со стокгольмским синдромом.

Я лежу на полу и думаю: «ЧТО?!»

Потому что я-то думала, к примеру, о... конфетке.

Я упоминала о том, что моя мама – доктор наук – мозгоправ?

Я жду, что ответит папа. Я жду, гадая, как именно он мягко скажет маме, мол, одному богу ведомо, о чем ты говоришь, и, пожалуйста, давай уже спать.

Ан нет.

Послушайте это. *Просто послушайте.*

– Я тут думала о теории психосексуальной репрезентации Маслоу и о том, как она связана со стокгольмским синдромом, – говорит мама.

И папа отвечает:

– Надо же, я тоже как раз об этом думал!!

Вот так вот. С двумя восклицательными знаками в голосе. А потом мои родители заводят долгий воодушевленный разговор о том... короче, по этой теме, будь она проклята.

Вот насколько хорошо они друг другу подходят.

Потому что папа тоже об этом думал.

Мама об этом думала. И папа тоже об этом думал. И они оба находили эту тему интересной.

Они всегда думают об одном и том же и договаривают друг за другом предложения. Они последовательно ходят хвостом друг за другом по дому из комнаты в комнату, как утята с взаимным импринтингом.

Они познакомились на свидании вслепую. Должно быть, это было невероятное свидание вслепую. Похоже, оно так и не закончилось.

Они – партнеры, попутчики, лучшие друзья, интеллектуальное сообщество из двух членов, братство спортивных болельщиков. Они идеально комплементарны и после пятидесяти с лишком лет – по-прежнему влюблены. До безумия любят друг друга. Люди думают, что я преувеличиваю, говоря о браке моих родителей, пока не познакомятся с ними. Вы тоже это поймете, когда встретитесь с ними. Мои родители – идеальный пример того, каким должен быть брак. Они понимают устройство брака и, похоже, верят в его неизбежность. Для них это путь, где есть извилины, повороты, ухабы и, возможно, отклонения, но нет конца. Нет вылетных магистралей. И им наплевать. Они слишком заняты получением удовольствия.

Я росла в первом ряду на спектакле о том, как выглядит счастливый, здоровый брак. Никогда не идеальный, постоянно развивающийся, всегда единый.

Мои родители – джекпот семейной жизни.

У моих родителей брак выглядит как самое восхитительное свидание, длящееся пятьдесят с гаком лет. Мои родители заставят вас думать, что воспитание шестерых детей и совместное старение будут своего рода вечеринкой с танцами. Я молюсь на их брак. Почитаю и уважаю его. Расхваливаю его всем своим друзьям.

Они СДДД – созданы друг для друга.

Они – родственные души.

Я все равно не хочу замуж.

Я говорю себе, что это потому, что у них идеальный брак. Их пример слишком идеален. Что, если бы я только встретила человека, который заставит меня подумать, что и у меня может быть настолько прекрасный брак...

Я говорила себе, что мыслю непредвзято. Пока мне не исполнилось сорок, тот факт, что я не хотела выходить замуж, был просто время от времени проплывавшей в моем сознании мыслью. Она даже не была реальной. Это была всего лишь теория. Я никогда не говорила об этом вслух. Никому. Да и с какой стати? Судя по некоторым реакциям на истории, написанные для моих персонажей на TV, женщина, не желающая выходить замуж или иметь детей, – готовая подсудимая для доброго старого суда над ведьмами.

Людям ужасно не нравится, когда ты решаешь сойти с дороги и начать карабкаться в гору. Похоже, это заставляет нервничать даже самых благонамеренных.

– Мы просто хотим, чтобы ты была счастлива, – встревоженно говорили мне растерянные друзья, когда им казалось, что я совершенно довольна своей ролью одиночки.

Я держала свои чувства при себе. Я не упоминала о них в разговорах с родственниками или друзьями. Я не говорила о них мужчинам, с которыми встречалась. Я думала: «Кто знает! Откуда мне знать! Я передумаю. Может быть, я не права. Может быть, брак – это то, чего я хочу и сама не знаю, что хочу этого. Надо быть открытой».

И я была открытой. Настолько открытой, насколько возможно быть открытой, одновременно строя жизнь, карьеру и семью, которые не требовали присутствия мужа.

А потом...

Да-да-да.

Я собираюсь поговорить об этом, *не говоря* об этом. Насколько получится. Будьте снисходительны. Я посвящаю вас всех во все свои дела. Но *это?* Это не только мое дело. И здесь я изменяю подробности, притом многие. Вбрасываю горсть блесток и убираю пару страшиков. Я хочу донести главную мысль – и не хочу раскрывать любые действительные факты, которые затрагивают другого человека.

Всем все ясно?

В общем, на самом деле это была моя вина.

Вся эта история с браком. Я сама это начала. Я не нарочно. Я это не планировала. Я просто...

Он прекрасный человек. Он веселый, умный и очень милый.

Я была воодушевлена им. Я знала его не один год. Он любил моих детей. Моя семья обожала его. Он нравился моим друзьям. Мы веселились, смеялись, разговаривали. Он любил меня. Я любила его. Все это было прекрасно.

Я была полна энтузиазма.

На самом деле полна энтузиазма.

Вы уже чувствуете, что сейчас произойдет?

Я тогда не чувствовала. Зато чувствую *сейчас*. Теперь я отчетливо это понимаю. Но тогда... Я не видела, что грядет.

В любых отношениях наступает момент, когда возникает вопрос: к чему все движется? Насколько это серьезно? Что дальше?

Я никогда не задаю эти вопросы. Что, как я слышала, редкость для женщины. Но я их не задаю. Потому что мне не важны ответы. Мои вопросы – где мы сейчас? Что происходит сейчас?

Но кто-то в отношениях всегда в конце концов задает эти вопросы. К чему все движется? Насколько это серьезно? Что дальше?

Он хочет знать.

Я полна энтузиазма.

Но я не хочу говорить о том, что будет дальше.

Но он хочет знать.

И я совершенно уверена, что причина, по которой он хочет знать, – это мой энтузиазм. Мой энтузиазм позволил ему задаваться вопросами.

Вот и говорите о трудных разговорах! До наступления года «Да» я не знала, что делать с трудными разговорами.

Я нервничаю. У меня стресс. Но я не хочу двусмысленностей. Я хочу получить ответы. Мне безразличны ответы, потому что ответы безразличны ЕМУ.

Может быть, я все же хочу выйти замуж. Может быть, брак – это потрясающе.

Да. Определенно. Брак – это потрясающе.

Я рассказываю Линде Лоуи все о том, насколько это потрясающая вещь – брак. Она замужем с незапамятных времен. Но все же. Я читаю ей лекцию. Я выдаю ей пронзительный монолог в духе «Скандала» о том, насколько великолепно хорош брак для людей. Она пристально смотрит на меня. Потом она скажет мне, что у меня были самые безумные, самые бегающие глаза, какие она только видела у человеческого существа. Но я ощущаю удовлетворенность. Мне кажется, я во всем разобралась.

До того, как начать год «Да», я передумала о себе множество безумных неистовых мыслей. Но мне явно нужна помощь. У меня явно есть проблема.

И поэтому без просьбы, без приказа – здесь не нужны ни просьбы, ни приказы – со скамьи в моем сознании вызывается рассказчик и идет к базе. И – черт, да, я вывалю на вас спортивную метафору! – с первой подачи он бьет хоумран.

Рассказчик решает проблему. Мой внутренний лжец все проясняет. Мы сидим у костра, мой рассказчик и я, и травим байки о свадьбах на ранчо в Монтане, и говорим о том, как хорош брак, когда ты в нем состоишь, и как идеально мы друг другу подходим, и как, разумеется, это будет прекрасно, и какой у нас импринтинг друг на друга, как у двух утят.

Я укладываю рельсы.

О, рельсы, которые я кладу!

Для поезда, который...

...в том-то и дело.

Никакого поезда *нет*.

Нет рабочих, ждущих команды строить декорации. Нет бюджета, которого надо придерживаться. Нет актеров для съемок.

Я укладываю рельсы в призрачном городе для призрачного поезда.

Я укладываю рельсы на маршруте в никуда для поезда, который не идет.

Только я этого еще не знаю. Я все еще думаю, что слышу свисток этого поезда где-то в отдалении. Он будет здесь с минуты на минуту...

И не теряю энтузиазма.

Брак!! Правда же, это великолепно?!

(дыши, дыши)

...два утенка с импринтингом друг на друга...

Шаг за шагом. Я не справлюсь.

Мы вместе *до конца жизни*.

Шаг за шагом. Я не справлюсь.

...два утенка с импринтингом друг на друга...

Он так счастлив. Я так счастлива. Просто...

Шаг за шагом. Я не справлюсь.

Я думаю о Делорс, которая тридцать пять лет живет в браке с Джеффом. Я думаю о своих родителях – целую жизнь в браке. Я воображаю себя после двух месяцев брака – и у меня начинается головная боль.

Давай подождем, говорю я. Пока не будем говорить родственникам и друзьям. Пока не войдет в колею жизнь с моей младшей малышкой. Пока не познакомятся наши семьи. Пока не наступит Рождество.

Пока не, пока не, пока не...

Шаг за шагом. Шаг за шагом. Шаг за шагом.

Я не справлюсь.

Помните, прямо сейчас мы еще не вступили в год «Да». Так что я делаю то, что всегда делала в моменты стресса. Я начинаю есть.

Я ем. И ем. И ем. Я заваливаю едой еду, заваленную едой. Как я уже сказала, я сейчас толще, чем когда-либо в жизни. Для него это не важно. Он меня любит. Его любовь выше всего наносного. Он – невероятный человек.

Чем он невероятнее, тем больше жратвы я пихаю в пасть.

Люди только и твердят мне: ты светишься.

Это потому что я влюблена, говорят они!

Это потому что я жирная и потная, говорю я!

Все так невероятно рады тому, что я с ним. Они его любят. Аж налюбиться вдоволь не могут.

Заметка на полях: похвалы, которых я удостоилась за то, что у меня был мужчина, за которого, как все надеялись, я выйду замуж, затмили все и всяческие похвалы, поздравления

и восторги, которые сопровождали рождение моих детей и любое из моих многочисленных карьерных достижений. Это просто поразительно. Присутствие мужчины рядом со мной повергало людей в такой же апоплексический восторг, как и на тех старых видео, где зрители смотрят «живые» выступления Майкла Джексона. Где они вопят и рыдают.

Ладно, не вопят и не рыдают.

Но серьезно!

Они почти что вопили и рыдали.

Мужик. В сравнении с тремя детьми. С целым вечером программ на TV. С премией Пибоди. С «Золотым глобусом». С целой жизнью наград за достижения от *DGA*^[53], *WGA*^[54] и *GLAAD*^[55]. С четырнадцатью премиями *NAACP*^[56]. С тремя премиями *AFI*^[57]. С медалью Гарварда и введением в Зал Славы телевидения – и это лишь немногие из моих достижений.

Какой-то мужик!

Он отличный парень. Один из лучших. Клуни *отдыхает*.

Но поскольку я не доктор Франкенштейн и поэтому не приложила руку к его созданию, я предпочла бы, чтобы меня не славили за его присутствие.

Это отвратительно.

Словно моя уличная цена выросла оттого, что меня захотел парень.

Знаете, какое у нас табу большее, чем быть жирной?

Не хотеть замуж.

Потом напомните мне начать революцию в этой сфере.

Да-да-да.

По мере продвижения года «Да» я начинаю выпутывать свой разум из истории о том, что мы – два утенка, что у нас импринтинг. Потому что это не так. Я знаю, что это не так. Потому что я лежала ночью без сна. В панике.

Он переедет сюда? Ко мне? И с детьми? Будет жить здесь? Со мной?

Мне придется все время с ним разговаривать. Видеть его каждый день. Осознавать его. Отдавать ему еще больше своей энергии и сосредоточенности. Мне и сейчас невероятно трудно вписать его. И это вовсе не оскорбление. Это правда. Все свое свободное время я провожу с детьми, потом идут друзья, потом родственники. Еще есть определенное количество времени наедине с собой, которой необходимо мне просто для того, чтобы иметь «мозговое пространство» для творчества, то время, что я называю проведенным в психологической кладовке. Я уже оторвала по кусочку времени от каждого, чтобы видеться с ним.

Он мягко предлагает:

– Я могу просто быть рядом, пока ты пишешь. Нам не обязательно разговаривать. Я просто хочу быть с тобой.

Мы с вами теперь уже близкие друзья, читатели. Так что вы знаете, как я отношусь к сочинительству.

Сочинительство – это гул. Сочинительство – это укладка рельсов. Сочинительство – это кайф.

А теперь вообразите, что этот гул, этот кайф, эти рельсы, которые нужно уложить, находятся за дверью. А эта дверь в пяти милях от вас. Эти пять миль – просто... написание чепухи, дуракаваляние, попытки придумать идею, блуждания по Интернету и надежда, черт возьми, отвлекаться не настолько, чтобы сдать.

Знаете, что еще хуже? Эти пять миль вымощены брауни, капкейками, эпизодами «Игры престолов», Идрисом Эльбой^[58], желающим поговорить только с тобой, и очень хорошими романами, которые еще не прочитаны.

Всякий раз когда я сажусь писать, мне приходится мысленно пробежать все эти пять миль мимо всего этого, чтобы добраться до заветной двери. Это долгая, трудная пятимильная пробежка. Иногда я добираюсь до этой двери почти умирающая.

Вот почему мне приходится продолжать это делать.

Чем чаще я пробегаю эти пять миль, тем лучше становится моя форма, а чем лучше становится моя форма, тем легче дается пробежка. И тем менее свежей и возбуждающей кажется вся эта хрень на обочине дороги. В смысле сколько времени она уже там валяется? Что еще важнее, набирая все лучшую форму, я могу бежать быстрее. А чем быстрее я бегу, тем быстрее мне удастся добраться до этой двери.

К вам это тоже относится, собратья-писатели.

Когда каждый день садишься работать, становится все легче и легче подключаться к этому творческому пространству внутри разума.

Чем быстрее у меня получается добраться до этой двери, тем быстрее я могу добраться до хорошего.

За этой дверью – хорошее.

Так что когда я добираюсь до этой двери и распахиваю ее... вот тогда щелкает моя креативность, и то особенное местечко в моем мозгу начинает работать, и я перехожу от усилий к экзальтации и вдруг уже могу писать бесконечно, и во веки веков, вечно, вечно, веч...

И тут кто-то открывает дверь и спрашивает, хочу ли я кофе или воды, – и я опять ЗА ПЯТЬ МИЛЬ от двери.

Я скрежещу зубами, пытаюсь улыбаться и говорить: «Нет, спасибо, видишь, у меня здесь уже есть **И** кофе, **И** вода, вот прямо здесь». А потом начинаю заново бежать эти пять миль.

Это происходит приблизительно по тридцать пять раз в день в офисе.

Кто-то выключает мой гул. И всегда по веской причине. Но мне все равно приходится подпихивать под себя ладони, чтобы избежать обвинений в убийствах, которые сейчас совершаются в параллельной вселенной.

Вообразите, что это происходит дома, милые читатели. С человеком, который любит вас и вовсе не хотел вас беспокоить.

Мне нет нужды это воображать. Я и так слишком хорошо это знаю.

У меня есть дети. Любая работающая мать это знает. Но одно дело – если это они затыкают мой гул. Я бы с готовностью скрипела зубами и улыбалась им весь день. Ради них я встала бы перед мчащимся автобусом. Они – мои дети.

Я пытаюсь вообразить, что это не мои дети. Я пытаюсь вообразить, как по доброй воле добавляю в эту мешанину *его*.

Зачем мне так поступать с собой? С ним?

Появляется ощущение, что я загнана в ловушку. В клетку. Я знаю, знаю. Теперь я кажусь монстром. *Кто-то любит тебя настолько сильно, что хочет быть с тобой, Шонда! В чем твоя проблема? Я просто тебя не понимаю!*

Знаете, кто меня понимает? Кто сочувствует мне в этом вопросе?

Кристина Янг.

Я подарила ей свое двойственное отношение к браку. Я подарила ей свою страсть к работе. Я подарила ей свою любовь к чему-то большему, чем мои романтические чувства. К чему-то, что притягивает ее сильнее, чем любой мужчина, – к творческому гению, вечно не дающемуся в руки, которого она никогда не перестает пытаться поймать.

Ее истинная любовь? Родственная душа? Ее СДДД?

Хирургия.

Зачем выходить замуж за мужчину, когда можно получить шоколадную фабрику?

Он меня любит. Я люблю его. И все же. Я не могу вообразить, как стану отдавать ему еще больше внимания. Я пытаюсь. Я просто не могу это вообразить.

Наконец я высказываюсь. И говорю, что хочу отложить не просто свадьбу, но и любые разговоры о свадьбе.

Надолго ли?

На один полный год.

Не сказать, что это воспринимается хорошо. Но он соглашается. Потому что он на самом деле фантастический, добрый и понимающий человек. Это я по-прежнему на грани. Потому что знаю, что это *не то*. Я знаю, что откладываю настоящий разговор.

В году «Да» это «да» – самое трудное «да».

«Скажи «да», – говорю я себе. – Скажи «да» своей истине».

Я разговариваю со своим кругом «вместе до смерти». Они серьезны. Озабочены. Но поддерживают меня. Мое племя за меня горой.

Поэтому я делаю это. Говорю. Ему. Ему в лицо. Впервые.

– Я не хочу выходить замуж. Возможно, я никогда не захочу замуж. Я совершенно уверена, что абсолютно никогда не захочу выходить замуж. Ну... Может быть, когда Беккетт окончит колледж. Или когда мне будет семьдесят пять.

Он поражен. И у него есть полное право.

Он хочет знать почему.

Я говорю. Долго. О традиционных причинах брака, больше не существующих для независимой женщины. О том, что брак – это клочок бумаги, обязывающий контракт, используемый для защиты собственности и активов, и что часто он правомерно применяется для защиты прав женщин, если они воспитывают детей и оказываются брошенными без всякого дохода. Брак – это финансовое партнерство. Брак не имеет ничего общего с любовью. Любовь – это выбор, который мы делаем каждый день. Романтическая любовь как путь к браку – сравнительно новая концепция, говорю я ему. И глупая притом.

Я говорю ему, что не хочу развода. Никогда.

Я говорю ему, что видела великолепное, фантастическое сочетание брака и романтической любви, совсем близко и своими глазами, на примере моих родителей и в силу этого знаю, как выглядят брак вкупе с долговечной любовью и сколько это требует труда.

Делаю глубокий вдох и говорю ему, что моя первая любовь – это творчество. Творчество и я – СДДД. Я говорю ему, что мой колодец энергии имеет ограниченную глубину и что я с радостью вливаю эту энергию в сочинительство и воспитание моих дочерей и поэтому никогда не буду вливать эту энергию в семейную жизнь в тех объемах, которые он, как я знаю из наших разговоров, воображает в своем будущем браке.

Я говорю ему, что он будет обижаться на меня, и эта обида перерастет в ненависть, если мы поженимся, и в моей системе приоритетов он не будет выше моей работы. И я не обладаю способностью приглушать творческое начало в своей душе. Не имею такого желания.

Я говорю, давай относиться к этому более богемно. Давай просто позволим любви быть любовью и откажемся от всех определений и ожиданий. Давай перестанем думать о браке как о финишной черте, давай переопределим, что для нас значит совместная жизнь. Давай будем свободными, давай не связывать себя правилами.

Я хочу сказать все это.

Я ничего этого не говорю.

Я говорю кое-что из этого. Я не высказываю все подчистую. Потому что он выглядит таким разочарованным. И растерянным.

Он говорит:

– Но... но... Я думал, что ты гораздо более традиционна.

И в этот момент я понимаю: *я и есть этот поезд*.

Это я – поезд.

Я укладывала рельсы.

Для поезда, который есть я.

Я – история, грохочущая по этим рельсам мимо и пропадающая из виду. Я – ложь. Я сама себя придумала. Я уложила эти рельсы, выстроила эти декорации, я снимала себя на пленку и со свистом подходила к станции. И, боже ты мой, какой же это было прекрасной поездкой! Я выдаю хорошую историю. Я сотворила себя, превратив в то, что он искал.

И это творение имеет мало общего с человеком, которого я каждый день вижу в зеркале.

Я стара. И я люблю лгать.

Кто же знал, что я лгала нам обоим?!

В роли Шонды выступает... Шонда.

Да-да-да.

Вот бы мне сказать вам, что я, спотыкаясь, выбрела из этих отношений, опустошенная и разбитая.

Нет.

Я знаю, я говорила вам: нечего приходить в мою книгу, чтобы судить меня. Но здесь, прямо здесь, на этой странице – можете судить. Я не стану вставать в позу и вышвыривать вас из своей книги. Вы вольны судить.

Смотрите-ка. Что главное в этом большом памятном прорыве, который у меня случился? Который кристаллизовал меня такой, какая я есть, и навеки изменил мою жизнь? Этот прорыв случился только со мной. Это у меня был прорыв. А сломался другой человек. Так что в то время, когда я была занята своими откровениями, ужасная вещь происходила с другим, совершенно замечательным человеком. Может быть, я-то росла и менялась, но я также брала чьи-то мечты и планы на будущее и предавала их огню. То, что ценой моей радости была боль другого человека – это я себе прощу. Когда-нибудь.

Но тогда, в тот день? Когда это закончилось, я не могла ничего этого почувствовать. Все, что я чувствовала, – это... всепоглощающее облегчение. Радость.

Так что, как я и говорила, вы вольны судить. Давайте, займитесь осуждением. Вам же этого хочется. Потому что, должна вам сказать, я не просто ушла из этих отношений...

Я плясала.

Я выплясывала. Такая счастливая, какой уже давно не была.

Да-да-да.

Вида Делорс, я расплываюсь в улыбке. Сияющей. Светлой. Счастливой.

– Что это ты такая радостная? – интересуется она.

– Мы расстались, потому что я не хочу никогда выходить замуж!

Она хмурит брови. Я вполне буквально пускаюсь в пляс по гостинной. Мама называет это «проветривать свою корму», и когда она это говорит, нам полагается остановиться. Но мамы здесь нет, так что я выдаю свои лучшие танцевальные па в стиле восьмидесятых: «бегущий человек», «кэббидж пэтч»...

Делорс смотрит на меня. У нее на коленях сидит Эмерсон. Она тоже на меня смотрит. Делорс машет рукой в мою сторону, охватывая все мои движения одним жестом.

– Вот это вот... Это происходит какая-то твоя штука из года «Да»?

– Ага! – и я рассказываю ей, танцуя, что произошло.

– Значит, – медленно говорит она, когда я умолкаю, – ты так счастлива потому, что сказала «да» отказу выходить замуж.

Я прекращаю «проветривать корму». Сажусь. Долгую минуту молчу.

– Нет. Думаю, я настолько счастлива потому, что осознала, что мне действительно не нужна эта волшебная сказка. В смысле она у меня была. В смысле я уже в ней побывала. У меня уже есть отличная карьера, отличные дети, замечательный дом, феерическая жизнь. А теперь был еще и прекрасный мужчина. У меня это было, я собиралась *получить все*. Мне вроде как полагается хотеть получить все. Вроде как это должно меня дополнять. Заполучить прекрасного мужчину – это финал сериала. Какая-то часть меня втайне думала, что, может быть, я просто упрямлюсь. Что если бы я вышла замуж, то в конечном итоге была бы счастливее. И все радовались бы за меня. Это было бы так просто! До свадьбы было рукой подать. Изумительный мужчина – рядом. Счастье было так возможно. А я его не захотела.

И я выплываю из комнаты «лунной походкой». Делорс смотрит мне вслед. Я знаю, что она не понимает. Я объясню ей позже. А прямо сейчас я должна сплясать.

Это «да» – большое «да» для меня.

Вы готовы?

Моя счастливая концовка – не такая, как ваша счастливая концовка. А ваша – не такая, как счастливая концовка моей сестры Делорс, или моей сестры Сэнди, или Золы, или Бетси, или Гордона, или Скотта, или Дженни Маккарти. У каждого есть собственная версия.

Все мы проводим свою жизнь, кляня себя на все лады за то, что мы не такие или не сякие, что у нас нет того или сего, что мы не похожи на такого-то или на сякого-то.

За то, что не соответствуем некоему стандарту, который, как нам кажется, одинаково применим ко всем людям скопом.

Все мы проводим свою жизнь, пытаюсь идти по одному и тому же пути, жить по одним и тем же правилам.

Думаю, мы верим, что счастье состоит в подчинении одному и тому же списку правил.

В том, чтобы быть похожим на всех остальных.

Это неверно.

Нет никакого списка правил.

Есть одно правило.

Вот это правило: никаких правил нет.

Счастье бывает, когда живешь так, как нужно тебе, как ты хочешь. Как подсказывает тебе внутренний голос. Счастье бывает, когда ты такая, как есть, а не такая, какой тебе полагается быть.

Быть традиционными больше не традиционно.

Забавно, что мы по-прежнему так об этом думаем.

Нормализуйте свою жизнь, народ.

Не хотите ребенка? Не заводите ребенка.

Я не хочу замуж. Я не пойду.

Хотите жить одни? Наслаждайтесь этим.

Хотите кого-то любить? Любите кого-то.

Не извиняйтесь. Не объясняйте. Никогда не чувствуйте себя неполноценными.

Когда ощущаете потребность извиниться или объяснить, кто вы есть, это означает, что голос в вашей голове рассказывает вам неправильную историю. Сотрите ее со своего листа. И перепишите заново.

Никаких волшебных сказок.

Будьте своим собственным рассказчиком.

И стремитесь к счастливой концовке.

Шаг за шагом.

Вы справитесь.

15

«Да» – прекрасному

Я стою на ящике из-под яблок.

Этот прочный деревянный ящик, традиционно используемый для хранения фруктов, служит мне подиумом, делая меня достаточно высокой, чтобы свет падал на мое лицо под нужным углом. Свет, падающий на мое лицо под нужным углом, говорят мне, очень важен.

Я в этом не специалист. Так что, когда помощник фотографа указывает на ящик из-под яблок, я послушно встаю на него. Я стою на ящике из-под яблок и не двигаюсь. Жду. Кто-то же скажет мне, что делать дальше, верно?

Позади меня висит большой кусок темной ткани, простой и элегантный задник. Передо мной ползут по полу толстые змеи электрических кабелей, стоят прожекторы с цветными фильтрами, глубокое море членов съемочной группы образует полосу препятствий. Пара крепко сбитых парней с южным акцентом трудятся, устанавливая камеру в какое-то конкретное положение, сдвигая ее то на дюйм, то на два, добиваясь точности согласно какому-то незримому плану.

Далеко в задней части помещения я вижу хорошо одетых мужчин и женщин. Они кучкуются по углам, держась подальше от аппаратуры. Переговариваются вполголоса. Это

«костюмы» – армия студийных и личных рекламных агентов, менеджеров и руководителей журналов. Они необходимы, чтобы этот день гарантированно шел гладко и согласно расписанию. Я мельком замечаю там Криса – Криса номер один, моего рекламного агента.

Я сканирую помещение слева от себя, обращая внимание на импровизированную стену, которую возвели, чтобы отделить костюмерную от остальной части студии. Из-за этой стены с одной стороны слышится смех Эллен Помпео и низкие спокойные тона голоса Виолы Дэвис – с другой. Где-то посередине, я знаю, есть и Керри Вашингтон.

Я здесь вместе с главными леди вечера четверга. Эллен, Керри, Виола и я работаем фотосессию для *Entertainment Weekly*. Я вот-вот стану «девушкой с обложки» одного из самых популярных журналов в этой стране.

Стоять на этом ящике из-под яблок?

Черт побери, да, я буду!

Если вам понадобится, чтобы я встала на голову, я попробую.

Наконец, я замечаю его. Того человека, которого ищу. Фотографа. Джеймса Уайта. Он стоит в стороне, окруженный своей командой. Они смотрят на меня, тихонько переговариваясь. Склонив головы набок, изучая меня, препарируя то, что видят.

Я стою, вытянувшись в струнку, насколько возможно, надеюсь сделать представшее их глазам зрелище более приятным. Втягиваю живот, насколько он способен втянуться; пытаюсь нацепить на лицо выражение, которое будет похоже на какую-то версию уверенности и энергичности. Пытаюсь выглядеть как супермодель. О, этому *не* бывает! Приходится тряхнуть головой, забавляясь тем, что возникло желание попытаться.

Но краткий миг меня так и подмывает сбежать. Я даже задумываюсь. Может быть. Может быть, просто развернусь и сбегу.

Да. Можно написать об этом главу.

«Да» – *бегству*.

От этой мысли я фыркаю. Заслышав мое фыркание, Кэти хмурится, глядя на меня.

– Прекрати!

Кэти – гений макияжа, и в настоящий момент она пытается позаботиться о том, чтобы мои глаза выглядели идеально. Так что, говоря «прекрати», она подает команду вполне обоснованно. На самом деле она говорит: «Если будешь смеяться, то будешь трястись, а если будешь трястись, то эта длинная острая штука, которую я подношу к твоему глазу, ткнет тебя в глазное яблоко, и ты больше никогда не будешь смеяться».

Я знаю это, потому что мы уже очень долго работаем вместе – не один год. У нас есть кодовое слово.

Я вздыхаю, глядя на нее. Ностальгически. Благоговейно.

– Нет, ты можешь *поверить*?..

Я имею в виду вот *это*. Где мы находимся. Что мы делаем. Журнальную обложку. Я имею в виду саму мысль о том, что год назад это казалось бы смехотворным.

Она широко улыбается мне. Кэти и мой стилист по прическам, Верлен, занимали места в первом ряду, пока все к этому шло. В мои первые, самые неуверенные дни этого испытания они подбадривали меня и напоминали, что год «Да» – хорошая идея. Они видели меня раздетой догола, они видели меня уязвимой. Они знают каждую мою морщинку, каждый седой волосок и изъян. Перед каждым интервью, появлением на публике или фотосъемкой мои глаза отыскивают их и ждут легчайшего кивка одобрения, который означает, что я выгляжу хорошо, что можно без опаски продолжать. Они вместе со стилистом Даной – моя глам-команда «вместе до смерти».

Кэти улыбается мне во весь рот, сияет. С теплотой.

– После той недели, которая у тебя выдалась? – говорит она. – Да, Шонда. Я *могу* в это поверить.

Да-да-да.

Это была необычная неделя необычного года. Неделя, когда новые портреты находили причитающиеся им по праву места на стенах моего сознания.

В прошлый понедельник я стояла в кабинке звукозаписи и должна была перевоплотиться в статую.

Буквально.

Власти Чикаго попросили разных писателей написать заметки о разных произведениях искусства, имеющихся в этом городе. Эти написанные заметки предстояло записать как аудиофайлы, доступные в цифровом виде любому человеку со смартфоном. Мне досталась скульптура Миро «Солнце, луна и одна звезда». Нескладная, напоминающая колокол структура тридцати девяти футов высотой, с вилкой вместо головы, эта штука стоит в «Брунвик-Плаза». Сразу после установки она была объявлена уродской и желчно осмеяна, но с тех пор ее успели полюбить, и теперь она известна под ласковым прозвищем «Мисс Чикаго».

Я написала монолог, подаривший «Мисс Чикаго» стеснительную, непривлекательную женскую личность, которая постепенно собирается с силами и духом. Я стояла в кабинке, чтобы записать этот монолог для публики. Я была там, чтобы стать голосом «Мисс Чикаго». Этот момент застыл для меня во времени навсегда – маленький, но значимый портрет на моей стене. Стоя там, одна перед микрофоном, выговаривая слова, написанные мною для этой статуи, я должна была делать паузы, чтобы успокоиться. Необходимость произносить вслух, *делать своими* некоторые строки, которые я с такой легкостью приписала статуе, неожиданно растрогала меня.

«Я иная. Я – оригинал. Как все прочие, я здесь для того, чтобы занять пространство во вселенной. Я делаю это с гордостью».

Да-да-да.

Во вторник внутри моей головы появилась новая картина. Я снова оказалась в отеле «Бeverли Хилтон» на ТСА. ABC завершала свою презентацию, устроив для критиков дискуссии с представителями TGIT. Мы с Виолой, Керри, Эллен и другими продюсерами делали дурашливые селфи, прежде чем выйти на сцену. Я была в ярком желтовато-зеленом платье от Оскара де ла Ренты и сидела в самом центре. Не могу сказать, как долго длилось заседание. У меня никогда не получается следить за временем на таких мероприятиях. Но могу сказать, что я была разговорчива. Могу сказать, что ощущение было скорее как от моей гостиницы, чем как от пожарной команды на вызове.

Кто-то спросил, кто будет играть меня в фильме о моей жизни – вопрос, который до сих пор заставляет меня хохотать от ужаса. На коктейль-пати тем же вечером журналисты один за другим подходили ко мне, чтобы задать вопросы о моих программах, а потом наклонялись поближе и говорили что-то вроде:

– Знаете, я впервые увидел, как вы улыбались на сцене.

– Если бы я только знала ваш секрет...

– Вы в этом году... иная.

Первая. Единственная. Иная.

Да.

Да, я такая.

Да-да-да.

В прошлую пятницу я ехала по калифорнийскому побережью к «Земле Обетованной». Так называется дом Опры. Вот как будто вы этого не знали! Это все равно что не знать, что Белый дом называется Белым домом.

Я была приглашена в «Землю Обетованную», чтобы сняться в одном из эпизодов кабельного сериала Опры Уинфри Super Soul Sunday.

Я сидела и давала интервью Опре. И выжила.

И не просто выжила.

Если вы позвоните мне и спросите: «Эй, Шонда, как это было – давать интервью Опре?»

Хороший вопрос.

Я рада, что вы его задали.

Устраивайтесь поудобнее, и я расскажу вам об этом все.

ПОТОМУ ЧТО Я С АБСОЛЮТНОЙ ЧЕТКОСТЬЮ ПОМНЮ КАЖДУЮ ДЕТАЛЬ.

Я помню это ощущение. Я там присутствовала. Моя душа не покинула тело, готовясь к неминуемой смерти.

Я была расслаблена. Мне было комфортно. Не было никаких нервов. Интервью доставило мне чистое удовольствие.

Вы меня услышали.

Я откровенно, честно, взаправду, воистину получала удовольствие, давая это интервью.

Славная большая картина маслом вывесилась на стену моего сознания и там и останется навсегда.

Не только потому, что Опра была великолепна. Опра, несомненно, является лучшей ведущей ток-шоу на планете, она невероятно умна, проницательна и добра. И она таки *была* великолепна. Но мы ведь уже постановили, что великолепна она всегда. И все же, случись это до наступления года «Да», прежняя Шонда пережила бы ядерную паническую атаку, которая привела бы к полной амнезии.

Опра всегда будет восхитительна в этом сценарии.

Вся разница заключалась во мне.

На мне не было доспехов. Мне нечего было прятать. Я ни о чем не беспокоилась.

Я была... бесстрашна.

Итак, у нас состоялась беседа. Мы болтали. Мы разговаривали.

Чего я всегда так боялась?

От чего я защищалась?

Из-за чего я так нервничала?

Да-да-да.

И вот теперь меня здесь фотографируют для обложки *EW*.

Еще одна картина на стену.

– Думаю, пора, – говорит мне Кэти, снимая салфетки, заправленные за ворот моего вечернего платья, и пятится прочь.

И передо мной вырастает Джеймс. На плече у него камера, я вижу еще две или три камеры на тележке, готовые к использованию.

У Джеймса дружелюбное, открытое лицо. Он сразу же мне нравится. Он тянется ко мне, берет мои руки в свои и смотрит на меня. Я позволяю телу расслабиться, ловлю его взгляд. Я достаточно знаю о фотосъемках, чтобы понимать, что мне нужно быть сейчас в этой студии с Джеймсом. И больше нигде. И больше ни с кем.

– Вы готовы? – спрашивает он.

Я делаю глубокий вдох.

Готова ли я?

Готова ли?

Делаю еще один глубокий вдох и смотрю на Джеймса.

– Да, – отвечаю. – Да, я готова.

Джеймс широко улыбается. Пожимает мне руку и утешающе подмигивает.

– Давайте сделаем это, – говорит он и отходит в сторону, чтобы взять очередную камеру.

Да-да-да.

Накануне я пыталась объяснить Делорс всю значимость того, что она сделала для меня в то утро Дня благодарения полтора года назад. Я пыталась поблагодарить ее, пыталась объяснить, что она изменила мою жизнь. Что она *спасла* мне жизнь. Пока я говорила, Делорс не отрываясь смотрела на меня, склонив голову набок. Она терпеливо ждала, но ее лицо демонстрировало, насколько нелепыми она считает мои слова.

– Шонда, – промолвила она, когда я наконец остановилась. – Я ничего не сделала. Всю работу проделала ты. Это было словно...

Тут Делорс умолкла. Она часто делает долгие паузы, которые действуют как эпические клиффхэнгеры^[59], когда обсуждаешь с ней важные темы. Она встала, подошла к холодильнику и копалась в нем, пока не нашла персик. Вымыла его. Обтерла. Я не шучу.

– ...словно тебе нужно было разрешение, – наконец договорила она. Потом пожала плечами. – Я твоя старшая сестра. Я дала тебе разрешение. Подумаешь, большое дело!

Я кивнула. И уже собиралась выйти из комнаты, когда она снова заговорила.

– Я невероятно горжусь тобой, – тихо сказала она. – Ты была такой безрадостной. Ты только и делала, что спала. Буквально. И метафорически. Ты спала. Меня это беспокоило. Жизнь коротка. А твоя казалась очень-очень короткой. Но теперь ты совершенно преобразилась. Ты живая. Ты живешь. Некоторые люди никогда этого не делают.

А потом она перекинула через плечо сумочку и вышла из моей кухни.

Вот такая у меня сестра.

Да-да-да.

Единственное, что я поняла, – это что я НИЧЕГО не знаю. Если бы кто-то сказал мне в то утро Дня благодарения в 2013 году, что я сегодня буду совершенно другим человеком, я рассмеялась бы шутнику в лицо. И все же... вот она я.

Стала на сто двадцать семь фунтов стройнее.

Стала на несколько неприятных людей легче.

Ближе к своей семье.

Лучше как мать.

Лучше как друг.

Счастливее как начальница.

Сильнее как лидер.

Креативнее как писатель.

Честнее как человек – и с собой, и со всеми остальными в моей жизни. Более склонная к приключениям. Более открытая. Более смелая. И более добрая. К другим. Но и к себе тоже. Я больше не терплю жестокости, с которой прежде обращалась сама с собой.

Дверь кладовки распахнута. Я вышла из нее, чтобы быть среди живых.

Карабкаться на очередную гору.

Искать очередную панораму.

Развешивать на стенах одну картину за другой.

Да-да-да.

Мне в лицо дует теплым воздухом фен. Из колонок на потолке гремит Бейонсе. Джеймс меня фотографирует. Вся его команда собралась вокруг, все глаза следят за каждым моим движением. Они поглядывают на меня, корректируя свет. Корректируя фокус. Я слишком занята выплясыванием, чтобы стесняться.

Один жест Джеймса – и внезапно один из его шкафоподобных парней оказывается рядом со мной. Ставит на пол другой ящик из-под яблок, побольше размером. Протягивает руку и помогает мне, когда я на него взбираюсь. Я смотрю на Джеймса. Он жестом показывает, чтобы на время приглушили громкость музыки. Потом дает мне указания, как встать в позу.

– Шаг вперед. Поверните голову, чуть-чуть. Кстати, я не хочу, чтобы вы выглядели скованной или словно вам не нравится... Вот, так очень хорошо... Но ощущаете ли вы теплый воздух на лице? Мне нужно, чтобы вы постоянно его ощущали.

Я киваю.

Джеймс указывает на кого-то пальцем, Бейонсе возвращается, он делает снимок за снимком, и я танцую. Я «без ума от любви», а потом «пьяна любовью», а потом «правлю миром»^[60]. И пока я это делаю, пока я выплясываю, я смотрю на всех сверху вниз со своего места на вершине маленького холмика из яблочных ящиков. Кэти там, внизу, пляшет вместе со мной, и все улыбаются, и вся студия – сплошная волна энергии. Я поднимаю руки, запускаю пальцы в волосы и поворачиваюсь, подставляя лицо теплу и свету.

«Я на своей собственной горе, стою под своим собственным солнцем», – думаю я про себя.

Джеймс придвигается, фотографируя мое лицо крупным планом, как раз когда я взрываюсь хохотом при этой мысли.

И Джеймс и ребята вокруг отвечают мне смехом. Камера не переставая снимает. Королева Бей не перестает петь.

Джеймс улыбается, бросает взгляд на монитор.

– Ты прекрасна! – кричит он мне.

Ты прекрасна.

Джеймс заявляет это как всем известный факт. Он выкрикивает это в голос. И потому я решаю не перечить ему. Я решаю верить ему. Джеймс – явно не дурак. Джеймс знает, о чем говорит.

– Да, – шепчу я себе, – я прекрасна.

Джеймс смотрит на меня.

– Ты еще на что-то способна?

Я широко улыбаюсь.

– ДА!

Джеймс тут же поднимает камеру, снова включает, делая одно фото за другим.

– Продолжай танцевать, – командует он. – Ты не поверишь, что я сейчас вижу!

И я выплясываю. Я выплясываю на своей горе, под своим солнцем, словно от этого зависит моя жизнь. Потому что так и есть.

И Джеймс не прав, когда говорит, что я не поверю. Потому что, когда я потом вижу эти фото, я абсолютно и полностью верю в то, что вижу. Пусть женщина, которую я вижу, мне в новинку, но я хорошо ее знаю. Она мне нравится. Мне нравится, кто она. Мне нравится, кем она становится.

Я люблю ее.

Вглядываясь в эти фото, я теперь понимаю, ради чего был весь этот мой год «Да». Ради любви.

Это просто любовь, вот и все.

Та маленькая девочка с консервированными овощами приоткрывает дверь кладовки ровно настолько, чтобы выглянуть в щелку на солнечный свет. Она тоже видит эту прекрасную женщину, купающуюся в свете, одетую в красное платье, с широкой улыбкой на лице.

Она одобряет. Она тоже ее любит.

Кто я была. И кто я есть.

Это просто любовь.

Так не терпится узнать, кем я буду, когда приблизится следующее Благодарение!

Кем бы я ни была, я буду прекрасна.

Потому что, пусть я и старая лгунья, но я буду прекрасной старой лгуньей.

Я буду счастлива.

Я буду того стоить.

Стоить шоколадной фабрики.

Всегда – незавершенный проект.

Всегда пляшущая.

Всегда под солнцем.

Да.

Всегда пляшущая под солнцем.

Да.

Да.

Да.

Благодарности

Как много рук, как много помощи! В столь многих отношениях столь многие люди оказывали мне бесценную помощь и в работе над этой книгой, и в те полтора года, что предшествовали ее созданию!

На всем свете не хватит слов, чтобы выразить мою благодарность. Все, что я могу сказать, – это что я надеюсь и молюсь, чтобы каждый из вас мог взять ящик из-под яблок,

выпрямиться во весь рост под солнцем и там, на виду у всего мира, встать в потрясающую «позу силы». Ибо каждый из вас – истинный супергерой. Возможно, вы не спасли весь *этот* мир, но вы спасли *мой* мир.

Спасибо всем.

Моему литагенту Дженнифер Джоэль из ICM. Той, что сказала мне, что этот мой безумный личный эксперимент – всему говорить «да» – следовало бы превратить в книгу, а потом терпеливо разбрасывала хлебные крошки, которые довели мой безумный мозг до финишной черты.

Мэриью Риччи из Simon & Schuster, которая наняла меня, чтобы написать книгу о материнстве, а потом, когда мне стало ясно, что я не хочу писать эту книгу, с легкостью позволила мне вместо нее написать другую. Опыт работы с ней и Дженн радовал, развивал и менял меня. Это мое определение «работы мечты».

Моему ТВ-агенту, Крису Силберманну из ICM, который поддерживал меня и, вместо того чтобы напоминать, что у меня и без того слишком много работы и детей, неизменно вел себя как мой личный гладиатор-защитник.

Майклу Джендлеру – умнейшему юристу, который все делает возможным.

Крису Дилорио из PMK-BNC, который продолжает свои сизифовы усилия, катя камень-меня в гору. Который ни разу за все это время не сунул мою голову в коробку и не сшил костюм из моей кожи. Ни одна минута этого пути к всеобщему обзору не была бы возможна без него.

Айли и Вере Раймс – моим родителям. Они меня создали. Они вылепили меня и придали мне форму. Они бесконечно удовлетворяли мою потребность обсуждать мои «планы на будущее» и аплодировали моим устремлениям. Отец говорил мне: «Единственное препятствие на пути к успеху – твое собственное воображение». А мама умела поставить на место, обломать и «уконтраПоупить» любого, кто пытался дать мне понять, что это неправда. Они были моими первыми гладиаторами. Каждому бы ребенку расти в условиях такого же поощрения и энергичной защиты!

Вообще все мои братья и сестры – прекрасные люди. В частности, моя сестра Сэнди Бейли обладает большим числом талантов, навыков и дарований, чем любой другой из моих знакомых. То, как она применяет многие из них, чтобы улучшить *мою* жизнь, достойно большего, чем простое удивление. Она способна по первой же просьбе подхватить под мышку очередную малышку, чтобы я могла спокойно писать, – и это вызывает у меня благоговейный трепет. То, что она яростно защищает меня, когда ей кажется, что я чего-то не вижу, и то, что она высмеивает меня в лицо при первых же признаках самодовольства, делает ее совершенством. Мы делили на двоих уникальный опыт детства, и я не променяю это на все блага мира.

Содержание этой книги, по идее, должно дать ясно понять, откуда у меня появился перед моей сестрой Делорс долг благодарности. Но то, что я рассказала вам о ней на этих страницах, – лишь вершина очень большого айсберга. Если бы я принялась рассказывать обо всем, что она для меня сделала, повествование составило бы не один том. Так что я просто скажу, что Делорс – необыкновенная, замечательная, старомодная, ботанистая, веселая, душевная, бескорыстная и восхитительная, и только она поймет всю глубину комплимента, если я скажу, что она для меня – одновременно и Рубака^[61], и Повелительница Времени^[62]: я защищена.

Кристофер Томас – мой брат от другой матери. Добавление его к моей семье – лучшее, что я когда-либо сделала. Наша жизнь может меняться, но наша Кейшо-стрит продолжает жить.

У меня трое детей, которых я люблю больше всего на свете. Так что я никак не смогла бы руководить «Шондалэндом» или написать эту книгу без серьезной реальной помощи дома. Если бы я все же попыталась, то мы бы голодали и валялись в грязи, как свиньи. Чтобы я могла работать, у меня есть «целая деревня» сильных, энергичных женщин, которые делают

мой дом настоящим. Так что я благодарю Мирту Росс, Келли Чивер, Улу Хринхок, Кэссиди Браун, Тейлор Томпсон, Калэ Браун.

И повторюсь еще раз: Дженни Маккарти – мое все. Эти женщины буквально спасают меня. Когда я писала эту книгу, они поддерживали меня так, как я и мечтать не смела.

Харпер, Эмерсон и Беккетт – это попросту самые прекрасные, самые лучшие, особенные и талантливые, блестящие, красивые дети. Никакие другие дети с ними не сравнятся. Все, что они делают, что говорят и чем являются, – это сплошное совершенство (даже когда это не так). Они развиваются именно так, как следует, и являются для меня постоянным напоминанием – сделать перерыв и поиграть.

Кэссиди Браун читала эту рукопись по мере того, как она глава за главой выходила из принтера, и подбадривала меня.

Эрин Канчино и Элисон Икл прочли завершенную рукопись раньше всех остальных и воспользовались возможностью подробно рассказать мне, что в ней есть отстойного. Честное мнение бесценно. То, что все три женщины высказали свои мнения бесстрашно, возрождает мою веру в человечество.

Эбби Чемберс слушала, как я читала вслух текст, набирая его, а Зола, Гордон и Скотт терпеливо выслушивали мои трепыхания под бокал горячительного.

Моя замечательная команда помощников – Эбби, Эрин, Ленси, Мэтт – следила, чтобы я всегда оставалась в здравом рассудке, была накормлена и двигалась вперед.

Мой любимый водитель Майк Рейнолдс часто парковался в тихих переулочках и отказывался выдавать миру мое местонахождение, чтобы я могла спокойно писать, сидя на заднем сиденье машины.

Бетси Бирс – вне обсуждения. Мне пришлось бы написать целую книгу о ее многочисленных великолепных качествах. Она, Пит Ноуолк и все до единого члены моей семьи из «Анатомии страсти», «Скандала», «Как избежать наказания за убийство» и еще более обширной семьи «Шондалэнда» – люди одаренные, воодушевленные и веселые. Благодаря им у меня не пропадает желание ходить на работу.

Сценаристы из сценарного офиса «Шондалэнда» дарят мне чувство товарищества, утешение, волшебство, интеллектуальность, веселье, выпечку, уроки степа, песни Джоан Баэз, правило ЧС в сюжете (если сомневаешься, вводи в сюжет вампира), сплетни, поделки и произведения искусства, рассказы о войне, вторники с виски / пятницы с вином / понедельники с «маргаритой» и целый мир невероятного творческого таланта. Без них невозможно было бы уложить никакие рельсы.

Линда Лоуи своими кастингами сделала мой мир лучше и креативнее. Я глубоко благодарна всем до единого актерам, которых она нашла и поставила передо мной. В *этой* книге я особенно благодарю ее за то, что привела на мою орбиту Сандру О.

Все люди из компании ABC и ABC Studios все время, пока шел творческий процесс создания этой книги, были так же милы, чудесны и так же поддерживали меня, как и всегда. Они продолжают делать свою студию чудесным местом, которое смело можно называть домом.

Где-то глубоко в недрах Apple есть два парня с невероятно успокаивающими телефонными голосами, которые спасли эту рукопись и не дали мне утопиться в океане после того, как я за работой опрокинула бутылку воды на свой MacBook Pro. Спасибо вам, Стюарт и Джейсон, где бы вы ни были!

Дана Эшер, Кэти Хайленд, Верлен Антуан – моя *глем*-команда. Они помогают мне выглядеть и чувствовать себя прекрасной. Мало того, они выявляют ту лучшую версию меня, о существовании которой я и не догадывалась. Я каждый день испытываю благодарность им. Помните, что единственная причина, по которой я выгляжу такой, какой вы меня видите, – это потому что ТРИ человека проработали надо мной как минимум ДВА С ПОЛОВИНОЙ ЧАСА (плюс шопинг, подгонка, шитье одежды на заказ). Я такой *не* проснулась!

Эва Цвинар спасла мне жизнь и стала моим другом. Твоя решимость, вера и ободрение были и продолжают оставаться для меня бесценными. Нет в языке слов, чтобы достойно поблагодарить тебя.

Гордон Джеймс, Зола Машарики и Скотт Браун – выдающиеся личности. Они сплотились вокруг меня так, как я и не представляла возможным, и с их подачи я переопределила свое понимание истинной дружбы. Готовность к взаимопомощи в нашей энергичной, умеющей мечтать, неосуждающей, всегда говорящей правду маленькой банде Бонни и Клайдов кажется беспредельной. Все препятствия преодолимы, любую гору возьмем штурмом. Картины, которые они развешивают на моих стенах, – одни из лучших: уроки танцев в Эдгартауне, бранчи в Soho House, воскресники с детьми, изумительные разговоры, откровения, веселье и удовольствие... Делорс вдохновила меня начать, но эти трое не позволили мне отступить. Дорога, по которой мы идем вместе, – непрерывное чистое непреклонное «вместе до смерти».

Рассказывая Сандре О о том, что написала эту книгу, я говорила о преодолении страха перед высказыванием своего мнения. Она кивала, потому что знала, какой ценой это мне доставалось. Но все равно выглядела озадаченной.

– Что, – наконец спросила она, – ты делала с теми вещами, которые слишком боялась высказать *досвоего* года «Да»?

Я уставилась на нее и долго молчала.

– Сандра, – медленно проговорила я, – ТЫ высказывала это за меня.

Сандра моргнула.

– Ой... Ой! Ой, а ведь верно, о боже мой!

Мы продолжаем удивлять друг друга откровениями. Сандра вместе со мной создала персонажа, который навсегда изменил жизнь нас обеих – и мы не перестаем открывать для себя все новые черты этих перемен. Осмысливать. Приходить в себя. Не думаю, что мы с Сандрой когда-нибудь полностью поймем то воздействие, которое оказываем друг на друга. Мы обе – половинки одного вымысла и сумма одного опыта. Я благодарю ее за то, что она присоединилась ко мне в этом путешествии – порой болезненном, порой прекрасном. Всегда познавательном. Навеки освобождающем.

Кристина Янг сделала меня смелой. Я благодарю ее за то, что она соткалась из эфира.

Наконец, спасибо всем на этом свете, кто смотрел любой из моих сериалов и наслаждался им – хоть одной серией, хоть один раз, – я более чем благодарна вам. Это означает, что по крайней мере один раз я сделала что-то правильно.

«Вы должны делать то, что, по вашему мнению, сделать не можете».

Элеонора Рузвельт

Об авторе

Шонда Раймс – признанная критиками и отмеченная наградами создательница и исполнительный продюсер популярных телевизионных сериалов «Анатомия страсти», «Частная практика» и «Скандал», главный режиссер сериала «Как избежать наказания за убийство».

Среди ее литературных работ «Дневники принцессы – 2. Королевская помолвка», «Перекрестки» и «Знакомство с Дороти Дандридж».

Раймс – обладательница диплома бакалавра Дартмутского колледжа в области английской литературы и писательского мастерства и диплома магистра школы кино и телевидения Южно-Калифорнийского университета, равно как и почетных докторских степеней, присвоенных ей обоими учебными заведениями.

Журнал *Time* дважды включал Раймс в список «100 самых влиятельных людей», журнал *Fortune* – в список «50 самых влиятельных женщин в бизнесе», журнал *Variety* – в список «Женская сила», а журнал *Glamour* назвал ее «женщиной года».

В 2013 году президент Обама назначил Раймс куратором Центра исполнительских искусств Джона Кеннеди.

За свою работу над сериалом «Анатомия страсти» Раймс получила премию «Телепродюсер года» – 2007, присуждаемую Гильдией продюсеров Америки, премию «Золотой глобус» – 2007 за «выдающуюся телевизионную постановку», премию «Люси»-2007 за «превосходные достижения на телевидении» от организации Women in Film, премию Гильдии писателей за «лучший новый сериал» вдобавок к номинациям на премию «Эмми» за «выдающийся драматический сериал» и «сценарий для драматического сериала».

За сериал «Скандал» Раймс была удостоена в 2013 году престижной премии Пибоди. Раймс также получила в 2012 году премию GLAAD Golden Gate, в 2010-м – премию «Надежда» от RAINN, а в 2010 и 2011 годах – почетные премии Телевизионной академии.

В 2005, 2013 и 2014 годах Раймс была лауреатом премии AFI за «телепрограмму года». Вдобавок Раймс шесть раз становилась лауреатом премий «Имидж» от NAACP за «выдающийся сценарий в драматических сериалах», а также восемь раз получала эту премию за «выдающиеся драматические сериалы».

В 2014 году Раймс и ее партнер-продюсер Бетси Бирс получили престижную премию «Разнообразие» от Гильдии режиссеров Америки. Это был всего лишь пятый случай присуждения этой награды.

В 2014 году Раймс получила медаль У.Э.Б. Дюбуа от Гарвардского университета, премию «Лидерство» имени Шерри Лансинг от *Hollywood Reporter* и была номинирована как в список «нового истеблишмента» *Vanity Fair*, так и в список «50 самых влиятельных женщин» *Marie Clair*.

В 2015 году Раймс была награждена лавровым венком Пэдди Чаефски за «достижения в телевизионной сценаристике» от Гильдии писателей Запада Америки и введена в Зал Славы телевидения Национальной ассоциацией вещателей США. Она также была удостоена премии имени Элеоноры Рузвельт за защиту прав женщин во всем мире, присужденной фондом «Феминистское большинство» в знак признания ее работы по изменению лица СМИ.

Раймс, которая родилась и выросла в Чикаго, штат Иллинойс, ныне живет в «Шондалэнде» – очень реальном и очень воображаемом месте, которое могло бы находиться где-то в пределах Лос-Анджелеса. Она – гордая мать трех дочерей.

* * *

КОГДА ВЫ ДАРИТЕ КНИГУ, ВЫ ДАРИТЕ ЦЕЛЫЙ МИР

ХОТИТЕ ЗНАТЬ БОЛЬШЕ?

Заходите на сайт:

<https://eksmo.ru/b2b/>

Звоните по телефону:

+7 495 411-68-59, доб. 2261

Сноски

1

Одна из основных католических молитв. Слово «Розарий» означает «венок из роз». Святой Розарий является как бы небесным венком, сплетенным из молитв и размышлений – *Прим. ред.*

2

Отсылка к телесериалу «Анатомия страсти».

3

Отсылка к телесериалу «Скандал».

4

В американской лотерее Powerball в каждом розыгрыше происходит выбор пяти чисел из первого блока (от 1 до 69, белые шары) и одного числа из второго (от 1 до 26, красные шары). При выигрыше джекпота он обычно выплачивается тридцатью ежегодными платежами).

5

Телевизионный биографический фильм-драма о двух стареющих чудаковатых родственниках Жаклин Кеннеди.

6

Герой фильма «Загадочная история Бенджамина Баттона», человек, который жил «задом наперед», родившись 80-летним и молодея с каждым днем.

7

Территория внутри кольцевой автодороги вокруг Вашингтона. Негативная метафора разделения Америки на «политические круги» и «население».

8

Средство для лечения панических расстройств, тревожных невротоз.

9

Дочь Бейонсе и Джей-Зи.

10

Home Box Office – североамериканская кабельная и спутниковая телевизионная сеть, более всего известная своими сериалами.

11

Малала Юсуфзай – пакистанская правозащитница.

12

Ассоциация телевизионных критиков. Группа из примерно двухсот журналистов США и Канады, которые собираются в январе и июле для обсуждения новых телепроектов.

13

Гейл Кинг, подруга Опры Уинфри, ведущая собственного ток-шоу «Шоу Гейл Кинг» (The Gayle King Show), в 1999-м она стала редактором журнала *O, The Oprah Magazine*. Также она работала в качестве спецкора для ток-шоу «Шоу Опры Уинфри» (The Oprah Winfrey Show) и «Доброе утро, Америка» (Good Morning America). В сентябре 2006-го Кинг начала вести «Шоу Гейл Кинг» на спутниковом радио XM Satellite Radio.

14

Так Джон Траволта случайно произнес имя Идины Мензел на вручении премий «Оскар».

15

Оговорка ведущего: Альберт Гор был вице-президентом.

16

Победителю скачек Кентукки Дерби вручают «одеяло» из 554 алых роз – символ турнира.

17

Американский политик, сенатор США от штата Северная Каролина с 2003 по 2009 год, член Республиканской партии.

18

Комплекс зданий Дартмутского колледжа.

19

Нигерийское национальное гарнирное блюдо типа мамалыги.

20

«Да, все женщины». Хештег появился как ответ на #notallmen после убийств в Айла-Висте, США, в 2014 году. Смысл: «Каждая женщина может стать жертвой насилия».

21

Take Back the Night – международная некоммерческая организация, ставящая цель покончить с бытовым насилием во всех формах: сексуальным, домашним и в отношениях.

22

Феминистский интернет-мем, сокращение от «не все мужчины такие (плохие)».

23

«Верните наших девочек» – название общественной кампании, развернутой после массового похищения нигерийских школьниц в Чибоке.

24

«Перестаньте делать вид, что вставляя хештеги – то же самое, что заниматься делом».

25

Аллюзия на песню Рианны Man Down, где по сюжету героиня кого-то пристрелила.

26

Одна из новых ведущих сценаристов в «Анатомии страсти».

27

Книга с картинками для детей младшего возраста, написанная японским писателем и дизайнером Таро Гоми, с иллюстрациями автора.

28

Обезьянка, герой американского приключенческого мультфильма.

29

Героиня детской книжки американского писателя Эрика Карла.

30

Нарушение сна, сопровождаемое эпизодами остановки носоротового дыхания продолжительностью не менее 10 секунд.

31

Организация «Люди за этичное обращение с животными».

32

Мать героя фильма «Что гложет Гилберта Грейпа» страдает крайней формой ожирения – настолько, что не выходит из дома.

33

Речь о Миранде Бейли – героине «Анатомии страсти».

34

Примерно 1800 мл.

35

Профессионалы кино, занимающиеся организационными, техническими вопросами и текущим производством.

36

Намек на «Шесть шляп мышления» – систему организации мышления, разработанную Эдвардом де Боно.

37

Американская феминистка, журналистка, социальная и политическая активистка.

38

Вторая женщина в истории американской юриспруденции, ставшая в 1993 году судьей в Верховном суде США.

39

Бейонсе.

40

Посттравматическое стрессовое расстройство.

41

Аллюзия на трагедию в Джонстауне в 1978 году, когда основатель секты «Храм народов» Джим Джонс уговорил 909 человек покончить с собой, приняв яд, растворенный в напитке Koool Aid.

42

Американская бейсболистка.

43

Первая афроамериканка – прима-балерина Американского театра балета за 75 лет его истории.

44

Американский телеканал, осуществляющий правительственные трансляции.

45

Кхалиси – титул Дейнерис Таргариен из «Игры престолов».

46

Ежегодная нью-йоркская презентация каждой телесетью новых осенних программ рекламодателям.

47

Американская актриса театра и кино.

48

Интернет-мем, крылатая фраза из фильма «Пятница».

49

Одна из крупнейших ЛГБТ-организаций США, ставящая своей целью защиту прав лесбиянок, гомосексуалов, бисексуалов и трансгендеров.

50

Сторонник Дональда Рамсфелда, американского политика-республиканца, министра обороны в 1975–1977 и в 2001–2006 годах.

51

Аллюзия на песню Джанет Джексон «Rhythm Nation» из одноименного альбома.

52

В оригинальном тексте *ride or die*. Переносный смысл отличается от буквального: это о людях, ради которых готов сделать что угодно и быть рядом, несмотря ни на что.

53

Гильдия режиссеров Америки.

54

Гильдия писателей Америки.

55

Американская неправительственная ЛГБТ-организация.

56

Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения.

57

Американский институт киноискусства.

58

Идрисса Акуна «Идрис» Эльба – британский актер кино и телевидения, наиболее известный по фильмам «28 недель спустя», «Рок-н-рольщик», «Мальчишки-налетчики», «Призрачный гонщик 2», «Прометей», «Тихоокеанский рубеж», трилогии «Тор».

59

Англ. cliffhanger – художественный прием, обрыв повествования в ключевой момент с «открытой развязкой», цель которого – заставить зрителя или читателя ждать продолжения.

60

Названия песен Бейонсе – «Crazy in Love», «Drunk in Love», «Run the World».

61

Персонаж японского аниме «Рубаки».

62

Правители и основная раса планеты Галлифрей из «Доктора Кто».